Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 3

2021

от главного редактора журнала «Литературный Азербайджан» Солмаз Ибрагимовой:
По вине «Агентства развития медиа Азербайджанской Республики», не соизволившего оплатить типографские расходы №№1, 2, 3 за 2021 год, мартовский номер нашего журнала (№3) до сих пор не вышел из печати.
Я приношу извинения работникам типографии, с которой журнал сотрудничает более 12 лет, а также нашим уважаемым подписчикам, читателям и авторам номера.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Мейхош АБДУЛЛАХ. **Пленница...** *Роман* 3
Сейран САХАВЕТ. **«Лейли-Меджнун» и заведующий фермой**. *Рассказ* 89
Ляман БАГИРОВА. **Литературные портреты** 108
Лейла БЕГИМ. **Как реагируют на «корону» в Чехии?** 127
Гюнель ЭМИНЛИ. **Красивые и смелые.** *Одноактная пьеса* 129

ПОЭЗИЯ

Афаг РАФИГГЫЗЫ. *Стихи* 79
Садыг ХАНАЛИЕВ. *Стихи* 84

ПУБЛИЦИСТИКА

Анеля ОРДУХАНОВА. **«Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо…»** 101
Октай МИР-КАСЫМ. **Сеятель Здоровых Зёрен** 103
Хайале ЭФЕНДИЕВА. **Мир Сейрана Сахавета** 104

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 24. 02. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2021 г.

МЕЙХОШ АБДУЛЛАХ

ПЛЕННИЦА...

Роман

(Основан на реальных событиях)

Перевод Теране МЕММЕД

Наша боль, наша скорбь...

От переводчика

...Говорят, время лечит раны. Я с этим абсолютно не согласна. Оно лишь на время прикрывает раны повязкой из тончайшей вуали, которую может сдуть даже не очень сильный ветерок, и рана вновь кровоточит. А более глубокие раны, осложняясь с течением времени, болят еще сильнее. Может быть, именно поэтому все известные исторические произведения были написаны не во время того или иного исторического события, а гораздо позже. Мне кажется, что писать о боли, муках, страданиях можно только глубоко прочувствовав их и изучив факты, дабы не быть голословным. Роман «Пленница» написан почти через 18 лет после начала войны в Карабахе. Думаю, что это достаточный промежуток времени для того, чтобы осознать, прочувствовать ту боль, которую пережил народ, а может быть, и народы во время этой войны – войны, которая все еще продолжается.

Если скажу, что переводила этот роман, не зная его содержания, наверное, трудно будет в это поверить. Но, поверьте, это так. Я прочитала первые несколько строк романа и начала переводить. Будучи уроженкой Карабаха, я сразу почувствовала какую-то близость и понимание. Меня не интересовал роман как литературное произведение. Я смотрела на него, как на совокупность фактов насилия, жестокости и бесчеловечности, с которыми, к сожалению, столкнулся мой народ, мои земляки.

«Удивительное создание человек, – пишет автор. – И его необычность заключается в том, что он одновременно и головорез, и тот, кому отрезают голову. Он и жесток, и он же подвергается жестокости. Нет разницы, кто это делает. Значение имеет только то, что это делает создание под названием «человек».

Мне кажется, стоит задуматься над этим. Я не критик и не имею никакого права говорить о положительных или отрицательных сторонах романа. Но о том, что Мейхош Абдуллах взял на себя большую ответственность и потратил на написание этого романа силы и здоровье (роман от начала до конца читается в напряжении, а иногда и со слезами на глазах), я не могу не сказать. Я понимаю, что, будучи переводчиком этого произведения, взяла на себя не меньшую ответственность. Думаю, читатели не будут судить меня очень строго. Я читала и переводила одновременно. При этом я сопереживала героине, представляя себя на ее месте, и поражалась таланту автора, который так мастерски смог передать всю боль, муки и страдания женщины-азербайджанки, уроженки Карабаха, которая, по её собственным словам, «не политик, а просто женщина и мать», ставшая жертвой войны. Когда я переводила этот роман, у меня была единственная цель: довести до русскоязычного читателя ту боль, те муки и страдания, которые перенесла женщина-азербайджанка в плену у армян, и не пропагандировать войну, а, наоборот, призвать все человечество остановить насилие.

Дорогой мой соотечественник!.. Дорогой мой сородич!..
Как бы трудно ни было, мы должны признать, что
потеряли на войне не только земли, но и многие
моральные ценности. Сколько наших женщин и девушек,
сестёр и матерей подвергаются пыткам в плену?!
Их стоны зовут сынов Родины к отмщению.
Впереди нас ждет тяжелый, но славный бой…
И только эта битва сможет стереть с нас клеймо позора,
очистить нашу запятнанную совесть.
Убивая в бою, мы вернём свою честь, а погибая,
спасем себя от позора и порицаний будущего поколения!..

... Чтобы встретиться с этой женщиной, пробывшей три года в плену, мне пришлось ждать целый год. О Саиде, которая жила в старом ветхом доме в селе Надежда Ставропольского края, мне рассказал один из моих боевых товарищей – он скончался в больнице через месяц после освобождения из плена. С тех пор, несмотря на мои многократные попытки, женщина никак не соглашалась на встречу со мной. Тем не менее, я не терял надежды и был уверен, что настанет день, когда долгожданная встреча всё-таки состоится. Я прекрасно понимал чувства Саиды, прожившей три года в плену, и осознавал, как тяжело ей будет вспоминать то страшное время. Но желание узнать подробности не давало мне покоя. К сожалению, ни мои неоднократные поездки в Россию, ни мое упорное желание встретиться не давали нужного результата. Однако я был очень упорным и когда, наконец, добился её согласия, всю ночь не сомкнул глаз, молясь Аллаху, чтобы эта встреча вдруг не сорвалась. Никогда прежде я так не волновался.

По дороге к дому Саиды ханым, стоявшему на окраине деревни, я попал под моросящий осенний дождь, который ещё больше усилил мою грусть и тревогу. Я почувствовал себя маленьким обиженным мальчиком, продрогшим от холода. Спрятав руки в карманы плаща и втянув шею в поднятый воротник, я словно пытался прижаться к самому себе, чтобы хоть немного согреться... Стоило только завернуть за угол, и я был бы у цели.

Заранее обдумав предстоящую встречу, по дороге я повторял про себя вопросы, которые хотел задать, и чувствовал себя актером, который готовится к выходу на сцену. Я точно знал, что самое главное – начать, а там все сложится само по себе. Как говорится, лиха беда начало.

А вот и дом Саиды ханым – женщины, о которой я, не переставая, думал все последнее время. Но меня интересовал вовсе не дом, а та, что живет в нем. Хотя должен признаться, что задолго до встречи с хозяйкой я задавал свои вопросы именно его стенам, ходил кругами вокруг дома, делясь с ним своей грустью и тоской. Поэтому он казался мне родным – ведь я так часто беседовал с немыми камнями, не в силах выпросить ни одного слова у его хозяйки.

Подойдя к двери дома, я тихонько постучался. Через некоторое время послышались медленные шаги, звук которых прекратился прямо у двери. Какое-то время стояла тишина, но я чувствовал, что кто-то смотрит на меня в глазок. Я выпрямился и тут же услышал протяжный женский голос:

– Кто там?

Испугавшись, что она может передумать, если я буду медлить с ответом, и тогда я ее больше никогда не увижу, я тут же выпалил:

– Это я – человек, который хотел с вами встретиться. Если помните, мы с вами вчера договаривались о встрече.

Мертвая тишина, наступившая после этого краткого объяснения, длилась так долго, что я начал волноваться. Прошло еще немного времени.

Наконец тишину нарушил скрип, по всей вероятности давно не открывающейся, заржавевшей двери. Я вздрогнул. На пороге полуоткрытой двери стояла худощавая женщина среднего роста лет тридцати пяти-сорока. Бледное лицо и испуганный взгляд этой рано поседевшей женщины заставили меня насторожиться. Я подумал о том, что любой необдуманный шаг и любое неверно сказанное слово закроют передо мной эту дверь навсегда. С трудом взяв себя в руки, я поздоровался:

– Здравствуйте, Саида ханым. Рад вас видеть!

Я был в полном замешательстве, так как не знал, как завоевать доверие этой женщины. Одно я знал точно – если она сейчас захлопнет дверь и уйдет, то я её больше никогда не увижу. Ведь я добивался этой встречи целый год.

Женщина отвела от меня взгляд, опустила голову и хриплым голосом сказала:

– Входите!

Войдя в комнату, я почувствовал резкий запах. Казалось, окна и двери этой квартиры не открывались годами. В комнате стоял тяжелый спертый воздух.

Я осмотрелся. Это была маленькая однокомнатная квартира. По пожелтевшим от времени ободранным обоям нетрудно было догадаться, что ремонта здесь не было очень давно. Глубокие трещины на стенах и свисающая по углам паутина безмолвно говорили о том, что жизнь в этой комнате давно остановилась. Все предметы в этом забытом богом уголке наводили тоску. Только ковер, висевший на стене, немного оживлял комнату. Может быть, именно он убедил меня в том, что это жилая комната. Ковер был настолько красивым, что я даже задался вопросом, каким образом он попал сюда.

Стул, предложенный мне, был в нескольких местах обвязан проволокой. Стол покрыт старой потёртой тканью. Палас на полу был настолько ветхим, что скручивался под ногами, мешая передвигаться. Прогнивший пол, не выдерживая тяжести, скрипел под ногами и действовал на нервы. Увидев лежащего в углу комнаты укрытого старой курткой пса, я остановился, как вкопанный. Это был огромный старый пес. Только сейчас я понял, откуда исходит неприятный запах, который я почувствовал, войдя в комнату. Лениво подняв морду, собака залаяла, и я понял, что она живая. Вид слюны, стекающей из пасти, вызывал тошноту. Странно было видеть этого огромного пса, по всей вероятности, из породы собак-пастухов, предназначенных стеречь стадо, в жилой комнате. С виду она никак не походила на домашнюю – уж больно была грубой и некрасивой. Если это сторожевая собака, то почему она не во дворе? Я не мог понять, что хозяйка дома, пережившая все муки ада в плену, держит у себя дома это животное просто для того, чтобы не чувствовать себя столь одинокой. Мысли о собаке мешали сосредоточиться на главной цели моего визита. Я был уверен, что между этой собакой и женщиной есть какая-то незримая связь и решил при первом удобном случае спросить её об этом.

Женщина молча присела на табуретку и опустила голову. Я не знал, с чего начать разговор, хотя целый год мысленно повторял вопросы, которые хотел ей задать.

Конечно, прежде всего меня интересовало, что пережила эта несчастная женщина за три года в плену. В принципе, я знал, какие мучения были уготованы нашим пленницам. Она бы, наверняка, удивилась, если бы я сейчас это всё ей рассказал… Прожить три года в плену в невыносимых страданиях – это не каждому по плечу. Но, наверное, пережитое ею было гораздо тяжелее того, что можно себе представить. Все наши представления о жизни весьма относительны и очень часто не отражают действительности.

Я еще раз окинул комнату взглядом. Мое внимание вновь привлекла собака, дремавшая в углу. И мне захотелось начать разговор именно с этого и спросить, что делает здесь этот пёс? Но я тут же передумал, так как это могло обидеть хозяйку.

Поэтому я начал разговор с банальных слов:

– Как поживаете, Саида ханым?

Мой голос словно разбудил ее ото сна – она вздрогнула, медленно подняла голову и тихо, но очень сердито ответила:

– Если хотите, чтобы наш разговор состоялся, не называйте меня «ханым».

Немного помолчав, она посмотрела мне прямо в глаза.

– Я всё потеряла в плену у врага. Я теперь не ханым, и даже не мать. Называй меня по имени. Так лучше.

Я не ожидал такого поворота и немного растерялся. Но в то же время эти слова словно разбудили мою память. Вопросы, застрявшие в её недрах, стали принимать отчетливые очертания. Я вспомнил, как много раз приходил на встречу со списком заготовленных заранее вопросов. И каждый раз после очередной несостоявшейся встречи я рвал этот список и составлял новый. Таким образом появлялись всё и новые вопросы, список которых я опять рвал и выбрасывал. Поэтому у меня накопилось очень много вопросов, ждущих ответа. Но вот уже несколько минут я, как школьник, не выучивший урок, сидел перед ней и не мог найти тот самый первый вопрос, который послужил бы началом нашей беседы.

Своим резким замечанием Саида сама направила разговор в нужное русло, и я, заикаясь, промямлил:

– Конечно, конечно. Как вам угодно…

Она снова замолчала. Потом, сосредоточив взгляд на моем лице, сказала:

– Обещайте, что никто не узнает о нашем разговоре. Ведь я уже два года живу здесь, но даже мои соседи толком не знают, кто я и откуда приехала. Они считают меня душевнобольной. Я ни с кем не общаюсь. Но каждое утро соседи кладут перед моей дверью продукты для меня и моей собаки. Одежду мне тоже дали они. Я скрываю ото всех, что была в плену. У меня нет прописки в этой деревне, и поэтому я не получаю никакого пособия. Хочу, чтобы всё осталось тайной. Все эти годы я даже не искала выживших родственников. Наверняка они считают меня мертвой. Пусть так и останется. Это лучше для меня. Теперь вы меня понимаете? Обещаете, что всё, о чём мы будем говорить, останется между нами?

Я был готов на все и согласился бы на любые условия.

– Конечно. Всё будет, как вы скажете. Иначе и быть не может. Будьте абсолютно уверены – вам не о чем беспокоиться. Но у меня тоже есть просьба – расскажите мне всё без утайки, как на исповеди. Если можете, отнеситесь ко мне, как к родному человеку. Я всё понимаю. Знаю, как тяжелы ваши воспоминания. Постарайтесь взять себя в руки.

В комнате снова воцарилась тишина. Женщина никак не решалась заговорить. Быть может, она думала о том, с чего начать и как закончить разговор. Было видно, что она очень волнуется. Собака, лежащая в углу, широко раскрыла пасть, высунула язык, широко зевнула и, повернув морду к хозяйке, залаяла.

Женщина встала с табуретки, прошла в отделённый занавесом угол комнаты и через некоторое время вернулась с едой для собаки. Опустившись на колени, положила перед ней миску. Сначала пес коснулся мордой коленей хозяйки, а затем принялся жадно есть. Саида жалостливо смотрела на собаку и нежно гладила её мохнатую голову. Заметив, что я внимательно смотрю на них, она с неожиданной нежностью произнесла:

– Это мой сын! Руслан! – затем, схватив собаку за морду, стала ласково теребить её: – Он выглядит старше своей матери, правда?

В этот момент я вспомнил, что сказала женщина в начале разговора – «мои соседи считают меня душевнобольной».

«А может, так оно и есть?» – подумал я.

Быстро управившись с едой, собака довольно облизнулась. А женщина, словно забыв о моем присутствии, продолжала играть с собакой. В эту минуту она казалась такой счастливой…

В этой весёлой, ещё нестарой женщине трудно было узнать мрачную старуху, которой она показалась мне вначале. Собака же, радуясь общению с хозяйкой, перекатывалась с боку на бок, облизывая ее руки.

– Сыну пять лет. Постарел очень, – сказала она, нежно улыбнувшись. Но почему-то от этой улыбки лицо ее стало ещё более грустным. Казалось, она никогда в жизни не улыбалась. Затем Саида опять села на табуретку и, скрестив руки на груди, уставилась невидящим взглядом в одну точку. Я молча ждал продолжения разговора. Но она не торопилась – ей необходимо было сосредоточиться. Несколько минут прошли в молчании. Наконец она заговорила:

– Это было вечером, в 10 часов. Али, запыхавшись, забежал домой и коротко бросил: «Собирайся быстрей! Враги захватили город!»

Сказав это, он взял нашего трехмесячного сына на руки. Конечно, новость была ужасной, но я не очень испугалась, потому что за два года мы привыкли к взрывам мин и звуку снарядов. Все, кто мог держать в руках оружие, сражались в окопах лицом к лицу с врагом. И только в последний месяц начали распространяться слухи о том, что город будет взят противником. Поэтому слова мужа были восприняты мной с относительным спокойствием, как нечто ожидаемое. Я начала быстро собираться, а муж продолжал торопить меня: «Поторопись! Ничего не бери! Пойдем пешком!»

Мы взяли только небольшой сверток с детской одеждой и вышли из дома. Бои шли в южном направлении города. Грохот взрывающихся мин, прорывая темноту ночи, наводил ужас. Вокруг все полыхало в огне. Люди стекались к шоссе в западной части города, откуда предполагали выйти на неоккупированные территории.

Муж взял меня за руку и потянул в обратном направлении, сказав: «Сейчас там начнут бомбить».

И в самом деле, вскоре асфальтированную дорогу начала обстреливать артиллерия. Люди разбегались в разные стороны. Страх мелкой дрожью распространялся по каждой клеточке тела.

Весна только-только вступала в свои права, и было всё ещё очень холодно. Впопыхах я не успела надеть теплую одежду и теперь дрожала не только от страха, но и от холода.

Брошенные на город бомбы разрушили электрические столбы, поэтому электричества в городе не было. Но свет звёзд, сияющих в ту злополучную ночь особенно ярко, и блики разрывающихся снарядов ярко озаряли окрестность.

Али шагал впереди, держа на одной руке нашего сына, а в другой нес автомат. Он шел так быстро, что мне приходилось бежать за ним. Время от времени Али оборачивался ко мне, пытаясь подбодрить: «Не бойся! Здесь спокойнее. Если пройдем мост у въезда в город, то мы спасены. Быстрей бы туда добраться».

Русланчик плакал, не переставая. Я взяла ребенка у мужа и прижала к груди. Он немного успокоился. В это время раздались крики у шоссе – там, где скопился народ. По всей вероятности, эти люди попали в окружение. Грохот разрывающихся снарядов сменился автоматной очередью, к которой примешивались крики женщин и плач детей.

Мы приближались к мосту. Вдруг Али пригнулся к земле и дал мне знак сделать то же самое. Я прижала ребенка к груди и пригнулась, не видя, что происходит впереди. Он повернулся и прошептал мне на ухо: «Видишь, там, у моста, стоит военная машина. Постарайся, чтобы ребенок не заплакал. Не бойся! Все будет хорошо». Затем, чтобы успокоить меня, добавил: «Сейчас я им покажу, где раки зимуют!»

Али был офицером. 10 лет прослужил в советской армии в звании капитана. Когда началась война, вернулся на родину и организовал партизанский отряд из числа добровольцев. Незадолго до этого ему присвоили звание майора.

Али был хорошим стрелком, разбирался во всех видах оружия. Армяне даже обещали за его голову большое вознаграждение.

Хоть он и держался спокойно, я понимала, что он волнуется за нас с сыном. Русланчик заснул у меня на руках. Я устроила его поудобнее, чтобы он не проснулся. Вообще-то он был очень спокойным ребенком. Мог спать часами, как и полагается трехмесячному малышу.

Небо было такое звездное, что я смогла разглядеть бронетранспортер, стоявший у моста, и двух вооруженных солдат. Когда я сказала об этом Али, он приложил палец к губам и велел молчать. Я прижалась головой к его спине, закрыв от ужаса глаза. Муж старался казаться спокойным и хладнокровным. Он тихо прошептал мне на ухо: «Ты видишь? Их трое. Один в бронетранспортере».

Я посмотрела на бронетранспортер и увидела, что солдат стал беспорядочно строчить из пулемета, установленного на машине. От стрёкота пулемета, который находился на расстоянии 100-150 метров от нас, закладывало уши. Наш малыш проснулся и стал плакать. Я прижала его к себе и начала кормить грудью, чтобы немного успокоить. Али потряс меня за плечо, словно хотел разбудить, и прошептал: «Надо двигаться к мосту. Иди за мной!»

Пригнувшись, он стал пробираться вниз сквозь кусты. Я шла за ним по пятам. Русланчик, сладко причмокивая, продолжал сосать грудь. Мы приближались к мосту. От армянских солдат нас отделяло немногим больше 30 метров. Али снял автомат с плеча и прицелился. Я догадалась, что он хочет сделать, и слегка тронула его за плечо. Он обернулся ко мне и еле слышно прошептал: «Закрой ребёнку уши!»

Отговаривать или что-то советовать мужу было бесполезно. Надо было просто беспрекословно подчиниться. Я сняла с головы платок и, сложив его, прикрыла лицо малышу. Сама же, в ужасе закрыв глаза, прижалась к спине мужа, ожидая, что вот-вот раздастся выстрел. Но он так и не прозвучал. Какое-то время я не решалась открыть глаза. Наконец раздались выстрелы. Но оказалось, что стрелял не Али, а враги. С машины в разные стороны летели пули. Муж как будто этого и ждал. Он выстрелил три раза. Я поняла это по тому, как у меня три раза качнулась голова. После выстрелов Али на той стороне наступила тишина. Я продолжала стоять с закрытыми глазами, крепко прижимая ребенка к себе. Муж обнял меня и сказал: «Видишь, Саида, я же обещал, что покажу им, где раки зимуют. Смотри, я уложил всех троих».

Открыв глаза и посмотрев на мост, я действительно не увидела никого ни рядом с машиной, ни на ней. Я заплакала от радости.

– Али! Ты правда убил их?

– Конечно, – сказал он, обнимая меня вместе с сыном. Потом вдруг встревожился: – Саида, ребенка не слышно. Не задохнулся ли он?

Я вздрогнула, вспомнив, что на лице малыша до сих пор мой платок. Как только я убрала его, Руслан проснулся и громко закричал, а потом снова замолчал. При лунном свете его глаза блестели, как у попавшего в капкан мышонка.

– Я чуть было не убила тебя, милый, – прошептала я, целуя его. Малыш сладко потягивался, потирая глазки пухлыми ручонками.

Я ждала дальнейших указаний мужа. Если бы в этот момент он приказал мне взять оружие и пристрелить себя и ребенка, я, не задумываясь, сделала бы это. Али же молчал, прислушиваясь к доносящимся издалека выстрелам.

Затем он взял у меня ребенка, и мы пошли к мосту. Проходя мимо бронетранспортера, я увидела двух мертвых солдат, лежавших перед машиной, и одного – возле пулемета. Али взял их автоматы, и мы пошли дальше.

Наступила полночь. Я падала с ног от усталости и буквально засыпала на ходу. Хорошо ещё, что Русланчик не плакал, только ёжился от холода.

Мы шли, не останавливаясь, и постепенно отдалялись от моста. Чем выше мы поднимались, тем лучше был виден город, пылающий в огне. От этой картины сердце обливалось кровью – ведь наши дома, имущество, всё, что мы зарабатывали честным трудом долгими годами, в одночасье превратилось в пепел.

Али хорошо знал дорогу, поэтому я даже не спрашивала, куда мы идем, и только молила Аллаха, чтобы мы остались в живых. Холод пронизывал до костей. Уже рассвело, и в воздухе чувствовалась сырость. Трава была покрыта утренней росой. Как назло, у меня порвались туфли, и ступни промокли. Ноги гудели от усталости, не было никаких сил двигаться дальше. Я буквально повисла на плече мужа. Но он тоже выбился из сил и тяжело дышал. Ещё бы – ведь на одной руке он нёс нашего малыша, а в другой держал три автомата! И я еще была ему обузой. Но Али старался не показывать вида и подбадривал меня: «Потерпи еще немного, вот дойдем до безопасного места, а потом отоспимся». Мне же хотелось только одного – отдохнуть. И неважно где. Я готова была лечь на грязную, сырую землю. Слова Али, конечно, успокаивали и придавали сил, но я уже валилась с ног.

Впереди виднелись виноградные плантации. Стоящие в ряд бетонные столбы напоминали шеренгу солдат. Там же был небольшой дом – по всей вероятности, домик сторожа, охраняющего сад. Мы подошли к нему и осторожно вошли внутрь. Здесь было тепло и сухо. Войдя в теплый дом, я легла на солому и тут же провалилась в глубокий сон, словно кто-то ударил меня камнем по голове. Не знаю, сколько я проспала. Если бы плач ребенка не разбудил меня, то я еще долго спала бы. Открыв глаза, некоторое время не могла понять, где я, и оглядывалась по сторонам, как ненормальная. Мне казалось, что всё произошедшее просто кошмарный сон. Очнулась, когда увидела в углу избы мужа, спящего с автоматом в руках, и ребенка, плачущего около меня. Только тогда я всё вспомнила. Проснуться и оказаться лицом к лицу с необратимым горем – представьте, каково это?

Только одно меня утешало – я радовалась, что муж и ребенок живы и они рядом со мной. Это было единственное, что вселяло в меня надежду.

Стало светать. Я взяла плачущего малыша на руки и прижала к груди, чтобы немного успокоить. Когда я его распеленала, в нос ударил запах мочи. Ребенок был весь мокрый – ведь сменить пеленку вчера не было возможности. В свёртке, который я успела взять из дома, было всё необходимое. Я сменила пеленку и начала кормить малютку. Он сильно проголодался и сосал грудь, как волчонок. Наевшись, Русланчик сразу заснул, я уложила его рядом с собой и укрыла. Ноги гудели, и всё тело у меня ныло, как при простуде. Мне нечем было укрыться. Я свернулась калачиком, пытаясь согреться, Мрачные мысли одолевали меня – что делать, куда идти? Что с нами будет? Безответные вопросы так затуманили мне голову, что я почти ничего не соображала. Горечь потерь угнетала меня. Вы и представить себе не можете, как тяжело в одночасье лишиться всего. Я тосковала по дому, по всему, что оставила, по каждой мелочи. К сожалению, обычно человек ценит то, что имеет, уже после того, как потеряет это. Возможно, я бы ещё долго рассуждала на эту тему, если бы не увидела солдат, идущих по дороге. Их было хорошо видно, но я затруднялась определить – то ли это были наши солдаты, то ли враги. Я разбудила мужа: «Али! Посмотри! Там солдаты!» Он вскочил и прильнул к окну. Мы слышали голоса солдат, но не могли определить, на каком языке они говорят. Али молча вглядывался в них, потом тихо сказал: «Это враги, – и добавил, чтобы подбодрить меня: – Не бойся! Я рядом».

Может быть, вначале я и не боялась, но после слов мужа мне стало страшно. А как же иначе? Ведь именно страх заставил нас бежать в никуда. Если бы мы не боялись, то остались бы дома. Одно только давало надежду – со мной рядом мой муж. Он – военный и у него есть оружие. Чтобы побороть страх, я просто должна довериться ему. Лицо Али было совершенно спокойным.

«Интересно, все ли военные бывают такими хладнокровными?» – подумала я. Я мечтала, чтобы этот кошмар наконец закончился без жертв. Конечно, Али был мужественным человеком, настоящим военным, но с ним были мы с сыном, и это усугубляло ситуацию. Быть может, если бы он был один, ему было бы легче принять решение.

Али следил за врагами, ни на секунду не сводя с них глаз. Именно в это время произошло то, чего мы никак не ожидали. Один из солдат передал свой автомат другому и побежал к нашему домику, расстегивая на ходу ремень. Было ясно, что он решил воспользоваться домом, как туалетом.

«Сволочь! Надо же было, чтобы ему именно сейчас приспичило!» – пробормотал Али. А солдат продолжал бежать в нашем направлении.

Расстояние между нами сокращалось. Муж тихонько положил руку мне на плечо и сказал: «Саида, возьми ребенка и пройди назад. Пусть этот подонок зайдет в избу – здесь ему конец». Он говорил так спокойно, что казалось – речь идет не о солдате, а скорее – о кошке или собаке. Я с тревогой подумала: «Ну и что с того, что у этого подонка нет оружия? Оно есть у других – тех, кто ждет его на дороге. Разве Али не видит?» Конечно, я не знала, что будет дальше, но понимала, что в любом случае нас не ждет ничего хорошего.

Враг был в десяти шагах от нас. Как только он пинком открыл деревянную дверь, муж ударил его прикладом по голове. Это произошло так мгновенно, что я даже не успела глазом моргнуть. Солдат коротко вскрикнул и свалился к ногам мужа. Он корчился на полу, как курица с отрезанной головой. Кровь, стекавшая по лбу, обезобразила его лицо. Вскоре он перестал дышать. Али, ткнув его дулом автомата, со злостью бросил: «Вот и вся ваша сила, подонки? Что вы петушитесь?»

Мне стало плохо от увиденного. Я не смогла удержаться и меня вырвало прямо в доме. Муж обнял меня: «Пройдет, возьми себя в руки».

Вскоре с дороги послышались голоса. Кто-то звал: «Гурген! Гурген!»

Прошло еще немного времени. Кто-то из солдат выстрелил из ружья – пуля пролетела над домом. Все громко засмеялись. Остальные тоже со смехом стали обстреливать дом. Увидев, что из дома никто не выходит и не откликается на зов, один из солдат быстрыми шагами направился к нам. «Теперь уже будет по-другому», – поняла я, потому что солдат был вооружен. Я не ошиблась. Подойдя к избе, он замедлил шаг и снял автомат с плеча. Заподозрив подвох, он насторожился и стал, как кошка, осторожно пробираться к двери. Я повернулась и посмотрела на Али. Он понял мой немой вопрос.

«Кажется, их всех поджидает здесь смерть», – сказал он, присев на колени и прижав автомат к себе. Солдат стоял в нескольких шагах от дома, но не решался зайти. Было заметно, что он боится.

«Эй, Гурген!» – позвал он дрожащим голосом. Даже в голосе его чувствовался страх. Не получив ответа, он несколько раз выстрелил – сначала по крыше, затем – в стену. Ребенок вздрогнул и начал плакать. Али посмотрел на меня, на сына, а потом тихо произнёс: «У нас нет другого выбора!» – и одной пулей уложил солдата. Я увидела, как пуля попала солдату прямо в лоб. Тот, не издав ни звука, свалился на землю. Али быстро поднялся на ноги и начал стрелять в солдат, стоявших на дороге. Ему удалось уложить ещё двоих. Остальные автоматными очередями буквально изрешетили стены дома. Пули свистели над нашими головами. Я испытала настоящий ужас. Дом находился на возвышенности, поэтому мы были под прицелом. Вражеские солдаты укрылись в овраге, откуда и вели обстрел. Али стрелял из автоматов, которые он забрал на мосту у убитых им солдат. Через некоторое время на дороге показалась военная машина. Как только она остановилась, оттуда выскочили солдаты. Они легли на землю и тоже стали стрелять. Мы ничком лежали на полу. Может быть, поэтому и остались в живых.

Доски на потолке от пуль разлетались в щепки и сыпались на голову. Было ясно, что долго мы так не продержимся. Али уже не мог стрелять. У него даже не было возможности поднять голову. Дом просматривалась, как на ладони.

Неожиданно снаружи раздался громкий взрыв, от которого дом качнуло в сторону, как спичечный коробок. От ужаса я зажмурилась. Открыв же глаза, увидела, что

Али истекает кровью. Ему оторвало правую руку, которая теперь валялась в пяти-шести метрах от него. От потрясения я не знала, что делать. Али стонал, прижав левой рукой кровоточащую рану. Вокруг него образовалась лужа крови. Положив ребенка на пол, я подбежала к нему. Али крепко зажмурил глаза и стиснул зубы. Он был очень бледным. На рубашке проступило несколько кровавых пятен – значит, его ранило в нескольких местах. Я была настолько ошеломлена, что не знала, что предпринять, и только кричала. Только через некоторое время я отыскала в своей сумке кусок чистой материи и попыталась перевязать рану. Но остановить кровь, которая хлестала из вен, было невозможно. Стиснув зубы от невыносимой боли, Али молчал, чтобы не напугать нас ещё больше. Я вся перепачкалась его кровью. От бессилия и собственной беспомощности я положила голову на колени мужу и зарыдала. Он что-то мне говорил, но из-за того, что его голос хрипел, я не могла ничего разобрать. Лежавший на полу ребенок истошно плакал, а я его просто не замечала. В эту минуту для меня самым главным было помочь Али. Мне хотелось, чтобы он встал и увел нас отсюда, от этого кошмара. Ведь его смерть означала, что мы все погибнем. Али продолжал стонать. Он задыхался и уже не мог дышать. Посмотрев в окно, я увидела, что вражеские солдаты врассыпную продвигаются к дому.

В ужасе я стала тормошить мужа: «Али! Али! Вставай. Они же идут к нам!»

Но он терял сознание, силы покидали его. Левой рукой он что-то искал на полу. Догадавшись о намерениях мужа, я подползла к автомату, который валялся неподалеку, и вложила его в руку Али. Он схватился за оружие с закрытыми глазами, но не смог удержать его.

Враги были уже совсем близко. Расстояние между нами все уменьшалось. Наверняка они догадались, что человек, стрелявший в них, убит или ранен. Потому что они слышали мои рыдания. Али уже не мог говорить, а ребенок надрывался от плача. Я не знала, кому из них помочь. Испугалась, что враги расстреляют ребенка, чтобы он замолчал – поэтому взяла его на руки и, прижав к груди, громко закричала. Я хотела, чтобы они меня увидели и расстреляли. В тот момент я больше всего мечтала умереть!.. Но они не собирались меня убивать…

Нас окружили около 15 солдат противника. Мне было противно смотреть на их обозленные лица. В голове пронеслась мысль: «А что, если сейчас Али встанет и всех их перебьет?». Но, к сожалению, это было несбыточное желание. До того, как чья-то сильная рука схватила меня за волосы и отшвырнула в сторону, я еще надеялась на чудо... Ужасное это чувство – страх. В тот момент я думала только о себе и не слышала даже голос сына, который уже посинел от плача. Увидели трупы своих товарищей, враги ещё больше взбесились. Они окружили лежавшего в луже крови Али. Вдруг один из них наклонился и, внимательно посмотрев на бледное лицо мужа, заорал: «Али!.. Это Али!...»

Они узнали мужа. Ведь за его голову было объявлено крупное денежное вознаграждение…

Прервав рассказ, Саида тяжело вздохнула. А затем, с трудом взяв себя в руки, продолжила:

– Один из них своим сапогом надавил на рану Али. Муж еле слышно застонал. Оказывается, он был еще жив.

Саида замолчала и опустила голову. Я видел, как слезы катились по ее щекам и капали на пол. Хотел утешить её, но не находил слов. Что бы я ни сказал, ничто не в силах было облегчить её боль. Поэтому я решил молчать.

Прошло еще немного времени. Саида никак не могла успокоиться. Прошлое воскресло в ее памяти, и незаживающие душевные раны вновь стали кровоточить. Я продолжал молча смотреть на нее. Мне казалось, что если я не проявлю должного внимания, она тотчас же попросит меня уйти.

Наконец она вытерла слезы, тяжело вздохнула и продолжила:

– Командир вражеского отряда снял со своего ремня большой нож, нагнулся к Али и перерезал ему горло. Затем поднял вверх окровавленную голову и что-то с улыбкой сказал остальным. Услышав слово «доллар», я поняла, что они собираются взять голову Али в качестве доказательства, чтобы получить за неё обещанное вознаграждение. После того, как голову Али отрезали, его обезглавленное тело ещё несколько секунд дёргалось на полу в судорогах… Эта сцена… – Саида не смогла договорить и замолчала. Через некоторое время она спросила охрипшим голосом: – Тебе кажется странным, правда, что я так спокойно об этом говорю? Наверное, думаешь, что у этой женщины каменное сердце, да? На самом деле это не так… Просто то, что они со мной сделали потом, было гораздо ужаснее... Не знаю, как после всего этого я живу. Странное существо человек. Знаешь, в чём заключается странность человеческая? Он – и головорез, и жертва, которой отрезают голову. Он и жесток, и он же подвергается насилию. Неважно, кто это делает. Значение имеет только то, что это делает существо, именуемое «человеком». Странно и то, что мы испытываем страх, когда чувствуем приближение чего-то ужасного. А когда оно случается, пережив это, перестаем испытывать страх, привыкаем к нему... Вот и я… Какими бы жуткими ни были эти ужасные события, я пережила их.

Я подтвердил ее слова кивком головы.

– Ребенок у меня на руках, словно инстинктивно чувствуя ужас происходящего, истошно плакал. Может быть, он почувствовал, что отцу отрезали голову. Я же ничего не соображала. Веришь ли, даже забыла, что окружена лютыми врагами. И когда меня тащили к машине, спокойно шла рядом с ними, лишь иногда оглядываясь назад. Чем дальше мы отходили от того жуткого места, тем меньше мне верилось, что оставшееся в домике обезглавленное тело – это то, что стало с моим Али…

Как ни странно, но, глядя на эту голову, я чувствовала какое-то успокоение. Мне казалось, что Али идет с нами рядом…

Солдаты положили тела пятерых своих товарищей в машину. Там было еще три трупа – расстрелянные мужем вчера у моста солдаты.

Меня заставили сесть в кузов вместе с солдатами. Те обращались со мной, как с вещью, как с куском дерева. Ребенок в тесноте стал плакать ещё громче. Один из солдат пнул меня в бок, жестами приказывая успокоить ребенка. Я молчала, не обращая на него внимания. Тогда он протянул руку, разорвал ворот платья и заорал: «Ты что, не слышишь? Покорми своего щенка! Иначе мы его накормим чем-нибудь другим».

Я прижимала ребенка к груди, но кормить при них не решалась. Это не понравилось солдату. Он поднял окровавленную голову Али над головой нашего сына и со смехом сказал: «Не плачь, щенок! Смотри, а то придет бабайка и сьест тебя!»

Дрожь пробежала по моему телу. Я тряслась от страха. А ребенок все продолжал плакать.

Тогда солдат ткнул окровавленную голову Али в лицо ребенка, и кровь потекла малютке в рот. Ребенок с жадностью стал глотать её и сразу притих.

Тогда этот подонок, повернувшись к своим друзьям, сказал: «Видите этих дикарей? Сын пьет кровь своего отца. Тьфу на вас! Вы – мерзкие твари!».

Я рукой оттолкнула голову мужа и почувствовала её леденящий холод. Сердце защемило, руки мои вмиг ослабли, я уронила ребенка, и он упал прямо под ноги солдатам. Тогда они вцепились в мое тело, как голодные волки и стали дергать его в разные стороны, как тушу. Казалось, эти дикари хотят растерзать меня.

Вдруг машина резко затормозила. Офицер, сидевший внутри, выглянул из кабины:

– Кажется, вы не можете поделить эту бабу? Вас же много, а она одна. Лучше пошлите ее ко мне. Не ссорьтесь из-за какой-то шлюхи. К тому же она – кормящая мать. Значит должна сидеть в переднем ряду. Разве вас этому в школе не учили?

Офицер спустил меня с кузова и усадил в кабину рядом с собой. Здесь было тепло, но руки этого изверга всю дорогу шарили по моему телу, ни на минуту не давая покоя. Мы приехали в какой-то поселок. От перенесенных потрясений и от голода у меня кружилась голова, не было сил выйти из машины. Ребенок же ни на минуту не умолкал и посинел от плача.

Офицер жестом приказал мне сойти. Я не чувствовала ног и мне казалось, что как только сойду с машины, тут же свалюсь на землю. Я медлила, чтобы мышцы ног немного размялись. Тогда офицер так сильно ударил меня по спине, что я упала на землю лицом вниз вместе с ребенком. Все засмеялись. Меня отвели в какую-то комнатушку в военной казарме. Принесли еду, но я ни к чему не притронулась. Несмотря на голод, есть я не могла. Разве кусок полезет в горло после такого? Тогда солдаты, смеясь, стали запихивать еду мне в рот. Чтобы успокоить ребенка, я подсластила воду и дала ему. Меня била мелкая дрожь и тошнило от голода. Я чувствовала, что теряю рассудок, а сын заходился плачем. Не было сил его успокоить. Странно, я вообще не испытывала к нему никаких чувств, словно окаменела. Просто молча смотрела на него. Малыш вертел головой, сжав руки в кулачки. А я думала о том, что делать дальше, прекрасно осознавая, что если останусь в живых, эти подонки будут надо мной издеваться. Во-первых, потому что я была женой офицера, во-вторых, мой муж убил их солдат. Уж лучше смерть. Но я не знала, как покончить с собой. Может, повеситься? Но как? Я окинула взглядом комнату… Всевышний лишил меня и этой возможности. Где мне было найти веревку, крючок для того, чтобы сделать это и положить конец своим страданиям? Знаешь, оказывается, чтобы повеситься, человеку нужна спокойная обстановка.

К обеду в комнату, напевая себе под нос какую-то мелодию, зашел офицер, который меня сюда привез. В руках у него был большой сверток с едой. Он разложил на столе какие-то продукты и бутылки. Я сразу поняла, что все это не к добру. Сначала они заставят меня есть и пить, а потом… Аллах знает, что они сделают со мной потом. В намерения этих подонков не оставалось никаких сомнений. Господи! Что же мне делать? Упасть к ногам этого мерзавца и просить о пощаде? Да разве они пожалеют меня? Как бы тяжело ни было, я готова была пожертвовать сыном ради своей чести. Пусть заберут ребенка или даже убьют его... Самое страшное, если они надругаются надо мной…

Закончив с приготовлениями, офицер взял меня за руку и усадил за стол, а сам сел напротив. Он плохо говорил на нашем языке и всё время ругался грязными словами. Офицер пытался заставить меня есть, а я пыталась объяснить ему, что не хочу. Он придвинул свой стул ко мне, обнял за плечи и прижал к себе. Впервые в жизни я так близко почувствовала дыхание чужого мужчины. Ужас был в том, что это было дыхание врага, человека, чьи руки были запачканы кровью моего мужа. А теперь эти руки покушались на мою честь. Я так резко вскочила со стула, что офицер вздрогнул от неожиданности и потянулся к пистолету. Я плакала, пытаясь разжалобить его каменное сердце, упала ему в ноги и готова была целовать сапоги, лишь бы он меня не трогал. Если бы он сжалился надо мной, отказался от грязных намерений, я бы простила ему всё – и смерть мужа, и потерю крова. Но этого не случилось. Он взял меня за руку и предложил переспать с ним. Сказал, что отпустит, если соглашусь… Знаешь, по-настоящему я ведь не его боялась. Я боялась потерять свою честь. Если это случится, как мне жить после этого? Как жить душе в обесчещенном теле? Как?

Когда я отвернулась и твердо сказала «нет», то получила такой удар по лицу, что упала со стула и ударилась об стенку. Тогда я осознала, что такое плен, и поняла, что никто меня не пощадит ни при каких обстоятельствах.

Схватив со стола бутылку, я что было сил швырнула её в мерзавца. Он прижался к стене. Бутылка попала ему в локоть. Закрыв глаза, он так заорал, словно ему отодрали кусок мяса. Затем бросился ко мне.

Защищаясь, я кинула вторую бутылку. В этот раз она пронеслась над головой подонка, ударилась об стену и разбилась вдребезги. Офицер, набросившись на меня, ударил кулаком по голове. В глазах потемнело, и я упала на пол. Он же продолжал безостановочно наносить удары. Мое лицо разбухло и кровоточило. Обессиленная, я лежала на полу. Негодяй, подумав, что я не смогу больше сопротивляться, попытался меня раздеть. Я защищалась, как дикая кошка, ногтями расцарапала до крови его лицо, ободрала кожу на носу. Капающая на пол кровь окончательно взбесила его. Он встал и стал избивать меня ногами. От ударов его тяжелых сапог невыносимо болело тело, я не могла даже пошевелиться. А он, как раненый кабан, продолжал меня пинать. На шум сбежались солдаты. Несколько человек столпились у двери. Они смотрели на это побоище как на увлекательный фильм. Наконец мерзавец устал и повернулся к двери. Увидев его окровавленную рожу, солдаты начали смеяться. Офицер подозвал двоих, а остальных разогнал и закрыл дверь изнутри. Не знаю, что он им приказал… Эти двое, скрутив мои руки, крепко прижали к полу. Ребенок проснулся от моего крика и начал плакать. Раскусив гнусный замысел своего обидчика, я изо всех сил стала биться головой об пол и кричать... Не обращая внимания ни на мои крики, ни на плач ребенка, он сделал своё грязное дело… Затем насильник что-то сказал солдатам и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Потом…моё обессиленное тело как ненужная вещь переходило от одного к другому, а я лишь руками закрывала глаза, чтобы не видеть глаз сыночка. Руслан кричал, словно выражая протест против тех, кто посягнул на честь его матери. Не знаю, сколько времени прошло… Оно перестало для меня существовать. Солдаты наконец отстали от меня и вышли из комнаты. Я уже не плакала. Чувство страха тоже покинуло меня. А чего мне было бояться? Больше всего я боялась потерять честь, а ее уже растоптали.

С трудом поднявшись с пола, я взяла ребенка и прижала к груди. Хотела покормить, но ребенок отказывался сосать грудь. Как бы я ни старалась, всё было безуспешно – он только отворачивал голову. Обезумев, я бросила малыша на пол и закричала: «А что я могла сделать?!.. Что?!»

Некоторое время я молча смотрела на ребенка, который от постоянного крика уже посинел. Мне было жаль его, но в то же время я не хотела брать его на руки и молила Всевышнего – пусть у него сердце разорвется от плача! Я хотела, чтобы он умер, потому что он мешал моей собственной смерти. Пока он жив, я не могу наложить на себя руки. Я хотела встать на ноги, но не смогла. Болело всё тело – ноги, голова, живот, кости. На мне не было живого места.

Я никак не могла смириться с тем, что произошло, найти себе оправдание. Да, на мне не было вины, но это не оправдывало меня в моих собственных глазах. Человек, попав в тяжелую ситуацию, всегда ищет причину, которая хоть как-то успокоила бы его. А я не могла найти причину, из-за которой была изнасилована. «В чем моя вина?» – мучительно думала я. Сердце разрывалось в груди, когда я думала об убитом муже, вспоминала, как ему отрезали голову. Но ведь Али был офицером, он воевал и тоже убивал врагов. Значит, он был виновен. Поэтому его обезглавили. А в чем же моя вина? Я – беззащитная, слабая женщина. Если мне отомстили за мужа, то где же тогда гуманность, человечность, справедливость? То, как надругались надо мной, выходило за всякие рамки. Это дикость! На это способны только дикари!

Я с трудом поднялась на ноги, но не смогла сделать и шагу. Прислонилась к стене и сползла по ней вниз. Малыш не прекращал кричать. Я слышала его тяжелое дыхание. Приблизилась к нему, хотела поднять на руки, но остановилась. Мне казалось, что он оттолкнет меня. Ведь полчаса назад малютка, хоть и был голоден, но отказался взять мою грудь. Значит, я противна ему. Он брезгует мной.

– Родной сын брезгует матерью! Ай Аллах! – рыдала я.

Я не решалась взять его на руки и прижать к груди, чтобы не испачкать своим запятнанным телом это чистое создание.

«Как странно повернулась жизнь: я пострадала из-за мужа, а мой сын – из-за меня», – думала я. Наконец, пересилив себя, я взяла малыша на руки, положила на стол и распеленала. Он был весь мокрый. Маленькое тельце сильно покраснело. Неудивительно – ведь дома я несколько раз за ночь меняла пеленки. Заменив грязные пеленки на чистые, я прижала было сыночка к груди, чтобы покормить, но тут же отдернула руку: «Нет, я – грязная! С сегодняшнего дня я ни за что не буду кормить его своим молоком», – поклялась я себе.

Взяв со стола бутылку с каким-то сладким напитком, откупорила ее и дала малышу. Я знала, что это может навредить ему, но не видела другого выхода. Мы с сыном должны привыкать ко всему – научиться есть камни, пить змеиный яд. Такова теперь наша участь, участь пленников.

Русланчик успокоился и заснул. Сидя в углу комнаты, я заново переживала события сегодняшнего дня. Смеркалось. А я с детства боялась наступления темноты. Когда я была маленькой, мама говорила, что в это время суток зло вступает в схватку с добром. В такие часы нельзя сидеть в углу комнаты, под деревом и на берегу реки, так как именно в этих местах прячутся злые силы. Как только наступал вечер, она включала дома свет, чтобы злые силы не приближались к нашему порогу.

Вспомнив слова мамы, я начала тихо плакать: «Мама, мамочка. Я сейчас в плену у тех, кто во сто раз страшнее злых сил, о которых ты рассказывала. Они не насыщаются, даже испив кровь человека».

От голода темнело в глазах, но я не притрагивалась к еде, только очень хотела спать. В комнате стало совсем темно. Единственное, что хоть немного успокаивало меня в этой темной комнате, было дыхание моего ребенка. Оно так помогало мне в эти минуты! Я прильнула к щеке сына. На чужбине, в момент, когда моя душа разрывалась от горя, меня так поддержали мой малыш и его дыхание… Не помню, сколько я спала. Проснулась от плача ребенка и вздрогнула. Оказывается, я заснула, как только прильнула к Русланчику – так и спала на нем. Он, задыхаясь от тяжести, начал плакать. Я успокоила его и задумалась о том, что будет со мной дальше…

В это время дверь открылась. Свет из коридора ослепил меня. У двери стояли двое в военной форме. Их удивило, что в комнате темно. Один из них шагнул вперед и включил свет. Это был тот офицер, который надругался надо мной. Рядом с ним была светловолосая девушка в военной форме. Войдя в комнату, она достала платок и зажала им нос. Скорее всего, почувствовала неприятный запах грязных пеленок. Комната была в ужасном состоянии. Девушка увидела разбросанные на столе продукты, осколки бутылок на полу. Она повернулась к офицеру и что-то сказала. Тот почесал голову и улыбнулся. Девушка долго смотрела на меня и Русланчика. Потом положила сумку на стол и открыла ее. Увидев в сумке медицинские принадлежности, я поняла, что она врач. Сначала девушка распеленала ребенка, внимательно осмотрела его, послушала легкие и сердце, затем уложила на живот, приложила фонендоскоп к спине. Закончив осмотр Руслана, подошла ко мне и стала осматривать раны и образовавшиеся на моем теле гематомы. Она спросила офицера, покачивая головой:

– Что вы сделали с этой женщиной? За что?

Ничего не ответив, тот взял со стола грушу и начал подбрасывать её. Словно слова девушки вовсе его не касались. Врач попросила его выйти. Она показалась мне очень доброй, не была похожа на плохого человека. «А может быть, это тоже часть их коварного плана?» – подумала я.

Выходя из комнаты, офицер показал на меня пальцем и сказал, хохоча:

– Она классная! Только проверьте ее на всякий случай – нет ли у нее венерической болезни…Быть может…

Врач поняла, что мерзавец издевается надо мной, и строго сказала:

– У нее же грудной ребенок. Ты что, не видишь?

– Бог знает, сколько мужчин постарались, чтобы этот выродок родился, – ответил мерзавец и заржал, как лошадь.

Врач попросила меня раздеться и стала внимательно осматривать мое тело. Увидев ссадины и синяки, она повернулась к двери и крикнула:

– Что вы сделали? Разве можно так обращаться с женщиной?

Надо сказать, что по профессии я – медсестра и поэтому очень хорошо осознавала свое состояние. Но что мне оставалось делать? Одно только я знала точно – если эти мучения будут продолжаться, то я просто не выдержу. Мое душевное состояние было настолько ужасным, что думать о телесной боли просто не приходилось.

Моя новая знакомая поинтересовалась, знаю ли я русский язык. Я сказала, что имею медицинское образование, некоторое время жила в России и хорошо владею русским.

Когда офицер вошел, она заявила, что состояние и ребенка, и матери очень тяжелое. И обоих необходимо поместить в стационар.

– В противном случае их состояние может ухудшиться, – твёрдо сказала она. В первую очередь эта девушка имела в виду меня, так как не хотела, чтобы мы оставались в одной казарме с солдатами. Офицер объяснил ей, что по приказу свыше переместить пленных отсюда можно будет не раньше, чем через два дня. Но врач настаивала, и в итоге они договорились, что для начала меня надо вывести из казармы и обеспечить жильем хотя бы с минимальными удобствами.

Меня перевели в другое помещение недалеко от казармы. Комната, куда нас поместили, не отличалось особым комфортом, но, по крайней мере, была немногим лучше медвежьей берлоги. Девушка просидела со мной до полуночи. А когда уходила, попросила, чтобы со мной обращались по-человечески. Когда я попросила у нее молока для сына, она спросила, почему я не кормлю ребенка грудью. Я сказала, что у меня нет молока. Она промолчала, а потом попросила офицера о чем-то и ушла.

Эта девушка мне понравилась. Было странно, что такой порядочный человек может делать здесь? Кто знает? Может, Аллах послал ее мне в помощь?. Я хорошо понимала только одно – если бы не она, моё положение было бы гораздо тяжелее.

После того, как врач ушла, солдат, стоявший у двери, принес теплую воду и стакан горячего молока. Положив все это на стол, он уставился на меня. Это был худой молодой парень. Я понимала, что он, как и все остальные, видит во мне уличную женщину. После надругательств солдат я испытывала к себе отвращение и ненависть, смешанную с брезгливостью. Мне было ясно одно – сколько бы я ни прожила после этого, никогда не смогу себя оправдать, меня всегда будет мучить совесть. Ведь я же не вещь какая-нибудь, чтобы мною развлекался каждый, кто захочет.

Заметив, что солдат приближается ко мне, я подняла ребенка над головой и дала ему понять, что если он меня тронет, я убью ребенка. Солдат перепугался и вышел из комнаты. Прижав к груди своего малыша, я заплакала. Я гордилась своим сыном, который на этот раз смог защитить меня.

Мне стало чуть легче. Во-первых, потому, что врач оказала мне медицинскую помощь, а во-вторых – мне удалось на этот раз спастись от посягательств врага. Теперь чувство страха сменилось жаждой мести. Решительность девушки-врача вселила в меня надежду. Я не хотела умирать, оставив без отмщения пережитый мной ужас. Это было бы оскорблением памяти мужа и неуважением к себе. Но что делать? Как жить дальше? Просто сидеть, сложа руки и смирившись с тем, что со мной сделали? Нет, я решила, что при любом удобном случае отомщу за себя. Я перестала испытывать страх. Ведь раньше больше всего в жизни я боялась потерять честь. А теперь мне уже нечего терять.

Напоив Руслана теплым молоком, я и сама немного поела. Лицо очень сильно болело. От удара сломался зуб, и ныла десна. Но я привыкла к боли, она не мешала

мне думать. Мой малыш крепко спал. Казалось, его маленькое личико немного порозовело. С рождения он был очень спокойным и так долго спал, что иногда нам приходилось будить его ночью. Ведь обычно дети часто плачут. Но наш сын не был похож на других детей. Но за эти два ужасных дня он сильно изменился, часто вздрагивал во сне и просыпался.

Я оглядела наше новое жильё. Хотя комната была ветхой, но все здесь было чисто и аккуратно. Чувствовалось, что раньше здесь жила семья. Я заметила небольшое зеркало, прикрепленное к стене, и подошла к нему. Посмотрев в зеркало, я вздрогнула. Вроде, я в комнате была одна, но из зеркала на меня смотрела какая-то чужая старая женщина. Испугавшись, я отпрянула назад – подумала, что кто-то стоит у меня за спиной. Я даже оглянулась, но, не увидев никого, снова посмотрела в зеркало.

«Аллах! Неужели это я?» Мои волосы поседели за одну ночь. Я не узнавала себя. Мне припомнился случай, произошедший, когда я училась в школе.

Сын нашего соседа в ночь своей свадьбы, включая свет, задел открытый провод и скончался на месте. Можете себе представить, какой это был удар для его близких? Словно небо сравнялось с землей. Бедного парня похоронили прямо ночью, чтобы родным было не так тяжело. Его родители, брат и сестра сходили с ума. А рано утром всех ждал настоящий шок. За одну ночь невеста погибшего вся поседела. Я видела это собственными глазами и долгое время не могла забыть.

Теперь же, когда это случилось со мной, я очень хорошо понимала страдания, которые пришлось перенести несчастной невесте. И вместе с тем мои мучения были намного ужаснее – я вообще удивлялась тому, как осталась в живых. На мое лицо страшно было смотреть. Под глазами пролегли чёрные круги. Кожа на шее и горле была ободрана.

«Ай Аллах! Что со мной стало!» Мне было жаль себя. Сидя на диване в углу комнаты, скрестив руки на груди, я подумала о том, что в это время Али приходил домой.

К его приходу я уже накрывала на стол, но не притрагивалась к еде. Он стучался в дверь особым стуком, по которому я сразу узнавала его. Зайдя в дом, широко раскрыв руки, обнимал меня и шутливо спрашивал: «Как себя чувствует невестка моей матери?»

От него ничего нельзя было утаить. Он замечал каждую мелочь – читал по глазам. Интересный был у него характер. И минуты не мог терпеть голод. Как только разувался, сразу проходил на кухню: «Умираю! Ой Аллах, сейчас умру от голода!» – причитал он, открывая крышки кастрюль. На ходу глотал всё, что попадалось съестного под руку. Потом с полным ртом что-то пытался мне сказать. А я, прислонившись к двери кухни, наблюдала за ним и смеялась.

Утолив голод, он, как ребенок, вытирал об себя руки и спрашивал: «Саида, дорогая, как дела, как ты провела день?»

А я в тон ему отвечала: «Али, если ты наелся, я уберу посуду. Ведь уже нет необходимости накрывать на стол». Он, понимая свою ошибку, шутливо поднимал руки вверх в знак капитуляции и бросался меня целовать. «Не суди строго, – говорил он, – я же офицер. У нас так заведено. И еще не забывай – путь к сердцу мужчины проходит через его желудок». После таких слов я, прижавшись к груди мужа, благодарила Аллаха за дарованные нам счастливые дни.

На работе Али всегда был на ногах, ему некогда было присесть. Он настолько к этому привык, что даже дома часто смотрел телевизор стоя.

Иногда я ворчала: «Может, ты и спать будешь стоя? Не буду тебе стелить постель». После моих замечаний он вставал по стойке «смирно» и шутливо отдавал честь, приложив руку к голове: «Есть сесть, товарищ командир!» Разве можно было после этого сердиться на него?!

Прошло 5 лет, как мы вернулись из России. В районе нам дали трехкомнатную квартиру. Али устроился в войсковую часть, дислоцированную в городе. Он был командиром отряда добровольцев, а я работала медсестрой в центральной городской больнице. Долго у нас не было детей, что очень беспокоило нас, а ещё больше наших родителей. Мы, как и все, мечтали о ребенке. Причина была во мне. Из-за микроба в крови несколько раз у меня случались выкидыши. Почти все заработанные деньги мы тратили на лечение.

Конечно, я очень переживала. Иногда полушутя-полусерьезно говорила: «Зачем тебе больная женщина? Что ты со мной возишься? Женись на другой, и пусть она тебе родит здоровых, красивых детей».

Муж, зная, что слова эти идут не от души, смотрел мне прямо в глаза, полные слез, и тихо отвечал: «Саида, женщины бывают гораздо чувствительнее мужчин. Ты хочешь ребенка даже больше, чем я. Очень прошу тебя – больше не будем об этом говорить. Я полюбил тебя, а ты меня. И когда это случилось, мы не думали о ребенке. Если нам суждено иметь детей, они родятся, и мы это увидим. Не надо думать об этом постоянно. Все будет хорошо».

Я опускала голову и благодарила Аллаха за то, что мне встретился такой чуткий человек.

Наконец, после семи лет совместной жизни, у нас родился долгожданный первенец. Нашему счастью не было предела. Это трудно выразить словами. Родители, друзья и родственники разделяли нашу радость. Быть родителем – это особое, ни с чем не сравнимое чувство, и нам суждено было испытать его.

После рождения сына Али прибегал с работы почти каждый час, брал ребенка на руки и ходил с ним по комнате.

Друзья удивлялись: «У нас тоже есть дети, и мы тоже их очень любим – но не так, чтобы каждый час, сломя голову, бежать домой и носить ребенка весь день на руках. Твой что – какой-то особый, с неба свалился?»

А он отвечал: «Я стал отцом почти на старости лет. Я так долго ждал его – как же мне не обожать мою кровинушку»?

Когда родился Русланчик, Али было 35 лет, а мне 32 года. Он был прав – в этом возрасте некоторые уже женят детей, а мы…

Как я уже говорила, Али служил в России и закончил там школу офицеров. Когда в Азербайджане началась война, он твердо решил вернуться на родину. Я пыталась отговорить его – ведь у нас там была работа, хорошая квартира. Мы оба работали и получали хорошую зарплату. Муж был на хорошем счету, все его уважали. Но несмотря на все уговоры, он был непоколебим – надо вернуться и все! Его родители тоже были против нашего возвращения. Они писали, что здесь всё не так просто.

На службе мужа даже не хотели отпускать, убеждали, что война будет длиться долго, потому что в конфликте очень заинтересованы некоторые страны. Один из его русских друзей даже сказал, что ему жалко тех, кто воюет – зря прольется их кровь. Но Али твёрдо стоял на своём – он не может оставаться в стороне, когда на родной земле идет война.

Часто он звонил друзьям и знакомым, чтобы узнать, что происходит на родине. Наконец в один прекрасный день мы вернулись. После возвращения Али сутками пропадал на работе. Иногда мы неделями не видели его дома. Хорошо, что сначала мы поселились в городе у родителей мужа, и я не оставалась одна. Потом нам дали квартиру недалеко от военной части, и началась моя тяжелая жизнь. Во-первых, теперь я всё время была одна с грудным ребенком, а во-вторых – с фронта поступали неутешительные сводки. Почти каждый день сообщалось об убитых и раненых. Это даже не было похоже на войну. Где-то люди веселились, беззаботно проводили время, а где-то шла война. Все смешалось. Хаос правил страной.

У Али был друг, офицер, по имени Руслан. Они вместе учились в России. Он был украинцем по национальности. Еще когда мы жили в России, Руслан часто приезжал и гостил у нас. После нашего возвращения в Азербайджан Руслан также приехал сюда и стал служить в той же части, где Али. Они были неразлучными товарищами. Первое время Руслан оставался у нас, а потом переселился в часть, но всё равно часто приходил в гости. Ко мне он относился как к сестре, и я его очень уважала. Руслан был жизнерадостным, любил пошутить. «Вот закончится война, – говорил он, – останусь здесь и женюсь»... Но планы прервала снайперская пуля, настигшая Руслана в бою. Мы были потрясены его смертью. Муж винил себя: «Не смогли уберечь гостя, пустили под пулю». Он был готов пожертвовать всем, чтобы отомстить за друга. И сделал это – отряд под командованием Али уничтожил двенадцать солдат противника, шестерых взял в плен, захватил два вражеских танка и одну боевую машину. Об этом писали в газетах. У него был список уничтоженных им врагов, в котором значилось 44 человека. В день смерти он уничтожил еще восьмерых солдат противника. Противник боялся Али, и за его голову было обещано большое вознаграждение. Поэтому ему её и отрезали … И надо мной надругались именно потому, что я была его женой...

После всего пережитого я засыпала, буквально сидя на стуле. И в то же время боялась спать. Мне казалось, что как только я вздремну, они снова придут. Так до утра я боролась со сном. В голове была тупая боль. К счастью, малыш продолжал спать. Он просыпался несколько раз, я меняла ему пеленки, и он снова засыпал.

Приблизительно в 9 часов утра охранник принес стакан молока ребенку и мне что-то похожее на кашу. Я была так голодна, что съела все без остатка, но всё равно не наелась. А малышу стакана молока было достаточно. Я знала, что этой заботой обязана русоволосой девушке, но не понимала, что она здесь делает. Через некоторое время охранник приказал, чтобы я взяла ребенка и вышла на улицу. На улице было свежо. Вдохнув свежий весенний воздух, я почувствовала некоторое облегчение. Я очень любила весну, так как она ассоциировалась у меня с самой счастливой порой жизни. Я и родилась весной, весной вышла замуж.

Но эта весна принесла мне только горе… Весь мир померк в глазах – ни распустившиеся цветы, ни одетые в зелень деревья больше не радовали меня. Все кругом напоминало ад. Эта весна была для меня чужой. И сама я была на чужбине. В тот год весна посмотрела на меня вражеским оскалом. Сколько лет уже прошло, а я по-прежнему боюсь её прихода. Как только природа начинает пробуждаться, просыпается и моя память, воскрешая события той страшной поры… И если весной всё вокруг – от распускающихся цветов до покрытых травой лугов, гор и лесов – источает аромат свежести, то мои воспоминания пахнут кровью. Я очень боюсь прихода весны...

Увидев вчерашнюю девушку-врача, я очень обрадовалась. Ведь она была единственным человеком, который проявил ко мне сочувствие. Если бы не она, один Аллах знает, что бы они со мной сделали той ночью. Даже подумать об этом страшно.

Около девушки стояли двое военных, по всей видимости, офицеры. В этот раз на ней также была военная форма, но как бы украшенная листьями деревьев. Как-то Али пришел домой точно в такой же одежде. Когда я поинтересовалась, что это, он ответил: «Так маскируются разведчики, а еще снайперы, чтобы их не было заметно среди деревьев». «Значит эта девушка или разведчик, или же снайпер», – подумала я.

Охранник подвел меня к офицерам и отрапортовал. Окинув меня презрительными взглядами, офицеры потребовали объяснений от девушки-врача. Когда они узнали, что я жена офицера, один из них выругался и сплюнул на землю. Я ждала, что будет дальше. Вся надежда была на русскую девушку. Здесь, на чужбине, в окружении врагов, я считала её своей единственной защитницей. Девушка по стойке «смирно» стояла перед офицерами, словно сдавала экзамен. Мне не понравилось это.

Через некоторое время они отошли от меня, приблизились к выстроенным в ряд мишеням и остановились на расстоянии 100-150 метров от них. Присев на колени и прижав к груди снайперскую винтовку с встроенным в него оптическим прицелом, девушка начала безостановочно палить по мишеням. По реакции офицеров, одобрительно кивающих головами, можно было понять, что она попадала точно в цель. Немного погодя офицеры, показав на картонную мишень на дереве, находящуюся на расстоянии примерно 400-500 метров, приказали ей стрелять. Она прицелилась и выстрелила. Как только прозвучал выстрел, мишень упала с дерева и одновременно раздался протяжный стон. Я поняла, что за картонной мишенью кто-то находился. Так оно и было – подстреленный человек замертво упал на землю. Девушка была поражена случившимся. Это явно было подстроено офицерами, так как они начали громко смеяться и аплодировать девушке, показывая пальцем на уничтоженную цель. Она лишь передёрнула плечами.

Один из офицеров приказал солдату принести убитого. Солдат приволок труп и бросил его к ногам подонков. Я поняла по разговору, что убитый был нашим военнопленным. Мне было больно, что его убила девушка, которую я считала единственным нормальным человеком в этом аду. И в то же время по её реакции чувствовалось, что она не ожидала такого.

***

Мы с Саидой так разговорились, что не заметили, как солнце село. Неудивительно – ведь на дворе стоит осень, а в это время года дни становятся короче. «Что же делать?» – подумал я, – не оставаться же здесь на ночь». Но уходить мне не хотелось. Интересно, примет ли она меня завтра? Этот вопрос меня очень беспокоил. Я чувствовал голод. Наверное, и Саида была голодна. Ведь мы же не обедали. Набравшись смелости, я спросил:

– Саида, уже поздно и вы устали. Можно, я приду завтра, чтобы продолжить разговор?

Женщина помолчала некоторое время, а потом, не поднимая головы, произнесла:

– Если то, что я рассказала, имеет для тебя какое-то значение, то приходи. Но кто знает, может быть, ночью я умру и завтра тебе некому будет открыть дверь.

Ее слова насторожили меня. «Похоже, эта женщина знает день своей смерти. А может, действительно сегодня последний день ее жизни», – подумал я и пожалел о своем предложении. Но было поздно менять решение, и я встал со стула:

– Саида, пожалуйста, скажите, что я могу вам купить и принести завтра. Что вам нужно?

– Ничего не нужно. Я ни в чем не нуждаюсь.

– Может быть, вам чего-то хочется?

– Если можно, принесите что-нибудь для моего сына Руслана. Мясо или кости. Что-нибудь, – вдруг попросила она.

Сначала я растерялся, не понимая, что она имеет в виду, но потом понял, что речь идет о собаке, и торопливо заверил её:

– Да… Да… конечно. Я обязательно куплю что-нибудь.

Попрощавшись, я вышел на улицу.

Стемнело. Шел проливной дождь. Тусклый фонарь едва освещал неровную улицу. Мысли путались в голове. Точнее, я просто очень устал. Страдания, которые перенесла эта женщина, никак не укладывались в моей голове. Такое даже представить трудно. Я понимал ее боль, знал, как ей трудно было все это вспоминать. Ведь ей приходилось заново переживать ту боль. Это удваивало ее страдания. Мне еще многое предстояло выяснить, и я думал о том, что обязательно сделаю это.

Вот и автобусная остановка, но я решил пройтись пешком, чтобы хоть немного снять стресс. Не помню, сколько гулял под дождем, так как мысленно я всё ещё был в старой комнатушке Саиды. Очнулся, когда почувствовал, что весь промок и продрог. Я сел в автобус и приехал в гостиницу.

Расстояние от Ставрополя до села Надежда примерно пять километров. Это небольшой город, который можно весь обойти пешком. Мне нравился Ставрополь, он буквально весь утопал в зелени. Три больших парка были гордостью города. Здесь мирно жили бок о бок представители самых различных национальностей – от русских до цыган.

Я был голоден. Чтобы немного согреться, зашел в ресторан гостиницы. Заказал еду. В ожидании заказа мысленно прокручивал в голове встречу с Саидой и ни на минуту не мог вычеркнуть из памяти ее лицо. Мне вдруг расхотелось есть.

Я расплатился за нетронутый обед, поднялся к себе в комнату и прилег на кровать. Чувствовал, что заснуть мне не удастся, поэтому попробовал закрыть глаза и думать о чем-нибудь другом. Но, признаться, это мне не удавалось. Мысли о Саиде, приносящие почти физическую боль, на давали покоя. Заснул я уже под утро.

Когда открыл глаза, всё еще чувствовал себя усталым и разбитым. Умывшись, спустился в ресторан и плотно позавтракал, потому что не ел со вчерашнего дня и знал, что и сегодня не удастся перекусить. Выйдя на улицу, спросил у прохожего, как пройти к базару. Хотелось купить немного продуктов в надежде, что Саида не станет меня ругать за это. Набрав полную сумку продуктов, не забыл и про еду для собаки, с горечью вспомнив слова Саиды: «Купите мясо или кости для моего сына Русланчика». Странно, почему она так называет пса и так нянчится с ним? В моих глазах эта собака ничем не отличалась от тысячи других уличных псов. Разве что была уродливее и ленивее их. Ни ее облезлое тело, ни ее морда с капающей из пасти слюной не вызывали никаких других эмоций, кроме отвращения. Кроме того, трудно было представить, что у этой противной собаки в биографии может быть что-либо героическое.

Я объяснял привязанность женщины к этому животному исключительно ее одиночеством. Тем не менее, ради Саиды мне необходимо было проявлять лояльность по отношению к её любимчику, что я и старался делать.

В девять утра я уже стоял на пороге дома Саиды. Тихонько постучал. В этот раз дверь открылась еще позже. Я даже испугался, что хозяйка не впустит меня. Наконец послышалось шарканье изнутри, и Саида открыла дверь. Вежливо поздоровавшись, я поинтересовался, как дела, на что она, не поднимая головы, строго сказала:

– Проходи! Не остужай комнату.

Я вошел и прикрыл за собой дверь. В комнате вновь ощущался неприятный запах. Я аккуратно положил сумку с продуктами в угол комнаты:

– Я тут немного продуктов взял.

Даже не взглянув в мою сторону, она сказала:

– Зачем столько продуктов? Надо было немного костей взять для Руслана – вот и всё.

Она выглядела уставшей. Движения были замедленными, глаза – сонными. Заметив мой пристальный взгляд, она проронила:

– Всю ночь не спала. Даже не знаю, сможем ли поговорить сегодня.

Я понимал, что она заново пережила самые страшные моменты своей жизни. Вспоминать весь этот ужас повторно, конечно, было нелегко. Я все это прекрасно осознавал.

Пройдя в комнату, я сел на вчерашнее место. Собака по-прежнему лежала в углу, словно и не двигалась со вчерашнего дня. Даже поза у нее была такая же, как вчера. Женщина, перехватив мой взгляд, объяснила:

– Целый день спит. Раньше хоть как-то развлекал меня. Наверно, постарел.

– Собаки должны жить на свободе, а он целый день взаперти, – возразил я. – Это его убивает. Вы сказали, что уже два года живете здесь. Наверняка, он никогда не выходил на улицу за всё это время.

– Да. Он, как и я, боится света. Не помню, чтобы когда-нибудь выбегал на улицу. Недавно его осмотрел местный ветеринар и сказал, что псы становятся бешеными, когда долго живут взаперти. Раньше он никак не мог привыкнуть к дому. Постоянно лаял. Соседи несколько раз жаловались, писали письма куда-то и хотели его выселить. Но я умоляла, чтобы Руслана не трогали. Ведь этот пес – моя последняя надежда. Я просто не смогу жить без него. Но никто и слушать меня не хотел. А Руслан – очень умная собака. Он понимал, что нас хотят разлучить. Когда хотели его забрать, подполз ко мне, положил морду мне на грудь и стал ныть, как ребенок. У них прямо шок был, когда увидели на его глазах слезы. А я сказала им: «Видите? Как вы можете его разлучить со мной? Он же тоже живое существо!»

Я уговорила их не забирать Руслана. Они согласились, но при условии, что он периодически будет проходить осмотр у ветеринара и от соседей не будет поступать жалоб. Если бы я не согласилась, они разлучили бы меня с моим сыном.

Вытащив из сумки кусок мяса, она бросила его в кастрюлю:

– Я никогда не кормлю Руслана сырым мясом. Если соседи кладут мясо у двери, я его обязательно отвариваю. Потому что однажды он отравился и чуть не умер от сырого мяса. Я подняла шум. Соседи пришли, увидели, что творится и вызвали ветеринара. Хорошо, что удалось вылечить сына. Тогда ветеринар посоветовал не кормить его сырым мясом. Собаки, живущие дома, должны есть отварную пищу. Они к этому привыкают и от другой еды могут заболеть.

Это было для меня новостью, поэтому я очень внимательно слушал Саиду. Однако причины того почета, которым окружила женщина своего питомца, по-прежнему оставались для меня загадкой.

Закончив свои дела, Саида присела, скрестила руки на груди и некоторое время молчала. Я чувствовал, что она хочет продолжить разговор, поэтому не мешал ей сосредоточиться. Боялся, что любое неосторожное слово выведет её из себя. Наконец, после долгой паузы, она продолжила:

– Да, девушка удивилась, когда увидела убитого ею же человека.

– Пуля пробила лоб пленного, и там открылась вот такая дырочка, – сказала Саида, показывая мне кончик пальца. – А на затылке появилась дыра с мой кулак. Офицеры смеялись. Они радовались меткости выстрела. Один из них потрепал девушку по плечу и похвалил ее. Та же была растеряна. Я наблюдала за ними, но ничего не могла понять. Офицеры взяли девушку под руки и зашагали к ближайшей постройке. Когда все зашли внутрь, один из них повернулся и что-то приказал стоявшему у двери солдату. Тот подошел ко мне и отвел меня туда же. Когда я вошла в комнату, офицеры о чем-то говорили между собой. Девушка выглядела задумчивой. Мне указали на стул, и я села. Один из офицеров, посмотрев на ребенка, спросил: «Мальчик или девочка?»

– Мальчик, – ответила я.

– Ваши любят мальчиков, – сказал он, покачивая головой, а потом спросил: – Сколько ему?

– Три месяца, – ответила я.

Затем он начал расспрашивать меня о муже. Я молчала, потому что не понимала, что именно он хочет узнать о нём. Девушка-врач, пытаясь помочь мне, спросила:

– Кем был твой муж?

– Он был офицером, – ответила я.

Сидевшие за столом военные удовлетворенно улыбнулись, а один из них, ударив кулаком по столу, уточнил:

– Майор Али? Не так ли?

Я поняла, что они знают мужа, и ответила, не задумываясь:

– Да. Майор Али.

Один из них спросил, воевала ли я. На что я ответила, что я медсестра, работала в больнице и не воевала.

Офицер, задававший вопросы, встал, подошел ко мне, взял средний палец моей правой руки и поднес его к глазам, внимательно рассматривая. Потом несколько раз надавил на него, словно проверяя кожу пальца на прочность. После этого тыльной стороной своей руки провел по моей правой щеке.

Я не понимала его действий. Что он хочет? Наконец тот сел на свое место и уверенно сказал:

– Она – не снайпер.

Затем меня опять стали расспрашивать о муже. Я рассказала все, что знала, ничего не тая. В конце разговора один из офицеров спросил:

– Ты можешь сказать, сколько наших солдат убил твой муж?

Немного подумав, я ответила:

– 52!

Оба офицера и даже девушка глубоко вздохнули.

– Откуда ты знаешь? – спросил офицер.

– До того, как мы попали в плен, он убил 44 солдата. Об этом писали в газетах. И муж рассказывал. Еще восьмерых он убил в тот день, когда мы попали в плен, – честно ответила я.

Офицер посмотрел на меня с ненавистью и покачал головой. Ему нравилось, что я так быстро отвечаю, но для него я была злейшим врагом. Это читалось в его глазах. В конце разговора мне задали вопрос:

– Ты бы хотела вернуться к своим?

Я не думала, что они могут спросить меня об этом. Но мой ответ оказался еще более неожиданным, и все трое были шокированы.

– Нет! …Я не хочу возвращаться!

В комнате воцарилась тишина. Все ошеломленно смотрели на меня. Наверное, они даже предположить не могли, что я так отвечу. Один из офицеров тихо спросил:

– А почему ты не хочешь возвращаться?

Что скрывалось под словом «почему», было ясно только мне. И каждое «почему» вонзалось в мое сердце острой стрелой. Интересно, они способны понять, какие чувства не позволяли замученной женщине вернуться к родным? Ведь каждый пленный мечтает об этом. Как объяснить людям, лишенным чести, что человека связывает с Родиной прежде всего его нравственная чистота. А когда он лишается её, то просто умирает…

Я продолжала молчать. Они же с интересом ждали ответа. Подняв голову и глядя им прямо в глаза, я сказала:

– Все, что я заработала за свою жизнь, я потеряла здесь. И знаю, что всё это я больше нигде найти не смогу. Потерянного не вернуть. То, чем я обладала, было даровано мне Аллахом, а вы отняли это. Вы оказались сильнее него. То, что вы отняли, Всевышний не сможет мне вернуть. Я хочу остаться здесь в вечном трауре по тому, что потеряла.

Конечно, мой ответ был им непонятен, и я знала, что они и не поймут этого никогда.

– Интересное выступление, – иронично заметил один из офицеров, подмигивая другому, – во всяком случае, ты нам нравишься. Признаюсь, мы впервые сталкиваемся с такой бесстрашной женщиной-врагом. Кажется, ты нам еще понадобишься. – Затем он обратился к девушке: – Оля (тут я впервые услышала её имя), что ты думаешь о ней? Она здорова?

– Она вполне разумна, господин генерал, – ответили Оля. – Это очень выносливая и смелая женщина. Но сейчас и ей, и ее ребенку необходимо подлечиться. Если разрешите, можно перевести ее на пару недель в больницу.

Офицер поднял бровь, немного помолчал, а затем подошел к Оле и задумчиво произнёс:

– Знаешь, Оля! Я бы не возражал, чтобы она и ребенок подлечились. Ясно, что ее замучили здесь. Но если солдаты в нашем госпитале узнают, что она жена офицера, причем офицера, которого мы ищем, кто даст гарантию, что она останется в живых? Ты подумала об этом? – не дожидаясь ответа, генерал продолжил: – Я считаю, что она некоторое время должна оставаться там, куда мы её поместили. И потом: ты – врач, сама она – медсестра. Так что вдвоем вы справитесь. Не так ли?

Оля не стала возражать. Мы вышли из комнаты и вернулись в дом, где я оставалась ночью. Во дворе было много солдат. Среди них были молодые призывники, проходившие подготовку в лагере. Увидев меня, они начали осыпать меня ругательствами. Оля постаралась их успокоить, но безуспешно.

Я подумала, что лучше бы и мы воспитывали в своих детях такую ненависть к врагу. Воспитывая в своих детях добропорядочность, мы никогда не учили их ненависти… Если бы у тех молодых людей была возможность, они бы разорвали на части и меня, и моего ребенка. А разве их родители и учителя не говорили: «Будь культурным, учись, будь грамотным»? Конечно же, говорили. Но вместе с тем они посеяли в них и ненависть к врагу. И по мере того, как рос ребенок, чувство ненависти к врагу, вдалбливаемое в его голову родителями и учителями, тоже росла, давала плоды.

Когда мы приблизились к дому, я увидела, что несколько солдат целятся в какую-то мишень, прикрепленную к дереву. Посмотрев внимательно, я чуть не лишилась чувств. Если бы Оля меня не поддержала, наверное, я упала бы на землю. Когда она спросила, в чем дело, я показала ей голову, прикрепленную к дереву вместо мишени и зарыдала: «Посмотри туда… Они стреляют в голову моего мужа!»

Оля застыла на месте от увиденного. Потом подозвала офицера, проводящего учения, приказала ему снять голову с дерева и предать её земле. Я задыхалась от рыданий. Оля, видя моё состояние, взяла у меня ребенка и, осторожно поддерживая за локоть, довела меня до дома, дала воды и попыталась успокоить. А я, закрыв лицо ладонями, продолжала рыдать.

Внутри меня вдруг разгорелся пожар мести – мне захотелось выбежать на улицу и забросать солдат камнями. Пересилив себя, я встала и посмотрела в окно. Солдат там уже не было. Только один из них возился с чем-то около большого дерева. Приглядевшись, я поняла, что он роет яму. Закончив рыть, он ногой толкнул туда что-то похожее на мяч, а затем, оглянувшись по сторонам, помочился туда же. И только после этого засыпал яму землей.

Сначала я не поняла, что он делает. И вдруг страшная мысль молнией пронзила меня – солдат закопал в яму голову моего мужа и осквернил её! Я крикнула что есть мочи. Солдат обернулся на мой крик. Я стучала об пол ногами, била руками по стеклу и кричала. А он скалился, корчил мне рожи и топтал ногой яму. Я хотела выбежать во двор, но Оля удержала меня, схватив за руку. В ту минуту мне хотелось биться головой о стену и умереть.

Оля выбежала во двор и, подойдя к солдату, схватила его за ворот и стала трясти. Тот замахнулся на нее лопатой. Девушка вынуждена была отойти от него. Солдат же взял свое оружие, погрозил мне кулаком и удалился.

Оля вернулась в дом, села возле меня и тяжело вздохнула:

– Офф! Странная они нация. Ты видела, какую шутку они со мной вчера сыграли? Спрятали за мишенью человека. Откуда мне было знать, что там кто-то есть? Убила бедолагу. Ни у одного из них нет мозгов.

Через некоторое время Оля приготовила нам еду, напоила ребенка горячим молоком, а меня чуть ли не насильно заставила хоть немного поесть. Я всё ещё не могла понять, кто она и что здесь делает. «Если – враг, почему она так заботится обо мне? Что-то здесь не так», – думала я.

После еды я почувствовала боль в груди. Она началась еще вчера вечером. Я не могла понять, где у меня болит. Мне казалось, что боль возникла после побоев. Заметив, что я часто массирую грудь и мне не по себе, Оля спросила: «Что с тобой?» «Грудь очень сильно болит», – ответила я.

Она уложила меня на кровать и расстегнула платье. Осмотрев грудь, удивленно посмотрела мне в глаза и спросила:

– Ты вчера сказала, что у тебя нет молока для ребенка. А это что? Молоко течет из твоих грудей! Почему ты не кормишь малыша грудью?

Я молчала, но она не отставала:

– Это же вредно. У тебя мастит начнется. Понимаешь? Встань! Накорми ребенка! – приказала она мне.

– Не хочу.

– Почему не хочешь?

– Потому что они меня насиловали. Я не хочу, чтобы их кровь…, – я не смогла договорить.

Оля задумалась. Потом подняла голову и, посмотрев на меня, тихо спросила:

– Как тебя зовут?

– Саида.

– Саида... Саида... – несколько раз повторила она. – А как зовут сына?

– Руслан.

– Руслан!? – спросила она, и у нее засветились глаза. – Моего брата тоже Русланом зовут. Он несколько лет уже на Кавказе. Никак не могу его найти.

– А ты разве не здешняя? – спросила я.

Она улыбнулась:

– Нет. Из Украины. Мои родители живут там. Я – дипломированный врач. Закончила медицинский институт. Но ещё ходила на секцию стрельбы. Мой жених, Андрей Филипчук, тоже военный. Он капитан, служит в украинской армии. Уже год, как мы помолвлены. Хотели свадьбу сыграть, но не получилось. И у него, и у меня большие семьи. Были материальные трудности. Нашей зарплаты нам не хватало. К тому же нужны были деньги, чтобы обзавестись своей квартирой. Мы с Андреем искали выход из положения. Однажды, во время тренировок по стрельбе, ко мне подошел пожилой мужчина. Если не ошибаюсь, его фамилия была Богданян. Да, Карапет Богданян. Он был гражданином Украины. Сказал, что давно интересуется мною, восхищается моей меткостью. Сказал, что на этом можно заработать большие деньги и предложил работу в другой стране. «А что я там буду делать?» – спросила я. «Преподавать уроки стрельбы», – ответил он. Я спросила, куда должна поехать. «На Кавказ», – ответил он. Я очень обрадовалась, потому что мой брат служил там же. Когда поинтересовалась зарплатой, он сказал, что будет платить мне 1500 долларов в месяц. Увидев недоверие в моих глазах, поспешил добавить: «Всё абсолютно законно. С вами будет заключен договор».

Честно говоря, предложение было заманчивым. Я подсчитала, что за год смогу заработать 18 тысяч долларов. Представляешь? На эти деньги можно было бы и свадьбу сыграть, и квартиру купить.

Карапет очень обрадовался, когда узнал, что я не только стрелок, но и врач с высшим образованием, и пообещал 500 долларов дополнительно. Это означало 24 тысячи долларов в год.

Я согласилась, но сказала, что обручена и должна прежде посоветоваться с женихом.

На следующий день мы с Андреем встретились с Богданяном. Андрей вначале не соглашался отпускать меня, но после долгих уговоров сдался. Когда Карапет узнал, что мой жених военный, он предложил и ему поехать с нами на Кавказ. Андрей ответил, что у него есть договор с Министерством обороны, который закончится через полтора года. Но если предложение его заинтересует, то по истечении срока договора он сможет приехать. На том и порешили.

Затем мы с Андреем тайно навели справки и выяснили, что Карапет Богданян – глава армянской диаспоры в Украине. Я слышала, что в той стране, где я должна буду работать, идет война. Но я ведь ехала не воевать, а преподавать стрельбу. Мы заключили письменный договор. И вот в один прекрасный день я прилетела на самолете в Армению. А потом оказалась здесь... Они мне с первого дня не понравились. Очень грубые люди. Мне обещали, что я буду учить стрельбе и не буду находиться в зоне боевых действий. Правда, какое-то время так оно и было. Я обучила стрельбе около 30 девушек. Представляешь? Их было так много, что я уставала весь день стоять на ногах. Год я преподавала, а потом меня привезли в зону боевых действий, объяснив это тем, что в моем договоре есть пункт об оказании врачебных услуг, и поэтому я должна поработать в госпитале. Мне очень тяжело. Я работаю круглосуточно. А когда возмущаюсь, они отвечают, что платят большие деньги. Причём они урезали мне зарплату. Вместо двух тысяч долларов платят всего 750. А причина якобы в том, что мой профессионализм как снайпера должен подтвердить генерал сверху. Ты вчера сама видела, как они проверили мое умение стрелять. Сама не зная, убила несчастного пленного. Я ненавижу их...

После рассказа Оли многое мне стало ясно. «Значит, они привезли эту девушку с Украины для того, чтобы она сражалась против нас», – подумала я и вспомнила слова Али. Муж говорил, что противник использует в боях наемников: снайперов, пилотов, артиллеристов. «Они же сами трусливы, как лисы», – говорил он. Значит, Оля не была мне врагом. В ту ночь мы проговорили до утра.

Оля сильно привязалась к Русланчику, называла его своим младшим братиком. Каждый день она приносила молоко, пеленки и всё необходимое. Теперь я была немного спокойна за ребенка.

Так прошел месяц в плену. Дважды в день к нам приходили с проверкой. Можно подумать, я могла сбежать. А я думала про себя – куда я убегу? Пока не отомщу, я не смогу и думать о побеге. К тому же мне просто некуда идти…

В лагерь каждый день приводили пленных. Чувствовалось, что мы проигрываем войну. Враг оккупировал всё новые и новые деревни. Я не могла понять, что происходит на фронте. Сколько было пленных!!! Мне было страшно. Казалось, они захватят всю нашу страну. Так ли это было на самом деле? Ведь я же сама видела, как сражались наши бойцы. На фронте было множество таких бойцов, как Али. Что с ними произошло? Попав в плен, с первого же дня я ждала, что в один прекрасный день наша армия окружит этот военный лагерь и разгромит его. Я даже готова была умереть от бомбёжки наших же военных. Мечтала, чтобы они разбомбили квартиру, где я оставалась. Я сочла бы за честь умереть от выстрелов своих же солдат. Только бы они отомстили за безвинно убитых соотечественников, утерли рыла этим диким свиньям, насиловавшим тысячи наших женщин. Я мечтала об этом. Но, говорят, человек предполагает, а бог располагает.

В лагере пленных пытали, издевались над ними, как могли. Не выдержав пыток, многие умирали. Страшно было слышать крики и стоны пленных. Убить человека для этих палачей было, как выпить глоток воды. На моих глазах происходили ужасные события. Едва придя в себя от надругательств, я увидела зверское отношение к другим пленным. От этого всего можно было сойти с ума. Эти изверги хвастались, что количество пленных за последние месяцы заметно возросло. Я пребывала в полном неведении – были ли захвачены отдельные города или вся страна?

Ведь когда мы попали в плен, было оккупировано всего два города. Откуда же столько пленных? Самое ужасное заключалось в том, что среди пленных, наряду с мирными жителями, было много военных. «Что происходит?! Разве наши не хотят воевать?» – думала я.

Пленных подвергали невыносимым пыткам и истязаниям. Одно из событий навсегда врезалось в мою память. На моих глазах до полусмерти избили около десяти военнопленных. Их лица превратили в сплошное кровавое месиво. Затем их руки связали колючей проволокой, отвели от казармы на некоторое расстояние. Потом, развязав руки, каждому дали по лопате и заставили вырыть две большие ямы. После этого здоровый, жирный солдат подводил по одному каждого пленного к яме, валил его на землю и отрезал голову. Предварительно он, полоснув ножом по горлу, ждал, когда вытечет кровь, словно курицу резал… Когда несчастный переставал хрипеть, он сталкивал труп в яму. Так он проделал с шестью пленными. По всей видимости, яма заполнилась… И он решил перейти ко второй яме.

Потом, подумав о чем-то, палач остановился, подозвал одного из пленных солдат и, столкнув его в яму, велел ему утрамбовать ногами тела убитых.

Тот от ужаса не мог пошевелиться. Палачу это не понравилось, и он резким ударом лопаты рассек пленному голову. Тот, не издав ни звука, мешком рухнул на трупы своих товарищей. Затем изверги принесли канистру бензина, облили трупы и подожгли их.

Тошнотворный запах горелого человеческого тела стоял в воздухе ещё много дней. Так как все это происходило у нас на глазах, мы кричали, как сумасшедшие. Самое ужасное было в том, что эти звери не расстреливали пленных, словно жалели пули. Они или отрезали им головы, или избивали до смерти. Для женщин у них предусматривались особые пытки, первой и обязательной из которых было изнасилование. Причём самыми извращенными способами. Они проводили отвратительные эксперименты над ними. А надругавшись, начинали истязать – прижигали их тела горящими сигаретами или раскаленным железом. Эти подонки не знали, что такое жалость. Они жаждали нашей крови. И видели в нас не людей, а каких-то насекомых. Откуда у них было столько ненависти к нам?!

В народе говорят, армяне боятся крови, но я видела совершенно противоположное.

Однажды, избивая пленного, один армянин поранил руку. Кровь никак не останавливалась, и он кричал. А те, кто стоял рядом, отворачивались, чтобы не видеть её. Странно – не так ли?.. Солдаты, которые только что развлекались, отрезая головы нашим пленным и получали явное удовольствие от крови, брызгавшей при этом на них, не могли спокойно смотреть на кровь своего соотечественника. Так что выражение «армянин боится крови» – понятие относительное. Армяне никогда не боялись крови турков. Они ею наслаждаются. А вот собственной крови очень боятся!

Наши пленные часто проявляли слабость. Зная, что их убьют, будут пытать, молчали и бездействовали. Мне хотелось подойти к ним и сказать: «У тебя нет пути к спасению, почему ты не можешь постоять хотя бы за свою честь и сохранить достоинство?» Наши женщины были гораздо отважнее. Они оказывали отчаянное сопротивление грязным насильникам! Рвали на них одежду, плевали на них. Правда, были и такие, которые бросались в ноги к нелюдям, умоляя не трогать их. Но ничего не помогало.

А вот некоторые мужчины, увидев врага, сразу падали на колени, плакали, моля о пощаде, выдавали своих боевых товарищей, их жен и дочерей. Это было ужасно! Я думала: «Трус, зачем тебе жить после того, как ты потерял достоинство и честь мужчины?»

Хорошо, что таких было мало. Многие предпочитали умереть, но достойно, как и подобает настоящему мужчине. Это я видела своими глазами.

Однажды одного пленного солдата раздели до пояса, связав ему руки, а на спину привязали кипящий самовар. По мере того, как уголь в самоваре разгорался, парень то поднимал, то опускал ногу, словно танцевал. А враги наблюдали за ним и хохотали. Несчастный, мучаясь от ожогов, прыгал всё быстрее... Это было ужасно… Один из офицеров развязал руки парню и сказал с издёвкой: «Потанцуй свободно перед смертью!» И стал хлопать в такт прыжкам. Парень как будто только этого и ждал. Он мгновенно схватил кипящий самовар, размахнулся и со всей силы бросил на аплодирующего ему офицера. От удара офицер рухнул и с истошным воплем начал кататься по земле. Кипятком самовара ему обожгло всё тело. Это произошло так быстро, что вокруг никто не смог помочь ему. От страха на мгновение все растерялись и разбежались в стороны. А когда очнулись, стали стрелять в парня со всех сторон.

Пули насквозь изрешетили грудь и обгоревшую спину парня. Он погиб, но погиб как мужчина. И своей смертью проучил врага.

То, что мне пришлось увидеть в плену, было ужасно, но я перестала испытывать страх. Я похоронила это чувство, когда на моих глазах обезглавили мужа. Ведь если бы страх продолжал владеть мной, я бы дорожила своим оскверненным телом… И тогда оно было бы проклято тем, кого я любила и кого потеряла…

Если бы не Оля, я бы не выжила среди этих дикарей. Она была образованной и рассудительной девушкой. Иногда, устав от ужасов происходящего, она говорила: «Ты права, Саида, я впервые встречаюсь с такой нацией. Они никогда не делают то, что говорят».

Я чувствовала – чем больше Оля узнает своих работодателей, тем больше опасается их. Если раньше она могла спокойно ходить по территории, то в последнее время она запирала дверь на ночь, а под подушку клала пистолет. Когда в дверь внезапно стучались, она сразу вытаскивала его и держала наготове. Но тем не менее девушка работала на них. Оля была незаменимым кадром. Поэтому с ней считались и ею дорожили. По ее словам, она подготовила около десяти снайперов и еще работала в госпитале в качестве врача. Когда в лагерь привозили новых пленных, ей приходилось работать ещё больше. Часто она приходила домой под утро. В такие дни она выглядела усталой. На вопрос «где ты была?» она не отвечала. Я просила её рассказать, что происходит на фронте, так как мне неоткуда было узнать хоть какую-нибудь информацию о происходящем. Я чувствовала, что наше положение на фронте не из лучших, потому что количество военнопленных с каждым днем все увеличивалось. Многие из них были гражданскими лицами. Я знала, что наши деревни и города постепенно опустошаются, но Оля ничего мне про это не говорила. Чаще все наши разговоры касались исключительно меня.

Оля советовала: «Будь осторожна! Видишь, сколько здесь пленных, и как они мучаются?». Но я не обращала внимания на ее слова. Я осознавала своё положение. Однако, чтобы усыпить её бдительность, поддакивала девушке. Она была мне очень нужна. Я ничего не смогла бы сделать без нее. Оля была мой ангел-хранитель.

Однажды она пришла домой под утро. Вся ее одежда была забрызгана кровью. Оля вне себя от ярости стала ругать армян, обзывая их дикарями, волками. Когда я спросила, что случилось, она ответила:

– Хочу уехать отсюда. Сил нет больше терпеть всё это. К черту их грязные деньги!

– Что случилось? – спросила я. Сначала она отмалчивалась, но потом не выдержала:

– Что еще должно случиться? Сегодня в госпитале двое детей умерли от кровотечения. Я не смогла их спасти. Они не считаются со мной, как с врачом. Я просила их не трогать детей, а эти звери только скалили зубы. «Это наши враги», – говорили они. Я пыталась их образумить: «Перестаньте! Они ведь живые люди!» Но изверги и слушать меня не хотели… Они даже проклинали меня за то, что я защищаю их вра-

гов… Знаешь, Саида, я больше так не могу… бедным деткам удалили почки... Нет! Это грех – жить здесь».

Она всю ночь до утра не могла прийти в себя. На этот раз я пыталась её успокоить:

– Потерпи, сестра. Аллах увидит то, что делают эти подонки, которых он сам же и сотворил. Может, тогда он сотрет их с лица земли.

Девушка посмотрела на меня и покачала головой.

Я привыкала к жизни в плену. Мне было поручено следить за чистотой дома и двора, где я жила. Проснувшись рано утром, я начинала убирать огромную территорию, внимательно при этом осматривая округу и стараясь запомнить те места, где я бывала. Войсковая часть, где мы оставались, располагалась в лесу. Вся территория была ограждена колючей проволокой. Через каждые 300 метров были расположены охранные посты. Здесь дислоцировалось сотни танков и прочая военная техника. Чуть подальше была вертолетная площадка, откуда ежедневно взлетали десятки вертолетов. Среди военных были люди разных национальностей. По словам Оли, все они были наемниками.

Понемногу мне стали доверять, потому что многие в лагере знали, что я не хочу возвращаться на родину. Чтобы убедиться в этом, они даже несколько раз нарочно создали условия для моего побега, но, убедившись, что я ни разу не воспользовалась шансом, немного расслабились. Я радовалась, что мне стали немного доверять. Это давало мне возможность прогуливаться по территории лагеря.

Иногда ночью Оля не возвращалась домой. Причин она не раскрывала. Но в последнее время я чувствовала, что ее как врача уже используют редко. Она была нужна больше в качестве снайпера. Днем Оля отсыпалась, ночью брала винтовку и уходила.

Постепенно я привыкала к своему положению. Мне стало казаться, что я всегда жила в этом аду. Я привыкала к своему новому «я» точно так же, как к своим страданиям. Про себя думала – если познакомить сегодняшнюю Саиду с прошлой Саидой, та меня нынешнюю не примет. Хочу я этого или не хочу, это так. То, что я пережила, и то, что видела, не было страшной сказкой или кошмарным сном. Это была жуткая реальность. Мне пришлось пережить то, о чём другие знали только понаслышке. Я была приговорена жить среди людей, которые в любой момент могли без малейшего сочувствия разорвать на части и уничтожить десятки таких, как я. Мне трудно было жить прошлым. Я хотела жить сегодняшним и завтрашним днем. Чувство мести, пустившее в моем сердце корни, приучило меня ко всему. Только к одному я никак не могла привыкнуть, не могла с этим совладать – вычеркнуть из памяти то, что произошло со мной. Может быть, поэтому ненависть и гнев незатухающим огнем жгли мое сердце.

Однажды я попросила Олю научить меня метко стрелять. Пожав плечами, она спросила:

– Зачем тебе это?

– Просто хочется! – ответила я.

Вообще-то я разбиралась в оружии и умела с ним обращаться, так как была женой военного. Но, конечно, стрелять метко не умела. Оля согласилась меня обучить. Поскольку я была очень заинтересована в этом, я на лету схватывала всё, что объясняла она.

Естественно, Оля была более свободна в своих действиях, чем я. Она могла ходить, куда хочет и когда пожелает. Часто она ночью стреляла по мишени, укрепленной на дереве. Иногда и меня брала с собой. Когда я впервые стреляла из винтовки, у меня дрожали руки. Я очень сильно прижимала её к груди. Ни одна моя пуля не попала в цель. Оля объяснила, что надо расслабиться и не напрягаться. Следуя её советам, я стала стрелять всё лучше и лучше.

Стрельба вселяла в меня уверенность. Я чувствовала себя более сильной. Конечно же, эти уроки мы держали в тайне. Оля где-то достала военную форму, которую я надевала ночью, когда мы шли стрелять. На винтовке был прибор ночного видения, который помогал хорошо видеть цель в темноте.

…Первый человек, которого я подстрелила, был не армянином, а нашим…

А было это вот как. В лагерь почти каждый день приводили пленных. Армяне всегда первым делом выявляли среди них военных, офицеров и членов их семей. В этом им помогали наши же подлые предатели. Среди них был некий Фариз, который не только выдавал военных, но и принимал участие в их казни. Об этом мне не раз говорила Оля, заявив, что среди наших есть один, который пострашнее армян. Он пытает мужчин, женщин и детей. Однажды я сама увидела, как он, привязав раздетого по пояс пленного к дереву, стал избивать его. Чтобы угодить врагам, этот подонок вырезал кончиком ножа на лбах своих жертв кресты. То, что над нашими издевается свой же соотечественник, не давало мне покоя. Я решила при первом же удобном случае отомстить предателю. К счастью, ждать пришлось недолго. Как-то ночью, когда мы с Олей шли в лес пострелять, я заметила, что кто-то идет за нами. Оглянувшись, я увидела того офицера, который меня допрашивал. Оказывается, он давно за нами наблюдал. Наверняка он подумал: «Зачем пленнице винтовка?».

Конечно, я не ошиблась. Он сделал несколько шагов к нам и как ни в чем не бывало спросил:

– Девочки! Что вы здесь делаете?»

Оля улыбнулась и ответила:

– Тренируемся, чтобы отбить ночную атаку врага, господин генерал.

Генерал остановил на мне взгляд:

– С самим же врагом? Интересно.

Он подошел к Оле и отнял у нее винтовку. Мне показалось, что он сейчас меня расстреляет из этой винтовки. Я смотрела ему прямо в глаза, которые в темноте блестели, как глаза собаки. Никогда раньше не видела таких отвратительных глаз. Генерал ждал ответа от Оли. А девушка, не зная, что сказать, молча смотрела на него.

Генерал повысил голос:

– Ты соображаешь, что делаешь? Ты знаешь, что это значит?

– Господин генерал, уверяю вас, что нет причин для беспокойства. Эта женщина великолепно к вашим относится. Вы и сами слышали – она хочет здесь остаться. На войне ведь всякое бывает. Поэтому она хочет научиться стрелять. Что здесь странного? – затараторила Оля, как будто до неё только что дошёл вопрос генерала.

Генерал, немного успокоившись, положил руку на плечо Оли:

– Да-да… Припоминаю. Даже помню, что она мечтает найти здесь всё, что потеряла. Не так ли? – спросил он, многозначительно посмотрев на меня.

Я ничего не сказала и опустила голову, боясь, что он по глазам прочитает мои истинные мысли. Генерал перевернул винтовку несколько раз, а потом вручил ее мне и приказал стрелять по мишени, прикрепленной к дереву.

Я взяла в руки винтовку, сделала шаг вперед и прицелилась в мишень, которая представляла собой изображение человека. Краем глаза посмотрела на офицера. Тот спокойно наблюдал за мной. Мгновенно в голове пронеслась сумасшедшая мысль: «Саида, подвернулся удобный случай! Застрели этого подонка!» Но я быстро отогнала эту мысль, потому что это обошлось бы мне слишком дорого. Прижав винтовку к себе, нажала на курок. Выстрела не последовало. Я вновь спустила курок, но тоже безрезультатно.

Вдруг я услышала похожий на хрюканье свиньи смех генерала. Не понимая, над чем он смеется, я посмотрела на него. Он продолжал смеяться. Оля была в курсе дела. Она, улыбаясь, ворошила ногами опавшую листву. Тогда я поняла, что генерал решил меня проверить и спокойно спросила:

– Вы вынули патроны?

Протягивая мне три патрона, он ответил:

– Кажется, у вас говорят, что настоящий храбрец лучше другого только своей осторожностью?

– Так точно! А у вас, кажется, говорят: «Трус всего боится».

Конечно, с моей стороны это были неосторожные и необдуманные слова, и они генералу явно не понравились. Тем не менее он не подал виду – ведь это была армянская поговорка. И генерал ответил серьёзным тоном:

– Армянский народ – очень мудрый народ. Если он так сказал, значит так оно и есть. Но я уверен на сто процентов, что мой народ сказал это про ваших.

Вложив патроны в винтовку, я прицелилась. На этот раз генерал стоял совсем рядом со мной. Я заметила, что он держится за пистолет. В этот момент мне захотелось ему возразить: «Нет, господин генерал, эти слова мои прадеды в своё время сказали про твоих трусливых и двуличных предков». Я нажала на курок. Тишину ночи нарушил свист летящей пули. Мне показалось, что она попала в цель. И я не ошиблась.

Подойдя к дереву и сняв с него мишень человека с простреленной головой, генерал одобрительно кивнул головой:

– Отлично!

Мне казалось, что после этого он станет мне доверять, так как я достойно выдержала испытание. Во всяком случае, я так думала. Но не тут то было!

Он подозвал солдата, охранявшего продуктовый амбар, и дал ему какое-то задание. Солдат тут же побежал к казарме и через некоторое время привел с собой четырех пленных. Когда я увидела среди них предателя Фариза, меня всю передернуло. Сначала я не поняла, что происходит, для чего генерал собрал сюда пленных. И почему среди них был Фариз? Мне казалось, что генерал при помощи Фариза приготовил какую-то хитроумную игру. «Может быть, сегодняшней жертвой стану я», – думалось мне. Но когда генерал протянул мне винтовку и приказал: «Застрели любого их них!», я все поняла и немного растерялась. «Неужели этот дьявол опять решил проверить меня? Ну, если он так хочет, то получит отличный результат», – подумала я и, прижав винтовку к груди, выстрелила. Тотчас после того, как прогремел выстрел, Фариз рухнул на землю.

Все очень удивились. Скорее всего, генерал тоже не ожидал, что я выстрелю, и стоял, как вкопанный. Затем он похлопал меня по плечу и сказал:

– Я бы хотел тебе верить.

С трудом изобразив на лице улыбку, я кивнула головой. Я радовалась, что завоевала доверие генерала, но мне было очень больно, когда один из пленных, проходя мимо меня, бросил: «Предательница!». Однако я должна была это все перетерпеть, потому что у меня были свои планы.

В ту ночь я очень хорошо спала. На душе полегчало. Оля тоже это чувствовала, хотя я многое от нее скрывала. Может быть, ей и можно было доверять, но пока было рано делиться с ней своими намерениями.

Я хотела, чтобы она сама увидела и поняла, что здесь происходит, и знала, что придет время, и она все поймет. Как выяснилось потом, и она многое от меня скрывала.

Однажды мне в руки случайно попала ее записная книжка, где было много непонятных мне записей. Адреса, отрывки стихов, послания жениху Андрею. Мое внимание привлекла последняя страница. Это был какой-то «прейскурант».

1 солдат – 12.04.1993 год – 300 долларов
1 солдат – 15.04.1993 год – 300 долларов
1 прапорщик – 21.04 1993 год – 500 долларов
1 лейтенант – 27. 04 1993 год – 700 долларов

Сначала я не поняла, что это такое. Но потом, сопоставив даты с теми днями, когда Оли не было дома, догадалась, что она составляла список убитых ею людей. Все они были нашими военными. От этого страшного открытия я пришла в ужас. Но я не могла ничего сказать Оле. Ведь если бы она узнала, что я догадываюсь обо всем, она переехала бы в другое место. И мне было бы после этого еще тяжелее. Поэтому я решила ничего не выяснять и делать вид, будто ничего не знаю.

То, что я убила азербайджанца, вызвало в лагере большой резонанс. Я чувствовала, что враги теперь смотрят на меня не как на обычную пленницу. Особенно возрос интерес ко мне полковника Огана – начальника штаба и заместителя генерала. Это был тот самый подонок, который обезглавил моего мужа и изнасиловал меня в первый день плена. Некоторое время его не было в лагере. Говорили, что он назначен командиром воинских частей прифронтовых районов. Потом, по неизвестным причинам, он снова вернулся в лагерь. Как-то в беседе со мной он ненароком обронил, что его жена болеет.

Только я и Аллах знали, какие страдания заставил меня пережить этот человек, и как я его ненавижу.

Погода становилась всё теплее, и Оля от этого тепла словно испарялась, куда-то пропадая каждые 2-3 дня.. А когда появлялась, то целый день спала. Я знала, чем она была занята – сидела в засаде и истребляла наших. За это ей хорошо платили. Но об этом она мне не говорила ни слова. Мы с ней чаще говорили о прошлом. Оля мне рассказывала о своей деревне, о брате Руслане и об Андрее. Она родилась в Хмельницкой области Украины. Отец ее был учителем, а мать домохозяйкой. Она рассказывала мне даже свои любовные похождения: «В десятом классе я встречалась с одним парнем по имени Павел. Мы часто после школы шли в лес и долго с ним гуляли. Павел умел красиво говорить, но был очень стеснительным. Опустив глаза, он молчал, вздыхал и даже пальцем меня не трогал. Тогда как я от него ждала другого. Я была очень темпераментной девочкой и не намеревалась с ним попусту болтать в лесу. Одних встреч мне было мало. Мы и так с ним в школе весь день были рядом. Я хотела крепких объятий, жарких поцелуев. Девчонки в классе рассказывали о своих парнях и говорили такое, что мне было стыдно даже слушать это. Вот они и сбили меня с пути истинного, каждый день объясняя что-то новое. Но я ничего этого сделать не могла. Точнее, Павел не хотел. Он всего стеснялся. На другой день я врала девчонкам, рассказывая несуществующие тайны. Чтобы заставить бедного Павла хоть один раз поцеловаться, мне приходилось идти на такие уловки!..»

Потом Оля вспоминала со слезами на глазах, как Павел погиб в автокатастрофе:

«За три дня до последнего звонка его насмерть сбила машина. Вся школа горевала по нему. Я долгое время не могла его забыть. Только на последнем курсе медицинского института, встретив Андрея, я смогла подавить в себе эту боль...

Андрей был очень веселым и бойким парнем. Служил офицером в одной из частей, дислоцированных в городе. Я и ещё несколько девушек проходила в их части практику. Это была любовь с первого взгляда. Мы встречались почти каждый день. Андрей оказался тем человеком, который был мне нужен», – говорила Оля.

Она так интересно рассказывала, что становилось легко на душе, хоть и ненадолго.

… В лагере наши считали меня предательницей. Я чувствовала, что ко мне относятся с недоверием. Однажды я увидела, как одного солдата избили так, что он упал на землю. Я подошла к нему и хотела дать воды. Он же, открыв глаза, со злостью бросил мне в лицо:

– Ты – предательница! За сколько продалась врагам? В тебе течет кровь собаки, сука… Убирайся отсюда. И подавись своей водой.

Знаешь, каково мне было услышать такое?!

Молча я оставила кружку с водой на земле и ушла. Я понимала его. Он был патриотом и воевал за свою страну. Он так и должен был говорить. И никак иначе. Вернувшись, я увидела, что он мёртв, а воду, которую я принесла, так и не выпил. В тот день я плакала так, словно потеряла самого близкого человека. Я много таких героев встречала, пока была в плену. Их избивали, пытали, но они гордо молчали. Както мне довелось увидеть, как одного из наших пленных солдат пытали, капая ему на лицо расплавленной резиной. Капли резины прилипали к коже, продолжая гореть. А когда отдирали куски резины, застывшей на лице, кожа отдиралась вместе ней. Затем раны посыпали солью. Солдат корчился от боли, кричал, но упорно молчал. Он умер, не выдержав мучений. Его смерть меня потрясла. Это было самое страшное из того, что я видела.

Однажды ночью, когда я укладывала Руслана спать, в дверь постучали. Я открыла – на пороге стоял тот самый солдат, который закапывал голову моего мужа и надругался над ней. Он, конечно, не хотел, чтобы я его узнала, потому что он помнил, что было со мной в тот день. Я в свою очередь тоже сделала вид, что не узнала его, хотя давно искала случая встретиться с ним. В тот злосчастный день он словно всю душу мне разорвал в клочья. А теперь этот подонок своими ногами пришел ко мне.

Я в упор смотрела на него, а он отворачивался и ехидно улыбался. Эти подонки настолько привыкли насиловать пленных женщин, что стоило только дать им повод, и они готовы были вновь проявить свою никчемность. Я так его очаровала своим взглядом, что он захотел поскорей войти в комнату. Я же решила не торопить события и попросила его прийти позже. Ничего не сказав, он ушел. Я же начала обдумывать план действий и просить Аллаха дать мне сил осуществить задуманное.

«Как же мне с ним расправиться?», – думала я. У меня не было оружия, и я очень волновалась. «Пусть он придет, а там, если надо будет, я зубами перегрызу ему глотку».

Ночью в дверь снова постучали. Я поняла, что пришел «мой друг». Но это могла быть и Оля, так как ее не было дома уже целых два дня. Её визит был бы сейчас очень нежелателен. Я подошла к двери и открыла ее. Так и есть – передо мной стоял тот самый солдат со свертком в руке. Я окинула его холодным взглядом и подумала про себя: «Надо же! Кто ко мне на свидание пришёл!»

Едва переступив порог, подонок полез обниматься. Я крепко сжала его руку и сказала:

– Не спеши, подожди!

Он торопливо развернул сверток, вынул оттуда бутылку, откупорил её, разлил вино в два стакана и, не предложив мне выпить, сразу же осушил свой стакан. Затем бросился на меня, как бешеный пёс. Я поняла, что медлить нельзя и быстро выключила свет. Оказавшись в темноте, он сильно перепугался и вскочил на ноги. Чтобы не спугнуть его, я с притворной нежностью сказала:

– Так лучше. Давай проведем романтическую ночь.

Ему это понравилось и он, не отрывая от меня глаз, присел на кровать. Я взяла со стола бутылку и налила ему еще вина. А потом закрыла глаза и со словами «Аллах, помоги мне!» что было сил ударила его бутылкой по голове. Странно, что даже почувствовав удар, он не отрывал от меня глаз. Это немного меня напугало. Мне показалось, что мой удар на него даже не подействовал. Я подумала, что сейчас он поднимется и нападет на меня. Я ударила его бутылкой во второй раз. На этот раз он пошатнулся и распластался на полу. Несмотря на то, что свет был выключен, комната освещалась потоком света с улицы. Я замерла посередине комнаты с бутылкой в руках и не знала, что делать дальше. Время шло, и могло случиться всякое. Бросив бутылку, я подошла к двери и заперла ее. Солдат валялся на полу и хрипел. Я взяла грязную пелёнку и засунула в его широко раскрытый рот. Потом, схватив на кухне

целлофановый пакет, надела ему на голову, крепко затянула концы и прижала её к полу, чтобы он задохнулся, и чтобы кровь не запачкала пол. Подергавшись в судорогах, он наконец затих. «Что делать? Куда деть эту падаль?», – лихорадочно думала я. Если бы я закопала подонка во дворе лагеря, его бы точно учуяли собаки. «Что же делать?» – рассуждала я. Вдруг я вспомнила, что недалеко от дома есть канализационный люк военного лагеря. Лучше всего бросить труп солдата туда. Я запихала труп в пакет и потащила во двор. Дотащив пакет до канализации, открыла люк, сбросила труп, быстро вернулась домой и включила свет. В комнате отчистила пол от пятен крови. В углу валялась винтовка солдата. Сначала хотела спрятать её дома, но потом подумала, что солдата будут искать и держать его оружие дома небезопасно. Я вынесла винтовку и тоже бросила в канализацию, а потом вернулась в комнату. Сев на кровать, я думала о том, что во мне разгорается чувство мести, и радовалась тому, что смогла убить обидчика.

Два дня было все спокойно, и никто солдата не искал. Его хватились аж на третий день. Искали и в нашей комнате. Когда пришли к нам, Оля была дома. Она вернулась рано утром и поэтому крепко спала. Солдаты показали нам фотографию пропавшего товарища и сказали, что ищут его. Оля взяла фотографию, коротко ответив: «Красивый парень. Жаль его, но я впервые его вижу».

Они ушли, ничего не заподозрив. Внутренне я ликовала. Никогда бы не подумала, что я – человек, который и мухи не обидит, с такой легкостью смогла убить человека. Но, поверьте, это было непросто. Прошло много времени, но никто так и не узнал о содеянном мной. Постепенно я успокоилась, и мои душевные раны понемногу заживали. Я почувствовала себя сильнее и больше ничего не боялась.

В ту неделю к нам дважды заходил полковник Оган. Когда он пришел в первый раз, я подумала, что полковник ищет пропавшего солдата и подозревает меня. Я старалась держаться как ни в чем не бывало, так как знала, что любое неосторожное слово может вызвать подозрение. Оган посидел немного, поинтересовался здоровьем ребенка. Я не сразу догадалась о его намерениях, но чувствовала, что нравлюсь ему. Он сидел рядом со мной и иногда гладил мое лицо рукой. Я не могла задушить в себе ненависть к этой дикой свинье и чувствовала себя раненой тигрицей. Он был для меня настолько лютым врагом, что я готова была выпить всю его кровь. Я знала, что он даже не вспоминает о том, что сделал со мной, как надругался, что я лишилась своего дома, что у меня на глазах отрезали голову моему мужу. Ему казалось, что все так и должно быть. Ведь я же была пленницей и должна была испытывать благодарность за то, что меня не расстреляли, как других, что я еще жива. А для меня самой большой трагедией было именно то, что я выжила и обречена на душевные муки до конца своих дней.

Оган постоянно напоминал мне о том, что я жива благодаря ему. Может быть, поэтому он как-то спросил: «Ты хочешь жить в моем доме?»

Я посмотрела на него с удивлением, а он хитро улыбался и ждал от меня ответа. Не дождавшись, он встал и, взяв меня на руки, приподнял так, что мы оказались лицом к лицу.

Его голубые глаза, светлое веснушчатое лицо и жирный, как у бульдога, подбородок вызывали во мне отвращение. Он шепнул мне на ухо: «Ты – смелая и красивая девушка. Если будешь умницей, я стану твоим защитником. Знаешь, ваши проиграли войну и вряд ли когда-нибудь оправятся. Ты никогда уже не вернешься в родные края – забудь об этом навсегда! И кто тебя примет после этого? Ведь ты жила в плену и прекрасно понимаешь, что будут люди думать о твоих приключениях здесь. Поэтому смирись и выполняй то, что я прикажу. У тебя просто нет другого выхода. У меня дома больная жена. Вот уже несколько лет не встает с постели и вряд ли когда-нибудь сможет подняться. Ты – медсестра и сможешь с ней поладить. Мне кажется, это будет выгодно вам обеим. Не так ли?» – сказал он, приподняв мой подбородок.

Это было неожиданное предложение. Что делать? Если честно, я даже обрадовалась. Ведь оказавшись в логове врага, мне легче будет с ним расправиться. И потом у меня не было другого выхода – ведь я находилась в плену. Таких, как я, здесь было много. Их жизнь проходила перед моими глазами. Каждый день, видя, каким пыткам их подвергают, я благодарила Аллаха за свое положение. Только одно меня расстраивало – придется расстаться с Олей. А эта девушка мне очень помогала…

В тот день, когда я переезжала к Огану, моросил дождь, и стоял густой туман. Дорога шла через лес. Я с ребенком на руках сидела в кабине машины. Водитель – хмурый, грубый солдат с толстыми губами – со мной не разговаривал. Неожиданно он начал напевать нашу песню «Сары гялин». Услышав её, я расплакалась. Ведь я очень давно жила на чужбине, вдали от родных и близких. И все это время была занята только своими проблемами. Эта музыка словно разбудила меня от глубокого сна и вернула в прошлое. С этой самой любимой моей песней было связано столько светлых воспоминаний… Али тоже очень любил её и называл меня «моя сары гялин» (сары – желтый), так как волосы у меня были русые. Он даже подарки мне покупал желтого цвета. Помню, в день нашей свадьбы, когда Али приехал за мной, музыканты играли традиционную музыку «Вагзалы», как и подобает по обычаю. И вот, когда я спускалась по лестнице в фате и подвенечном платье, Али что-то прошептал на ухо музыкантам. И вдруг «Вагзалы» сменилась песней «Сары гялин». Я посмотрела на Али из-под белой вуали и улыбнулась, потому что когда мы ещё были обручены, он говорил, что заберет меня из отцовского дома под звуки «Сары гялин». А я отвечала, что это невозможно. Но Али сдержал свое обещание – ведь все его любили и с пониманием отнеслись к его капризу. В свадебную ночь он тоже поставил кассету с этой мелодией. Положив голову на грудь мужа, убаюканная звуками любимой песни, я чувствовала себя самой счастливой женщиной на земле...

И теперь, прозвучав из уст врага, песня разбередила мне душу, вывернув её наизнанку. В плену мне казалось, что я разучилась плакать, потому что после всего пережитого сердце мое огрубело, превратилось в камень. Странные метаморфозы произошли со мной. Ведь раньше я не могла смотреть, когда резали голову курице, а теперь сама смогла бы обезглавить врага. Я больше не боялась крови.

Звуки песни продолжали терзать меня. Слезы капали на лицо сына, спящего у меня на коленях. А водитель продолжал свистеть, не обращая на меня внимания. Я разрыдалась. Водитель вздрогнул и спросил, что случилось. Я промолчала. Да и что я могла ответить?!

Расстояние между домом Огана и военным лагерем было немногим больше трех километров. Машина остановилась у ворот большого особняка, расположенного на окраине поселка. Водитель вышел из машины, открыл ворота, въехал во двор, открыл дверь машины и велел мне сойти. У меня сжалось сердце. Мне показалось, что я никогда не смогу привыкнуть к этому новому миру, в который попала. Стало очень тоскливо. Я обернулась назад. Вспомнила маленькую комнатушку в лагере. «Там мне было лучше», – думала я, стоя, как неживая, посреди двора. Ребенок плакал, а я вместо того, чтобы успокоить его, смотрела по сторонам. Мне хотелось сначала хотя бы зрительно привыкнуть ко двору.

Заметив моё замешательство, водитель велел мне идти за ним. Мы поднялись на веранду. Там на диване лежала какая-то женщина. «Наверное, это и есть больная жена Огана», – подумала я. Водитель поздоровался с женщиной и представил меня ей. Та чуть приподнялась с подушки, посмотрела на меня и глубоко вздохнула. Я стояла с ребенком на руках, ожидая от неё поручений, но она молчала. Увидев эту женщину, я немного успокоилась. «В любом случае я ей буду нужна», – подумала я и приблизилась к ней. Она еще раз взглянула на меня, а потом еле слышно произнесла:

– Валентина Осиповна, – и быстро добавила, – я не армянка, русская.

Я увидела в её глазах какую-то теплоту и сразу прониклась к ней доверием. То, что женщина была русской по национальности, вселяло в меня некоторое успокоение. Почему-то я была уверена, что она также ненавидит армян. Ведь она сразу дала мне знать, что не армянка. Иначе почему она это сказала? И в то же время я удивлялась собственной наивности – не стоит сразу делать таких выводов, все змеи ядовиты.

– А меня зовут Саида, – представилась я, протягивая руку.

Женщина, молча взглянув на протянутую руку, вздохнула:

– Я парализована и мне трудно шевелить руками.

Опустив руку, я смущенно сказала:

– Да поможет вам Господь.

Губы женщина дрогнули в легкой улыбке. Я поняла, что понравилась ей. Она показала мне на стул, и я села. Водитель уже уехал. Сын начал капризничать – видимо, проголодался и хотел есть. Сжав кулачки, он громко заплакал. Женщина посмотрела на меня, потом на плачущего ребенка и нахмурилась. Я почувствовала, что присутствие ребенка ее не совсем устраивало.

– Кажется, ваш ребенок довольно беспокойный. Это не будет создавать проблем?

– Нет. Не беспокойтесь. Он не такой шумный, как вы думаете. Просто проголодался. Он поест и сразу уснет.

Женщина поерзала в постели и сказала:

– Раз так, покормите его.

– Я не кормлю его грудью. Он питается обычным молоком.

– В таком случае пройдите на кухню. Может быть, там найдете, чем накормить ребенка.

В её тоне чувствовалось раздражение. Я встала, но стояла, не зная, куда идти. Женщина, поняв это, кивнула головой на дверь слева:

– Пройдите вот туда!

Я прошла на кухню. Там стоял такой хаос, что некуда было ступить ногой. Казалось, здесь произошло землетрясение. В шкафчике я нашла пачку сухого молока, развела его в воде, согрела и напоила Руслана. Тот сразу же заснул. Положив ребенка в сторонку, я укрыла его. Потом начала наводить порядок на кухне, попутно заварила чай. Закончив с делами, я налила чай в стакан и отнесла его больной.

Валентина Осиповна оценила моё трудолюбие. Я приготовила еду и покормила её, и она осталась очень довольна мной. По ее словам, муж недавно привел какую-то девушку, чтобы присматривала за ней. Потом та куда-то пропала. Валентина считала, что в этом виноват её муж. «Оган – ужасный бабник. Ни одну юбку не пропустит, даже на собаку может позариться», – со злостью говорила она.

К вечеру полковник вернулся домой и, увидев нас рядом, с иронией сказал:

– Быстро же вы нашли общий язык!

– Независимо от места рождения у женщин обычно не бывает претензий друг к другу. Лишь бы мужчины не совали нос в их отношения. Не так ли, Оган? – язвительно ответила Валентина Осиповна, но, не услышав ответа, продолжила: – Женщины не так глупы, как мужчины, чтобы убивать друг друга из-за материальных ценностей. И потом, эта ваша бессмысленная война не имеет к нам никакого отношения. Не так ли, Саида? – обратилась она ко мне.

Я показала кивком головы, что согласна с ней, хотя то, что она называла бессмысленной войной, имело ко мне самое, что ни на есть, непосредственное отношение. В этой «бессмысленной» войне я потеряла весь смысл своей жизни.

В ту ночь я приготовила им на ужин жаркое из свинины, как велела Валя. Я впервые в жизни готовила свинину. Когда муж служил в русской армии, он иногда приносил домой свинину, но я ее выбрасывала, отказывалась готовить из неё пищу.

Как ни странно, по выражению их лиц я поняла, что еда пришлась им по вкусу.

Ухаживать за лежачей больной было очень тяжело. Обычно за такими людьми смотрит близкая родня – мать, дочь или сестра. Чужой человек не выдержит больше недели, потому что уход не ограничивается готовкой и кормлением. Ведь лежачим больным все процедуры приходится делать в постели. В первый день я два раза сменила постель. Как бы тяжело ни было, я вынуждена была терпеть.

Мы с ребенком разместились в маленьком домике во дворе. Условия здесь были неплохие. Вечерами, закончив работу, я шла в свою комнату и оставалась там с сыном. Прижимая его к груди, я старалась хоть немного успокоить боль в сердце. Я чувствовала себя как в тисках, иногда задыхалась, мне трудно было дышать.

В первую ночь на новом месте, уложив ребенка, я села на кровать и задумалась. Вдруг в дверь постучали. Я поняла, что это хозяин. Кто же еще мог быть, кроме него? Вообще-то я давно с ужасом ждала его визита. Характеристика, данная Валентиной, не оставляла сомнений в намерениях Огана. Я открыла дверь. На пороге стоял полковник в спортивной форме, пьяный в стельку и с сигаретой в зубах.

– Я знал, что ты будешь скучать, поэтому пришел навестить тебя, – сказал он, выпуская дым сигареты из ноздрей и бесцеремонно проходя в комнату.

Я стояла, как вкопанная. Это был его дом, и я не могла его выгнать из его собственного дома.

Он схватил меня за руку и потянул к себе.

– Иди сюда! Отныне я не дам тебе скучать. Я заставлю тебя забыть свое горе. Ты увидишь, какие есть на свете умные и шустрые мужчины. Молиться на меня будешь, полюбишь, как свою первую любовь, может быть, даже больше. Кто знает? Может, еще и родишь мне сына. Да? Не так ли? – сказал он и начал хохотать.

Я отцепила его руки от своей талии и закрыла дверь, чтобы больная женщина не услышала эту пошлость. Прислонившись к стене, с мольбой смотрела на него. Он, покачиваясь на ногах, подошел ко мне, взял за руки, выключил свет и уложил на кровать. Я знала, что просить, умолять его о чем-то бесполезно.

Он делал со мной всё, что хотел, а я лежала, как ледяная глыба, уставившись в потолок. В эти минуты я пыталась увидеть Аллаха и осуждала его за то, что он позволяет своему созданию терпеть такие муки. «Наверное, дьявол Оган оказался сильнее Аллаха», – думала я.

Саида замолчала. Ее рассказ перевернул мою душу. Мне казалось, что Саида ненавидит всех мужчин и меня в том числе. Мне было стыдно за весь наш мужской род. Опустив глаза, я тоже молчал. Не знаю, о чем она думала в эти минуты. Но мне хотелось успокоить ее. К сожалению, в таких случаях я не могу найти нужных слов для утешения.

Сейчас, рядом с Саидой, было то же самое.

Помолчав, Саида продолжила рассказ:

– Проснулся сын и начал плакать. Я хотела встать с кровати и успокоить его, но Оган не разрешил и, указав на ребенка, со смехом сказал: «Какой хитрый малец!» Потом протянул руку и начал трясти Руслана. «После этого ты будешь моим сыном. Слышишь? И тебя зовут Ашот. Посмотри на меня, Ашот! Смотри, что я делаю! Почему ты плачешь? Ты же встретился с отцом! Глупый щенок!» – сказал он и дал ребенку пощечину.

Этот удар кинжалом вонзился в моё сердце. Малыш громко заплакал и тут же замолчал. Не в силах что-то сделать, я просто билась головой об стенку.

Оган, встав с кровати, стал сердито расхаживать по комнате. Потом включил телевизор, и оттуда опять послышались звуки нашей песни «Сары гялин» в исполнении какого-то армянского певца. Меня как будто кипятком ошпарили: «Господи! Что же это такое!? Неужели, когда приходит беда, судьба отворачивается от человека?!»

Если бы я не услышала эту песню, возможно, я и смогла бы успокоиться. Но звуки её вновь разбередили в моей душе не утихающую со временем боль.

Над моей честью надругались в первый же день плена. Теперь горевать по этому поводу было поздно. Но меня терзало другое. Песню нашей светлой любви, песню, которую подарил мне муж в день свадьбы, поют враги – причём именно в тот момент, когда вновь и вновь оскверняют мою честь.

«Почему эта проклятая песня преследует меня везде?! – думала я. – Может, это дух былого, безвозвратно уничтоженного счастья витает надо мной?!»

Стоя у окна, Огана щелкал пальцами в такт музыке. Мне хотелось рыдать, но я кусала губы. Глядя в спину врагу, я дала себе клятву: «Ничего, Оган! Я обязательно тебе отомщу за все те страдания, которые ты мне причинил!»

Он ушел. Несмотря на усталость, я не могла заснуть – всё думала о том, что делать дальше. Самый легкий вариант – это покончить с собой. Нет, я не могла принять такую простую смерть. Чем больше я думала об этом, тем сильнее во мне закипала ярость. Я заснула только под утро. Валя приказала вчера прийти пораньше, и я проснулась вовремя. Перепеленав ребенка, уложила его на кровать и поднялась на веранду. Подошла к Вале, поздоровалась с ней, но она не ответила на мое приветствие. Чувствовалось, что она злится. Наверное, узнала о вчерашнем похождении мужа. Я молча прошла в кухню и стала готовить завтрак. Вчерашняя музыка всё ещё звучала в ушах.

Пока закипал чайник, я поменяла постель больной женщины. Она не желала вступать со мной в разговор. «Ты даже не представляешь, какая ты счастливая, проклятая женщина! Я бы очень хотела быть на твоем месте. Как бы я мечтала оказаться в своем доме, в кругу своей семьи, вместо того, чтобы ночами быть подстилкой для твоего грязного подонка-муженька, а утром убирать твои нечистоты», – думала я.

Саида замолчала и долго сидела, уставившись на свои исхудалые руки. Чувствуя ее внутреннюю тревогу, я сидел, затаив дыхание.

***

Посмотрев на часы, Саида встала.

– Дай-ка я заварю чаю. Мы так увлеклись беседой, что я забыла обо всем на свете.

Я пытался возражать, так как действительно ничего не хотел, кроме продолжения рассказа. Но надо было учесть, что Саида и сама ничего не ела и не пила.

Когда Саида пошла заваривать чай, я встал, чтобы немного размять ноги. Собака, как и вчера, дремала в углу. Заметив, что я внимательно смотрю на пса, Саида сказала:

– Не бойтесь, он очень спокойный. У нас таких называют «провожающий гостей». И потом, он уже старый. Спит целыми днями. А что ему, бедному, делать? Он, как и я, настрадался…

Я нагнулся к собаке и приблизился прямо к ее носу. Она посмотрела на меня и нехотя пролаяла несколько раз. Это даже был не лай, а скорее звук, похожий на кашель курящего человека. Я протянул руку и погладил ее.

Саиде это явно понравилось.

– Видите, какой он приветливый. Я знала, что вы его полюбите, – сказала она.

А я, чтобы еще больше войти к ней в доверие, поддакнул:

– Да, у вас очень приветливый и умный сын.

Мои слова действительно пришлись ей по душе. Она даже улыбнулась. Я же, отойдя от собаки, остановился напротив яркого азербайджанского ковра, висевшего на стене. Как я уже говорил, во всей квартире это была единственная вещь, хоть както оживлявшая интерьер. Ковер был очень красивый, ручной работы. Мне было очень интересно, как он попал сюда?

Саида тоже подошла ко мне, встала рядом и стала внимательно разглядывать ковер, словно видела его впервые.

– Прекрасный ковер, – сказал я с видом знатока. Саида глубоко вздохнула:

– Это ковер, сотканный моей мамой. Она соткала его для папы. Вот смотри, там, слева, голубыми нитками выткано имя моего отца.

Я хотел было поинтересоваться, как ковер оказался у неё, но Саида, не дожидаясь вопроса, сама ответила на него:

– Прошло две недели, как я переехала к Огану. За всё это время я узнала только два места в его доме – свою спальню и кухню. Других помещений я не видела. Меня это и не интересовало. Однажды Валя послала меня в одну из комнат, поручив что-то принести оттуда. Открыв дверь, я замерла как вкопанная – на стене висел вот этот самый ковер. Я сразу его узнала. А как же иначе? Ведь этот ковер был самой ценной вещью в нашем доме. Мы все его очень любили, так как это был подарок матери отцу. Видеть, что он теперь украшает дом врага, было невыносимо. Ещё больнее было оттого, что на ковре висела и двустволка моего отца. Он брал это ружье на охоту. Папа был хорошим охотником и никогда не возвращался с охоты с пустыми руками... Я не знаю, как эти вещи – ковер и двустволка – попали к Огану... Я зашла в комнату, встала перед ковром и на какой-то миг мне показалось, что ничего не произошло – враг не отнял у нас дом, нет никакой войны, я не в плену, а у себя дома, с родными людьми, этот ковер по-прежнему красуется на стене, а отец только что вернулся с охоты и повесил свое ружьё на него… К сожалению, все это было лишь игрой воображения. Я не сдержалась и зарыдала. Ведь для меня это был не просто ковер, а семейная реликвия, насквозь пропитанная духом моих родных. Мой плач услышала Валентина и, когда я вышла, спросила причину. Я ей все рассказала. Она задумалась, но ничего не сказала. На следующий день, когда я готовила ей завтрак, она мне сказала:

– Саида, доченька, когда захочешь, можешь идти в ту комнату и любоваться своим ковром.

Сердце сжималось, когда я смотрела на эти родные до боли вещи. Я гладила их рукой, и это немного утешало меня...

Двустволку Оган потом подарил своему другу, а ковер, как видишь, здесь. Когда я уезжала из этого ада, Валя отдала мне его.

Моих родителей армяне расстреляли в лесу. Об этом я узнала в военном лагере от одного из наших бывших соседей, попавших в плен. Моё сердце превратилось в одно большое кладбище шехидов. Все были похоронены здесь – родители, муж, родные, близкие…

Саида принесла чай.

Мне не хотелось пить, но я знал, что если не выпью, то и она не дотронется до него. Я сделал несколько глотков.

Потом Саида покормила собаку и только хотела сесть, как я предложил:

– Я купил немного сладостей к чаю. Может, принесешь?

Ей понравилась моя искренность. Она достала из пакета сладости и положила их на стол. На самом деле мне хотелось, чтобы она немного поела, так как я знал: с утра у неё крошки во рту не было.

Откусив кусочек пирожного, я сказал:

– Ух ты, какое вкусное!

Только после этого Саида тоже протянула руку к сладостям.

Я обрадовался, что она не отказалась есть мои гостинцы и решил рассказать Саиде одну историю, которая наглядно демонстрировала, что наш дьявольски коварный враг был таким не только на войне, но и в мирной ситуации, и всегда действовал исподтишка.

Подперев подбородок рукой, Саида внимательно меня слушала:

– Рассказывают, – начал я, – что очень давно в одну богатую деревню приехал чужеземец. Ему очень понравились эти места, и он попросил: «Дайте мне небольшой участок, я вобью колышек, и каждый раз, приезжая сюда, буду радоваться, что в этом прекрасной деревне у меня тоже есть крошечное местечко». Население деревни собралось, посовещалось и предложило ему следующее: «Мы готовы тебе дать большой участок. Построй там себе дом, какой тебе хочется». Чужеземец отказался, сказав, что ему достаточно и крошечного клочка земли. Народ единогласно согласился: «Втыкай свой колышек, куда хочешь».

Он воткнул колышек в центр деревни и заявил: «Это мое место, и я могу повесить на этот колышек всё, что захочу. Поклянитесь, что вы не тронете ни меня, ни то, что будет висеть на нём». Народ начал клясться, божиться, что никто ничего не тронет.

Тогда чужеземец повесил на колышек тушу, которая под палящим солнцем стала постепенно разлагаться, и вонь от нее распространялась вокруг. Собрались люди и попросили чужеземца, чтобы тот закопал эту тушу где-нибудь подальше.

«У нас же был уговор, и вы дали клятву», – заявил чужеземец.

Люди поняли, что связались с мошенником, и стали постепенно покидать свои жилища, переселяясь в другие места. Таким образом хитрый чужеземец стал владельцем огромной территории…

– Видишь, Саида, в свое время воткнули кол между Турцией и Азербайджаном, повесили на него вонючую тушу под названием Армения. С годами из-за неё всем вокруг пришлось разъехаться. Пока эта туша там и не закопана глубоко в землю, не будет нам покоя.

Саида подтвердила мои слова, кивнув головой. Потом она убрала со стола, села на табурет возле собаки и, поглаживая ее по голове, продолжила свой рассказ:

– Справа от домика, где я жила, находился амбар для продуктов, а слева – собачья конура. В ней жила посаженная на цепь большая собака, которая целый день лежала и рычала. Она была беременна. Через 2 месяца у нее родились четыре щенка. Двоих из них на следующий день Оган отнес куда-то. Я узнала от Вали, что собаку эту Огану подарил его друг, русский офицер, и что эта собака – не обычная, а боевая. Таких днем с огнем ищут собачники. Вот почему Оган так трясся над ней: он держал собаку, чтобы потом продавать щенят.

Однажды утром Оган сам, как собака, начал выть во дворе. Он громко кричал и на что-то сильно злился. Я сидела возле Вали. Услышав крики, мы переглянулись, не понимая, в чем дело. Я спустилась во двор. Оказалось, что прошлой ночью полковник искупал собаку какой-то ядовитой жидкостью, чтобы очистить ее от вшей. По всей вероятности, яда в жидкости оказалось больше нормы, и собака, облизывая себя, отравилась и сдохла. Валя этому событию очень обрадовалась.

«Оган любил эту собаку больше родного отца. Он так много возился с ней, что сам стал, как собака. Хорошо, что она сдохла. Благодари Бога, потому что она создала бы тебе дополнительные проблемы», – предупредила меня Валентина.

В тот день Оган не пошел не работу. Он целый день расхаживал по двору, кричал и разбрасывал по сторонам всё, что под руку попадалось. А днем, во время обеда, фыркнул, как свинья, и швырнул тарелку с едой на пол. Видя его в таком бешенстве, я беспокоилась о сыне. Старалась, чтобы он не плакал, так как боялась, что попадет Огану под горячую руку, и он что-нибудь сделает с ребенком.

Щенки целый день скулили после того, как сдохла их мать. Когда бы ни посмотрела, я видела Огана, стоящего около них. Тот приносил миски, полные еды, и ставил перед щенками. А двухдневные слепые щенки ни к чему не притрагивались и только жалобно скулили. На другой день мне, помимо основной работы, поручили еще присматривать за щенками. Валя оказалась права. Они стали мне лишней обузой.

Рано утром, уходя на работу, Оган приказал, чтобы я присматривала за щенками, как за собственным ребенком. Я знала, что он очень коварный человек, и если бы с ними что-то случилось, он бы обязательно сорвал зло на мне или на моем сыне. Поэтому я каждую минуту заглядывала к щенкам. Но как бы я ни старалась накормить их, это мне не удавалось. Миску с молоком, которую я ставила перед ними, они или опрокидывали, или не замечали вовсе. Целый день щенки сидели, прижавшись друг к другу. Оган очень сильно возмущался, когда узнал, что они так ничего и не поели за весь день.

– Если они сдохнут, тебе несдобровать! – пригрозил он.

Что же делать, чтобы у меня не было проблем из-за этих проклятых щенков? Я чувствовала, что они доставят мне большие неприятности.

Однажды вечером, покормив Валю, я пошла к себе, чтобы накормить ребенка. В это время открылась дверь и вошел Оган с двумя щенками. Надо сказать, что он иногда врывался ко мне поздно ночью, сидел несколько часов, а потом уходил. Я подумала, что и на этот раз он пришел скоротать время. Оган сел на диван. Погладил щенков, потом посмотрел на меня и сказал:

– Они ничего не едят и в конце концов сдохнут.

Я молчала. В душе я хотела, чтобы они сдохли, потому что они у меня отнимали больше времени, чем больная женщина и мой собственный ребенок. И несмотря на это Оган каждый день ругал меня из-за них.

Вдруг он спросил:

– У тебя есть молоко?!

Подумав, что он хочет покормить щенков, я ответила, что осталось немного молока, которое принесли утром. Оган поерзал немного и улыбнулся:

– Я имею в виду не такое молоко. Грудное молоко есть у тебя, чтобы вскормить щенков?!

Я сочла его слова шуткой и молча продолжала заниматься своими делами. Но он вовсе не шутил:

– Я не шучу. Повторяю ещё раз – у тебя есть молоко для этих малышей?

Ужаснувшись, я быстро ответила:

– Если бы у меня было молоко, я бы кормила своего ребенка. Разве не видишь, я даю ему коровье молоко?

Но Оган не отставал:

– Меня не интересует, чем ты кормишь своего щенка. Я тебе говорю, что мои щенки голодные! Покорми их!

Бросив щенков на диван, он подошел ко мне и схватил за ворот платья. Я стала его умолять, чтобы он не делал этого. Но он не думал отступать от своих дьявольских намерений. Оган расстегнул мне платье и, потянув за руку, усадил на диван. Затем положил щенков мне на колени и приказал, чтобы я приложила их к груди. Щенки обнюхивали меня со всех сторон и скулили. Я с детства не любила кошек и собак. К горлу подступила тошнота. Щенки прильнули ко мне мокрыми мордами, учуяв запах молока, и стали тыкаться в грудь, ища его источник. А Оган стоял над моей головой и приказывал:

– Ты что не слышишь?! Корми!

Я не в силах была пошевелиться. Мне противно было даже дотронуться до этих собак. Тогда Оган размахнулся и что было сил ударил меня по лицу. От внезапной пощечины зазвенело в ушах. Я ударилась головой о стену и почувствовала сильную боль. Щенки скатились с моих колен на пол и начали путаться под ногами. Оган присел на колени, поднял одного из щенков и, прижав к моей груди, заорал:

– Ну-ка, держи!

Я многое пережила в плену. Какими бы тяжелыми ни были муки, я всё вытерпела.

Но приказ подонка вскормить щенков моим молоком выходил за рамки человечности. Взяв щенка на руки, я и изо всех сил швырнула его об стену. Тот громко заскулил. Оган закричал еще громче и начал колотить меня кулаками. Я была вся в крови, но он продолжал методично меня избивать. Ещё немного, и я бы, наверное, умерла в руках Огана. Собрав остаток сил, я оттолкнула изверга и выбежала во двор. Единственной моей надеждой была больная Валя. Я побежала к ней.

Женщина испугалась, увидев меня в таком жутком виде и начала звать мужа:

– Оган!.. Оган!

Мне казалось, что все это жуткий сон. Или я просто сошла с ума. Мне не верилось, что все это случилось именно со мной. В ту ночь я не сомкнула глаз. Как только я закрывала их, мне начинали сниться щенки, сосущие мою грудь, и я просыпалась от омерзения в холодном, липком поту.

Моё душевное состояние после случившегося резко ухудшилось. Уход за тяжелобольной женщиной, забота о собственном ребенке, домашние хлопоты – всё это подрывало моё здоровье. И еще эти щенки свалились на мою голову. У меня не оставалось времени на сына. Едва успевала покормить его. Иногда не было времени даже сменить ему пеленки. Руслан немного подрос и уже делал первые шаги. Его опасно было оставлять одного. Каждую минуту с ним могло что-нибудь случиться. Однажды я едва успела схватить его, когда он чуть было не опрокинул на себя кипящий чайник. Я вынуждена была привязывать его веревкой к кровати. Бедный ребенок даже порезался, когда пытался выдернуть ножку из веревки. После этого он сидел у кровати и не двигался. Вечерами, закончив работу, я брала Руслана на руки. При виде его маленькой ножки, порезанной веревкой, у меня сердце кровью обливалось. Только прижимая сына к себе и вдыхая его запах, я немного успокаивалась.

После случившегося я стала насильно заставлять щенков есть. Готовила супы, каши и буквально вливала им в горло, чтобы они не сдохли. Настроение у Огана улучшилось. Он стал наведываться ко мне еще чаще из-за собак. Приходил вечером и уходил поздно ночью. Его жена всё знала, но не решалась ничего сказать мужу. Только иногда расспрашивала меня о наших с Оганом отношениях. Я молчала и ничего не отвечала. Она – женщина и должна понять, что я ненавижу ее мужа, и он мне омерзителен…

Лицо Саиды покрывалось красными пятнами, когда она рассказывала об этом. Казалось, что она сейчас встанет и начнет все крушить вокруг или вообще спалит дом от бушующей в ней ярости. Но затем она вновь успокаивалась и некоторое время сидела неподвижно. Эта женщина была как горная река – то бушевала, то затихала. Когда ей становилось не по себе, Саида начинала гладить собаку, и это приносило ей успокоение.

Заметив мое волнение, женщина смутилась:

– Ради Аллаха! Не обращайте на меня внимания. То, что я с вами сейчас сижу здесь и разговариваю, уже хорошо. Что можно ждать от человека, лишившегося всего, что было ему дорого?

Я ничего не ответил – опять не смог найти нужных слов. Но порой молчание лучше слов утешения.

Взяв себя в руки, Саида продолжила рассказ:

– …Однажды Оган пришел домой сильно выпившим. Я много раз видела его пьяным, но в таком состоянии – впервые. Едва войдя в комнату, сразу же завалился на диван. Начал нести всякую чушь, еле ворочая языком. Он говорил невнятно и его невозможно было понять. Я в это время кормила щенков.

Вдруг Руслан заплакал. Оган посмотрел по сторонам осовевшими глазами и спросил:

– Почему он так орет?

– Голодный, – ответила я.

Оган встал и, шатаясь, подошел к столу. Я спросила, что он хочет сделать. Он посмотрел на меня и, кривя рот, заявил:

– Ты занимайся своим делом. Я накормлю ребенка.

Потом взял со стола бутылку с молоком и начал кормить малыша. Ребенок только проснулся и был голоден, поэтому тут же начал жадно сосать.

– Молоко холодное, его надо согреть, а то у ребенка будет потом болеть горло, – сказала я Огану и хотела подойти к Руслану.

Но Оган толкнул меня на диван со словами:

– Сиди! Я все сделаю сам!

Он взял ребенка на руки и прошел в другую комнату, прикрыв за собой дверь. Прошло немного времени. Было подозрительно тихо. Я не выдержала и открыла дверь, Увидев меня, Оган растерялся и смотрел то на меня, то на бутылку. Сначала я ничего не могла понять. Вдруг меня словно током ударило. Я вспомнила, что в бутылке было совсем мало молока, и ребенок при мне его выпил. А чем Оган мог поить его? Мой взгляд упал на пол, где были капли жидкости. А в комнате пахло мочой. У меня закружилась голова, и я крикнула:

– Что ты делаешь, подонок? Чем ты поишь ребенка?!

Он замер с бутылкой в руке. Я подбежала к нему, вырвала бутылку из его рук и швырнула об стенку. Осколки разлетелись по всей комнате. Я взяла ребенка и прижала его к груди. Малыш весь посинел. Его зрачки расширились. Несколько раз, засунув палец ему в рот, я пыталась вызвать рвоту. Наконец это мне удалось. Руслана рвало желтоватой жидкостью, пульс был учащенный, а сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Я была на грани сумасшествия и не знала, что предпринять. Развела немного марганца в теплой воде и дала ему попить. Через некоторое время Руслан опять вырвал. После этого я напоила его чуть подслащенным чаем.

Оган стоял посреди комнаты, молча наблюдая за моими действиями. Не испытывая ни капли стыда, он смотрел на меня и смеялся. Я закричала на него:

– Что ты сделал? Мерзавец! Ребенок ведь мог умереть…

А он, как бык, мотал головой, презрительно усмехаясь:

– Это турецкий щенок, с ним ничего не будет!

Не в силах больше сдерживаться я схватила со стола графин с водой и запустила в него. Графин пролетел мимо его головы, ударился об стенку и разбился вдребезги. Когда я, взяв ребенка на руки, хотела выйти во двор, он изо всех сил стукнул меня кулаком. Я ударилась лицом о стену и разбила нос. Ребенок тоже ударился и закричал. Я была вся в крови. Выйдя во двор, умыла сына водой из-под крана. Мне не хотелось возвращаться в дом. Я хотела взять ребенка и бежать, куда глаза глядят. Но тут же я подумала: «Как я могу уйти, не отомстив ему?» Я взяла ребенка и поднялась на веранду к Валентине. Присев на край кровати, горько заплакала. С некоторых пор я считала эту женщину самым близким человеком. Кроме нее у меня не было никого, кому я могла бы рассказать о своем горе.

Женщина проснулась от моего плача, приподняла голову и несколько раз взволнованно позвала своего мужа:

– Оган!... Оган!

Я взяла ее за руки:

– Это я, Саида.

Она успокоилась, но, заметив, что я продолжаю плакать, спросила:

– Что с тобой? Почему ты плачешь? А где Оган?

Я ничего не ответила. Валя попросила включить свет. Я включила ночник, стоящий на тумбочке. Увидев мое окровавленное лицо, она вскрикнула:

– Мама моя! Господи! Что это? Кто тебя так, девочка?! Что происходит в этом доме? Ты можешь мне обьяснить?! Кто тебя избил?

Я молчала. Честно говоря, в эти минуты я и ее ненавидела. Но у меня не было другого выхода. Она была единственным человеком, проявлявшим ко мне сочувствие. Я не могла больше молчать и рассказала ей всё. Валя менялась в лице, когда я говорила. Мой рассказ потряс её. Стиснув зубы, она стала проклинать мужа и долго не могла успокоиться. Затем притихла и, уставившись невидящим взглядом в потолок, стала о чем-то думать. Наконец повернулась ко мне и шепотом сказала:

– Доченька, пройди на кухню. Умойся! Бог его накажет.

Я оставила ребенка возле ее постели, прошла на кухню и умылась. Увидев себя в зеркале, пришла в ужас – оттуда на меня смотрело какое-то непонятное существо с распухшим носом и рассеченной губой.

В ту ночь мы обе не спали до утра и разговаривали. Эта больная женщина стала мне еще ближе. Она пообещала после этого помогать мне.

– Ты смотри за мной хорошо, доченька, а я постараюсь тебе помочь, – сказала мне Валя.

И я понимала, что, несмотря на болезнь, она может мне помочь.

В ту ночь Валя мне многое рассказала о себе. Она сказала, что познакомилась с Оганом в России, в Ставрополе, в деревне Надежда.

– В то время Оган был прапорщиком в войсковой части, где мой отец был командиром. Узнав, что я дочь командира, стал ухаживать за мной, не давал прохода. Отец несколько раз делал ему замечания по этому поводу. Когда дома разговор заходил о нем, папа с недовольным выражением лица говорил: «Он очень наглый молодой человек!» А маме Оган нравился, она всегда хвалила его и пыталась возвысить в глазах отца.

«В наше время таким и надо быть, – говорила она, – мужчина должен быть немного нахальным».

Я никак не могла понять, за что мама так его защищает. Лично я ничего положительного в нем не видела. Но я очень любила маму. Очень! Поэтому никогда ей не перечила. И потом, я только закончила школу и многого не понимала. И маме не составило особого труда убедить меня в том, что Оган – хороший парень. Родителей у него не было, он даже в лицо их не видел. Вырос в детском доме. Оган помнил только бабушку и дедушку. Говорил, что они его иногда навещали. А потом по неизвестным причинам и старики отказались от внука. Детдомовское детство сказывалось – Оган всегда был голодным, ему всего было мало – и еды, и денег. Как овечка-сирота бил на жалость. Он и на мне женился, чтобы воспользоваться влиянием отца. Сам в этом признавался, говорил: «На кого мне ещё надеяться? Разве что на твоего отца. Мне ведь больше некому помочь».

Хотя отец его и недолюбливал, но ради меня не отказывал в помощи. Ведь я была его единственной дочкой. Благодаря отцу Оган поступил в школу офицеров, получил звание старшего лейтенанта. Потом дослужился до капитана, майора, а за год до приезда сюда стал подполковником. Полковника он получил уже здесь. Еще в Ставрополе пристрастился к выпивке. Каждый день пил. Иногда так напивался, что не мог стоять на ногах. Из-за этого его несколько раз хотели отстранить от службы. Каждый раз отец помогал ему. Если бы не он, Бог знает, где бы он сейчас валялся. Когда началась война, мы жили в Ставрополе. Я просила его не приезжать сюда, но не смогла уговорить. В Ставрополе у армян очень влиятельная диаспора. Они заставляли офицеров возвращаться на Родину. Сначала Оган приехал сюда без меня. Я не приезжала целых полтора года. Наша дочка Лариса тоже была со мной. Тогда ей было 17 лет. Несколько раз Оган приезжал за нами, умолял, просил поехать с ним, убеждая, что война не будет нас касаться, и что мы будем жить в каком-нибудь тихом уголке. В конце концов я поверила его словам и приехала сюда. Не хотела разлучать дочь с отцом. Несколько месяцев мы действительно жили в тихой деревушке. Огана мы видели раз в неделю или даже в месяц. Он жил в свое удовольствие.

Мы не знали, где его черти носят. Оттого, что месяцами Оган жил в лесах и горах, он совсем одичал. Стал похож на одинокого волка и постепенно терял человеческие качества. Когда являлся домой, то говорил только угрозами. Ночью клал под подушку оружие.

После оккупации ваших городов и деревень Огана стали почитать, как национального героя. Допросами, обменом военнопленными и даже расстрелами занимался именно он. Все офицеры в части побаивались мужа. Он стал очень агрессивным, как фашист. У этого человека нет сердца. Ему бы только убивать, резать, проливать кровь. Он пользовался большим авторитетом и среди русских офицеров. Вообще-то Оган был их человеком, он на них работал. Оган мог с легкостью провернуть то, чего не могли сделать сотрудники министерства обороны. Поэтому его наделили большими полномочиями. Я не знаю второго такого армянина, который до такой степени ненавидел бы турков. При одном только слове «турок» его всего выворачивает. Трудно даже представить, сколько ненависти может уместиться в одном человеке. Он – настоящий маньяк. Говорят, что еще в самом начале войны он, чтобы отомстить вашим за погибшего друга, перерезал одному из пленных вену и пил его кровь.

Дома он всегда говорил только о смерти, крови и о том, как он резал, убивал. Мне от этого становилось дурно, а дочка вообще не выносила этих разговоров. Она никак не могла привыкнуть к ним.

«Уговори отца, уедем отсюда! Здесь пахнет кровью!», – просила она.

Но Огана никак нельзя было уговорить. Для него семья, дети ничего не значат. Он представлял себя непобедимым командиром, покоряющим мир, и любил повторять:

«Мир после этого еще узнает армян. Все поймут, что на свете есть славный и непобедимый армянский народ. Вот выиграем эту войну, а потом начнем войну за великую Армению «от моря до моря» Эта война потрясет мир. История работает на армян. Мы должны воспользоваться этим!»

Я не понимала этого бреда. На кого он надеялся? Но я твердо знала одно – если бы не русская армия, ваши перебили бы армян за один день, как саранчу. Весь мир знал, что армян поддерживает великая русская армия. Они вели себя так, полагаясь на помощь русских.

Не выдержав этого ада, дочка уехала в Ставрополь, к деду. А когда ей исполнилось 20 лет, вышла замуж за одного актера. Нас она тоже пригласила на свадебное торжество, но Оган, якобы из-за войны, не соизволил поехать на свадьбу собственной дочери. А я поехала.

Вот так и жила здесь после отъезда дочки одна-одинешенька. Оган редко появлялся дома, а когда приезжал, то беспробудно пьянствовал со своими многочисленными дружками. Как-то он привел с собой одного офицера, очень приятного мужчину. Его звали Виталий. В отличие от Огана, тот был спокойным и уравновешенным человеком. Я подумала про себя – «вот бы у меня был такой муж». Мужчины не понимают, что если они плохо относятся к своим женам, те обязательно, хотя бы в мыслях, ищут другого. Мужчина же моей мечты явился ко мне сам, своими ногами. В тот день Виталий не сводил с меня глаз. Оган был пьян в стельку и болтал всякую чушь. Виталий остался у нас ночевать. Муж заснул уже вечером... Знаешь, я сама залезла в постель к этому красавчику и всю ночь провела с ним. А что мне было делать? Ждать, когда пока мой «героический» муж покорит всю землю, а потом займется мной? Или же похоронить себя заживо под камнями этой бессмысленной войны? С того самого дня Виталий стал моим тайным любовником. Он был в звании майора и служил на русской базе, находящейся недалеко от нас. Но наша любовь продлилась недолго. Господь отнял его у меня. Виталий подорвался на мине, ему оторвало обе ноги. Он немного подлечился в здешнем госпитале, а потом куда-то уехал. А я опять осталась одна.

Потом я заболела. Причиной моей болезни был взрыв в доме, где мы снимали квартиру. Это случилось в полночь. Что-то сильно загрохотало, и потолок дома мгновенно обвалился прямо в середину комнаты. Я очень сильно испугалась и долго не могла говорить. Дом был взорван «Градом». Это был подарок от войны. С каждым днем мне становилось всё хуже и хуже. Здание, где мы квартировали, находилось близко к зоне военных действий, и каждую минуту могло случиться что-то непредвиденное. Поэтому мы переехали сюда. Здесь относительно тихо, но для меня это уже не имеет никакого значения. Я обречена лежать в постели до конца своей жизни. Сначала Оган привел в дом какую-то русскую девушку, чтобы она за мной ухаживала. На самом деле он ее привел не для меня, а для себя. В один прекрасный день девушка куда-то пропала. Несколько недель я оставалась с Оганом одна, без сиделки. А потом пришла ты. Наверное, это Бог тебя послал. Ты – хорошая девушка. Я очень расстроилась, узнав о происках этого мерзавца. Какой подонок! Да накажет его бог!» – закончила свой рассказ Валентина и от злости даже плюнула на землю.

Мы уснули только под утро. Я проснулась спозаранку от плача Русланчика. Ребенок весь горел. Температура зашкаливала за 39-40. Я сделала укол и немного сбила ее. Оган тоже проснулся и бродил по двору. Несколько раз он звал меня. Валентина велела мне никуда не ходить. Когда Оган поднялся на веранду и стал кричать на меня, Валя тоже повысила голос: «Да накажет тебя Бог! Смотри, что ты сделал с этим ребенком! Побойся Бога!»

Оган стоял, как вкопанный, и тупо смотрел то на меня, то на жену, потирая слипшиеся от вчерашней пьянки полусонные глаза. Словно все сказанное его не касалось и говорили о ком-то постороннем. После долгого молчания он, наконец, заговорил: «А что случилось? Ничего не понимаю. В чем я провинился, скажи мне?»

«В чем ты провинился? И ты ещё спрашиваешь? Ты весь с головы до ног погряз в грехах. Забыл, что было вечером? Или ты уже ничего не помнишь?» – сказала Валя, не выдержав наглости мужа.

«В чем дело? Я ничего не помню», – сказал он, явно придуриваясь.

«Ничего не случилось?! Будь ты проклят! Ты взял большой грех на душу. Тебе надо помолиться и покаяться, как следует», – ответила Валя.

Оган словно и не слышал ничего из того, что говорила ему жена, и стоял, как побитая собака с опущенной головой. Потом посмотрел на меня и заорал: «Ты спустишься наконец во двор или нет? Не слышишь щенков? Не слышишь, как они скулят от голода? Давай быстрее их…»

Валя оборвала его на полуслове: «Ты соображаешь, что творишь, Оган? Совсем свихнулся, что ли? Саида хоть и пленница, но она же мать! У нее младенец! Нельзя же так издеваться над людьми!»

«Ты в мои дела не вмешивайся!» – заорал Оган на жену.

«Я ничего не знаю. Но Господь тебя обязательно покарает. Побойся Бога! Ведь у тебя тоже есть ребенок!» – сказала Валя и заплакала.

Оган промолчал и ушел. Уходя же, повернулся ко мне и бросил сердито: «Приготовь щенкам поесть. Если приду и увижу, что они голодные, пеняй на себя».

Отношение Вали меня немного подбодрило. Трудно было себе представить, что было бы со мной, если бы не эта женщина.

Я приготовила обед и накормила сначала Валю, а потом Руслана. Малыш всё ещё температурил. Он весь горел. Мне пришлось сделать еще один укол. Затем, оставив его с Валей, я спустилась во двор. Сыну было хорошо с Валентиной, и она не скучала, когда он был рядом. Я начала убирать комнату, где после вчерашней разборки с Оганом все было перевернуто. Закончив с уборкой, покормила щенков.

К обеду температура у Руслана немного упала, и он тихо спал. Оган не пришел домой со службы, и мы спокойно вздохнули. В присутствии этого негодяя даже дышать было тяжело. Мы долго говорили с Валей по душам и еще больше сблизились.

«Ты мне ближе родной дочери. Та приводила сотни причин, чтобы не приезжать ко мне – то войну, то далекое расстояние… Хотя знала, что я больна и нуждаюсь в постоянном уходе. Но я ее понимаю. У нее – своя семья, ребенок… Но я же тоже мать», – жаловалась женщина. Чувствовалось, что Валя очень скучает по дочери. В ее глазах было столько тоски и печали. Конечно же, в таком состоянии она хотела видеть дочь рядом. Когда дочь говорила с ней по телефону, она просила мать приехать к ней в Ставрополь. Но Валя отказывалась. «Не хочу быть обузой молодым», – объясняла она.

В тот день я многое рассказала Вале о себе, о своем беззаботном детстве, о том, как я была счастлива с родителями, о муже.

…Мама рассказывала, что я родилась очень маленькой и щупленькой. При осмотре мама спросила у врача: «Доктор, она выживет?». А та только плечами пожала: «Не знаю. Как Аллаху будет угодно, – и добавила: – Будьте готовы ко всему». Когда мама сказала об этом отцу, тот прямо в больнице дал обет – если дочка выживет, то когда ей исполнится год, он зарежет барана под её ногами.

Мама говорила, что я хоть и была плаксивой, но росла крепким и здоровым ребенком. Меня все любили и баловали, и я была очень привязана к родителям. Помню, однажды мать сильно заболела. Несмотря на то, что я все умела, отец не разрешал мне ничего делать по дому. Он сам ухаживал за мамой. А я сидела рядом и целовала ее горячие от температуры руки. А отец незаметно от нас тихо плакал. Через несколько дней мама выздоровела, поднялась на ноги. «Клянусь Аллахом, ангел смерти приходил за мной, но он просто пожалел вас и не забрал меня», – в шутку говорила она.

Мама еще с девичества занималась ковроткачеством, даже соткала несколько ковров себе в приданое. Помню, как она собирала девушек-мастериц у нас дома, они ставили свои станки и ткали ковры. Работа обычно занимала 3-4 недели, а иногда и больше месяца. Самый интересный момент наступал, когда работа завершалась и делались последние узлы. В этот день дома обязательно устраивали праздник. Для таких дней был предусмотрен даже специальный ритуал – мама прятала меня за стойкой ткацкого станка, а когда срезали последние нити, ковер сползал на пол, и тут перед общими взорами представала я во всей красе. Мама радовалась в такие минуты, как ребенок, хлопала в ладоши, бросалась обнимать меня, целовать.

Отец был школьным учителем. Интересно, что дома со мной он был очень нежным и добрым, а в школе – строгим. Он не только не делал различий между мной и другими детьми, но даже был более требовательным ко мне. А дома сажал меня на колени и гладил по голове. Я никак не могла понять его. После окончания школы, по совету матери, я поступила в медицинский техникум. «Девушка должна быть или учительницей, или врачом, – говорила моя мама. – Я вот часто болею, нужен же мне персональный врач. Хотя бы уколы вовремя сможешь мне делать».

Сразу после окончания техникума я вышла замуж, а потом мы с Али поехали в Россию. После возвращения я занялась своей семьей. Мамины советы мне очень пригодились в жизни. Мы с ней были как подруги. Делились друг с другом всеми секретами. Помню, однажды, после моего замужества, мама пришла к нам и осталась на ночь. Утром Али встал, приготовил себе завтрак, поел и ушел на работу. Он же был военным, поэтому это было для него обычным делом. Я еще не поднялась с постели. Когда же встала, увидела, что мама очень расстроена чем-то. Я подумала, что она скучает по отцу. Она ведь ни дня без него не могла оставаться. Но во время обеда, когда мы были дома одни, она сказала: «Доченька, запомни навсегда то, что я тебе сейчас скажу. Не забывай вставать утром рано и готовить мужу завтрак, следить за его одеждой и пить с ним утренний чай. Нас так воспитали наши матери. Так вот и ты запомни – если ты этого не будешь делать, то всегда найдется женщина, для которой сделать это для твоего же мужа будет большой честью».

Эх… бедная моя мама. Если бы ты знала, какие муки пришлось пережить твоей дочери, то не родила бы меня вовсе…

Валя внимательно слушала меня, изредка вздыхая. Мои переживания трогали ее. Потом она стала расспрашивать меня о причинах войны.

Я не знала, как объяснить, что все наши беды от нашей же доброты и забывчивости. Мы не злопамятны.

«Это война за земли, – пыталась я объяснить ей. – Причем за земли с очень глубокой и древней историей. Они говорят, что эти земли принадлежат им, а мы утверждаем обратное. Вот так и воюем уже долгие годы. Умирают люди, гибнут семьи. Иногда бывает затишье, а потом всё разгорается с новой силой. Это просто игра, а мы – пешки в чьих-то руках. Когда нужно, обостряют ситуацию, когда не нужно – успокаивают. А страдает простой народ».

Валя ненавидела войну.

Я постаралась объяснить этой доброй женщине, что армянам с нами жилось совсем неплохо, они имели квартиры в лучших местах, занимали руководящие должности. И никто никогда их ни в чем не смел обделить. Тем не менее, обнаглев, они перестали признавать нас. Это в их натуре.

Какой-то армянин сам признался: нас всегда было не больше 3-4 миллионов, но как только нас становится чуть больше, тут же появляются так называемые «народные герои», которые начинают зариться на чужие земли и уничтожают и народ, и самих себя. Потом наступает некоторое затишье. В истории это неоднократно повторялось».

Я рассказала Валентине, что между нашими народами уже не раз происходили кровавые столкновения. И всегда зачинщиками были именно они. Армяне ели наш хлеб, а потом нам же давали пинка. Это – очень коварная и злопамятная нация. Они выжидают удобного момента и наносят удар в спину. Но при малейшей трудности умоляют о пощаде. Однако такого, что они творили в этот раз, история ещё не видела. Не думаю, что после этого мы сможем их простить. Такое невозможно забыть. Вряд ли заживут раны, которые они нанесли нам».

Я рассказала Вале одну притчу: «В далекие времена жил один бедняк. Он содержал семью тем, что привозил из леса дрова и продавал их на базаре, покупая на вырученные деньги необходимые вещи. Вот таким образом он зарабатывал на жизнь.

Однажды в лесу, заготовив вязанку дров, он решил отдохнуть и поесть. Вдруг бедняк заметил змею, которая смотрела прямо на него. Перепугавшись, мужчина хотел убить ее. Но та жалостливо смотрела на него, высовывая жало. Старику стало жаль змею, и он передумал ее убивать. Налив молока в миску, положил рядом с камнем, а сам отошел в сторонку. Змея подползла к камню, выпила молоко и уползла. Но вскоре опять вернулась, держа во рту золотую монетку. Старик очень удивился этому. Змея бросила монету в миску и опять уползла. Мужчина недоумевал, ему казалось, что он видит сон. Придя в себя, бедняк взял золотую монету, положил в карман и отправился домой.

Дома он никому об этом ничего не сказал. На следующее утро он снова направился в лес, и вновь повторилась история со змеей.

Так продолжалось довольно долго, и всё оставалось в тайне до тех пор, пока мужчина не заболел. Чувствуя, что не сможет больше подняться с постели, старик позвал сына, рассказал свою тайну и велел ему пойти в лес и сделать то же самое.

Выслушав отца, сын взял все необходимое и отправился в лес. В течение некоторого времени он так же, как и отец, забирал золото, которое приносила змея, и нес его домой.

Но однажды сын подумал: «До каких пор я буду каждый день таскаться сюда за золотом?» Он догадался, что под камнем находится клад, и змея приносит золото именно оттуда.

«Я убью её, – подумал он, – и заберу весь клад разом». Взяв лопату, хитрец на цыпочках подошел к камню. И как только змея вылезла из-под камня, он ударил ее лопатой и отрубил ей хвост. Но та успела смертельно ужалить его, а сама, истекая кровью, заползла под камень.

Отец до вечера ждал сына, но тот всё не возвращался. С трудом встав с постели, старик отправился в лес. Подойдя к камню, увидел мертвого сына и все понял. Забрав тело, отец в слезах вернулся домой.

Прошло много времени. Семья вконец обнищала, и старик решил снова пойти в лес, чтобы вновь подружиться со змеей. Он обещал ей забыть все, что было, но та уже не согласилась: «Нет, человек! После того, что случилось, мы не сможем быть друзьями. Потому что ни ты не сможешь забыть смерть сына, ни я не смогу забыть свой отрубленный хвост. Лучше возвращайся домой».

Валя внимательно слушала меня. Она была умная женщина и наверняка поняла, что я имела в виду, рассказывая ей эту притчу.

Дни шли один за другим. Русланчик подрастал. Часто, занимаясь уборкой или готовкой, я оставляла его с Валей. Вместе им было не скучно. Валя играла с ребенком в разные игры, и он постепенно к ней привыкал. Когда она звала его, сын весело хлопал в ладоши и подбегал к ней. В такие минуты она расстраивалась, что не может встать с постели, взять ребенка на руки и поднять его высоко над головой. Она вздыхала, вспоминая времена, когда была здоровой и полной сил.

Я верила в ее искренность по отношению ко мне и моему ребенку. Из-за нас у Вали испортились отношения с мужем. Как-то она сказала: «Саида, мне иногда кажется, что все, что с тобой произошло, случилось с моей единственной дочкой Ларисой. У меня, как у матери, сердце разрывается. Ты мне как родная дочь».

Я верила ей и знала, что она защищает меня, как может.

Щенки тоже выросли. Оган назвал одного из них Бобиком, а другого Шариком. Они были величиной с волков. Что ни дашь, всё съедают. Я из-за них не могла спуститься во двор – постоянно путались под ногами. Иногда я оставляла малыша рядом с ними и наблюдала со стороны. Сын только-только научился ходить, поэтому любил везде лазить. Собаки, как няньки, ни на шаг не отходили от него. Они крутились вокруг, а если ребенок падал, начинали в один голос лаять. Порой они осторожно дергали Русланчика за одежду, словно хотели поднять. Наблюдая за их поведением, я думала о том, что иногда животные бывают намного умнее людей. Огану не нравилась любовь собак к ребенку. Иногда он даже исподтишка пытался натравить их на малыша. Он целыми днями дрессировал собак, даже ползал с ними по двору. Особое удовольствие он получал, любуясь тем, как собаки разрывают что-нибудь зубами. Он хотел, чтобы они были дикими и агрессивными. Оган был настолько жестоким, что планировал кормить собак человечиной. Насколько он был груб с этими животными, настолько нежно к ним относилась я. Когда Огана не было дома, они спокойно спали в углу и, только когда им хотелось поесть, вставали и гуляли по двору.

***

Саида встала и включила свет. На улице уже стемнело, а я даже не заметил, как пролетел день. Я хотел подняться и уйти, но Саида вдруг спросила:

– Где вы живете? Вам есть где оставаться?

– Конечно, я остаюсь в гостинице. А почему вы спросили?

– Я подумала, может быть, у вас проблема с жильем, – ответила она, а потом почти шепотом добавила: – Видите мои условия? Если…

– Не беспокойтесь. Я готов до утра стоять под дождем, лишь бы вы меня не выгоняли.

Она опустила голову и, немного помолчав, сказала:

– Если б вы знали, как мне трудно все это рассказывать. Поверьте, мне кажется, что я переживаю весь этот кошмар заново. Вижу, вы жалеете меня и сочувствуете мне… Я столько времени живу на чужбине, среди чужих. За все эти годы вы – единственный мой соотечественник… Своим приходом вы мне напомнили все то хорошее, что было у меня на родине… Но мне одинаково тяжело перелистывать как несчастливые, так и счастливые страницы своей жизни. Порой всё, что случилось, кажется мне игрой воображения. Как будто сейчас я проживаю не свою, а чью-то чужую жизнь и иногда боюсь потерять эту дарованную мне другую жизнь…

Прощаясь с Саидой и напомнив, что приду и завтра, я спросил:

– Что купить вам завтра?

Она тихо ответила:

– Ничего не надо. Видите, все, что вы покупаете, остается нетронутым. Если я до завтра не умру, то опять сама открою вам дверь. Постарайтесь прийти.

На улице шел мокрый снег. Было довольно холодно. Сильный ветер пронизывал до костей. Осень в наших краях выдалась теплой, и поэтому я был одет легко, забыв, что нахожусь на севере, а здесь холода наступают рано. От того, что я целый день сидел, ноги отекли. Хотелось пройтись немного пешком, чтобы размять их. Но почувствовав, что сильно продрог, я передумал, сел на такси и поехал в гостиницу.

Поев в гостиничном ресторане, поднялся в свой номер и лег прямо в одежде на кровать, погрузившись в мрачные мысли: «Что дальше? Столько лет прошло, а что изменилось за эти годы? Наши земли до сих пор под пятой врага, а мы сидим и ждем, когда кто-то их нам вернет. Меня всегда беспокоил один вопрос: допустим, армяне когда-нибудь вернут наши земли, но смогут ли нас простить души наших зверски убитых соотечественников? Предположим, что и они простят нас… но как нам жить, не отомстив за поруганную честь таких, как Саида, честь наших жен и сестер? Это останется на нашей совести? Или же нам придется умереть, похоронив вместе с собой это бесчестие?! И тогда гореть синим пламенем могилам наших отцов и дедов…». Я чувствовал, что причина добровольного заточения Саиды именно в безнаказанности врага, в том, что преступление осталось неотомщенным.

Я как лег в одежде, так и заснул, а утром чувствовал себя настолько разбитым, что еле поднялся. Посмотрев на себя в зеркало, заметил несколько новых морщин, отеки под глазами. Никогда не думал, что человек может постареть всего за два дня. «Бедная Саида! Каково же ей тогда?!»

Хотел спуститься вниз, чтобы позавтракать, но передумал. Наспех одевшись, вышел из номера – решил что-нибудь купить по дороге и позавтракать с Саидой. Это было бы удобнее, да и Саида хоть немного отвлеклась бы. Так и сделал. Затем, поймав такси, поехал к дому Саиды. Она сразу же открыла дверь, словно знала, что я приду так рано. Поздоровавшись, сказала:

– Я знала, что вы придете пораньше.

Я улыбнулся:

– Кажется, вы хорошо разбираетесь в людях.

Она вздохнула:

– В людях, может, и нет, но Аллаха хорошо знаю.

– Верно. У Него одно лицо. Ты знаешь, что это Аллах. А людей трудно узнать. Они очень изменились. Потеряли человеческий облик…

Я протянул ей сверток:

– Саида, это сладости. Если не трудно, заварите, пожалуйста, хорошего чаю. Вместе позавтракаем.

Она молча взяла сладости, положила их на тарелку. Через некоторое время и чай был готов. Я внимательно наблюдал за Саидой – она казалась ещё более задумчивой, словно утонула в своих страданиях. Мне казалось, что только мучительные воспоминания и подпитывают её.

Убрав со стола, хозяйка покормила собаку кашей и, гладя ее по голове, вздохнула:

– Уже не ест, как прежде. Скоро только кожа да кости останутся, если так пойдет и дальше.

Потом она присела на стул, нервно теребя подол платья. Чувствовалось, что продолжение разговора дается ей нелегко:

– Мы жили в спокойном, тихом месте, вдали от военного лагеря. Иногда до нас доходили слухи о том, что происходит на фронте. Я знала, что мы проигрываем войну. Оган со своими друзьями часто устраивали застолья, празднуя свои «успехи». В такие дни у меня было много работы. Не дай Аллах никому прислуживать таким «победителям», отнявшим у тебя дом и истребившим на твоей земле тысячи твоих соотечественников, женщин и детей. Иногда собиралось 10-15 гостей. Сидя за большим столом в середине двора, они веселились до самого утра, пели песни, а точнее, выли, как волки. Напиваясь до бесчувствия, говорили пошлости, оскорбляли меня. В такие минуты Валя звала меня к себе, чтобы защитить от этой пьяной своры, и говорила: «Сиди здесь и не ходи туда. Пусть воют, как раненые волки».

А когда Оган звал меня, она кричала: «Оган, угомонись! Она занята. Ты дашь ей обслужить меня или нет?»

... С тех пор, как я переехала к Огану, я ни разу не видела Олю. Я часто ее вспоминала и очень скучала по ней. Как-то спросила о ней у Огана. Тот ответил, что у Оли все хорошо, и она занимается прежней работой. «Она тоже несчастна, – думала я, – оставила родину, близких, приехала сюда заработать денег, убивать против своей воли. Может, когда-то и её настигнет шальная пуля». Мне было от души жаль эту добрую девушку. Я чувствовала, что эти подонки когда-нибудь расправятся и с ней самой. Каждый раз, когда я думала об Оле, я вспоминала один фильм. В этом фильме девушка внедряется в партизанский отряд, выведывает секретные данные о его операциях. Каждый раз, когда отряд меняет дислокацию, она записывает сведения на бумажке, прячет в пустом патроне, который оставляет в условленном месте. Враг, естественно, действует на опережение и в итоге из 150 партизан в живых остается только 40. В последний раз девушка передает информацию о том, что партизаны соберутся в определенном месте, а затем разойдутся по объектам. Враг принимает решение разбомбить место сбора отряда. Командиру докладывают, что девушка находится там же и тоже может погибнуть, на что он говорит хладнокровно: «Она выполнила свою задачу. Бомбите!» Я знала, что мою подругу ждет такая же участь.

… Однажды я попросила водителя Огана, Артура, чтобы тот разыскал Олю и передал ей привет от меня. И если у неё будет время, пусть придет сюда. Правда, на мою просьбу водитель не отреагировал, но после приказа Вали выполнил мое поручение. После этого разговора прошло больше недели. В воскресенье Оган отправился с друзьями на охоту. Я закончила уборку, поменяла Вале постель и начала стирать. Вдруг во двор заехал водитель Артур. Он каждое утро привозил с базара продукты. Я была занята стиркой и не обратила на него внимания. Вдруг услышала за спиной женский голос: «Здравствуй, Саида!» Подняв голову, увидела женщину в военной форме, со снайперской винтовкой за плечом. Сначала я не узнала Олю, потому что лицо её было прикрыто чем-то, похожим на ветку дерева. Но, вглядевшись в знакомые, искрящиеся от улыбки глаза, кинулась обнимать подругу. Мы некоторое время так и стояли в обнимку, не в силах сдерживать слёз радости. Оля сильно осунулась и не выглядела такой же бодрой и жизнерадостной, как прежде. В глазах читались грусть и усталость. Она долго смотрела мне в глаза. Наверное, почувствовала, сколько всего мне пришлось здесь пережить. Ведь Оля понимала, что меня сюда не на курорт послали.

– А где мой младший братик? Что-то его не видно, – спросила она, – я очень по нему соскучилась.

– Давай поднимемся наверх, твой братик там, у своей бабушки, – ответила я.

Оля с удивлением посмотрела на меня. Я взяла ее под руку и сказала:

– Ну-ка, поднимайся, сама всё увидишь.

Валя заочно уже знала Олю. Я ей много рассказывала об этой девушке. Поэтому прямо с постели радушно поприветствовала ее:

– Добро пожаловать, Оля, доченька. Как хорошо, что ты пришла, а то Саида очень по тебе скучала.

Они обнялись, как старые знакомые. Оля взяла Руслана на руки и крепко прижала к себе, осыпая поцелуями:

– Этот малыш заменил мне моего брата. Я так скучаю по своей семье!

После обеда мы с Олей, уложив ребенка, спустились во двор. Я начала расспрашивать о том, что случилось в лагере после нашего расставания.

– Нет, сначала ты расскажи, что здесь происходит, – сказала девушка, не скрывая любопытства. – Саида, как тебе удалось подружиться с этой женщину? Я очень о тебе беспокоилась. Молодец, что смогла добиться расположения к себе даже врагов. Они тоже поняли, что ты – хороший человек.

– Эх, Оля, как подумаю о том, что со мной произошло, просто с ума схожу, – ответила я.

– Я знаю, ты такой человек, что и со змеей уживешься, – пошутила Оля.

Услышав такое от нее, я грустно улыбнулась:

– Оля, ты напомнила мне слова моей матери. Однажды отец и мать поссорились из-за какого-то пустяка. Я стала умоляла родителей не ругаться и, пустив в ход всё свое красноречие и уговоры, смогла помирить их. А потом за столом мама сказала: «Саида, доченька! Дай Аллах тебе здоровья! У тебя такой сладкий язык! Не приведи Аллах, попадешь вдруг к врагам и тебя посадят в одну комнату со змеей, чтобы та тебя ужалила. Это им не удастся, потому что ты и со змеей найдешь общий язык. А враги, зайдя в комнату, увидят, что ты спишь в обнимку со змеей.»

Я вкратце рассказала Оле о том, что мне здесь пришлось пережить. Та от ужаса даже вскрикнула:

– О боже! Что я слышу?! Неужели на свете есть такие нелюди?! Как их только земля носит? – потом, посмотрев мне в глаза, тихо спросила: – Как ты все это выдерживаешь, Саида?

А я тихо ответила: «Не знаю». И на самом деле, я и сама не знаю, как мне удалось все это пережить. Словно какая-то невидимая сила поддерживала меня. Я не видела её, но ощущала.

Я спросила Олю, что происходит на фронте. Та немного помолчала. Казалось, ей тяжело было отвечать. Я ее понимала. Как она могла мне сказать, что воюет на стороне моих врагов и убивает моих соотечественников? Ведь мы были подругами. Но я считалась пленницей победившей стороны, а она – ее наемницей. Разве я имела право ее осуждать? Говорят же, «победителей не судят». Поэтому я предпочла промолчать, а она – представить ситуацию в выгодном ей свете:

«Положение ваших очень сложное. Много потерь. Очень много пленных. Когда в плен попадают гражданские лица, это ещё можно понять, но когда вооруженные солдаты… Что ни день, армяне захватывают новые территории. Если так пойдет и дальше, вы потеряете все ваши земли. Среди ваших есть предатели. Ладно бы ещё предательство было в низших эшелонах власти… Но и сверху посылают такие сведения, которых вполне достаточно, чтобы уничтожить всю страну. Я ничего не могу понять в этой войне. Это больше похоже на игру, чем на войну. А страдают в ней простые люди…»

Каково мне было все это слышать?! Слова Оли острым ножом вонзались в сердце. Все мои муки и страдания кинолентой пронеслись перед мысленным взором. Мне не хотелось верить в услышанное. Я старалась спастись. Я жаждала мести.

Именно ожидание возмездия за всё пережитое мною давало мне силы жить дальше. Оля тоже очень переживала и была искренна со мной, как никогда:

«Я очень жалею, что приехала сюда. Они плохо со мной обращаются. Только сейчас понимаю, что я наделала. Эта война не имеет ко мне никакого отношения. Я проклинаю себя за то, что запачкала свои руки кровью. Нет сил прятаться на дереве, карауля очередную жертву. Но и выйти из игры я уже не могу, потому что они тут же меня уберут».

У нас с Олей были схожие, но в то же время разные судьбы. Я уже была несчастна. У меня отняли всё. Она же пока стояла на краю пропасти, ведущей к несчастью. Оля чувствовала это, но боялась признаться даже самой себе. Я знала, что когда-нибудь Оля упадет в эту пропасть. Мне были известны причины, которые привели ее сюда. И она была права, когда говорила, что эта война – коварная игра, но, к сожалению, девушка не понимала, что поневоле и сама стала игроком в ней.

Оля пожаловалась, что уже долго не получает никаких известий от брата: «Я даже не знаю, жив ли он или его убили».

Она когда-то вскользь упоминала, что её брата зовут Руслан, и он служит в наших краях. Но откуда мне было знать тогда, что близкий друг моего мужа, погибший от вражеской пули Руслан, был тем самым родным братом Оли?! И Али назвал нашего сына именно в его честь…

Я ничего не сказала о своих догадках и спросила о женихе. Оля сказала, что они созваниваются: «Он тоже, кажется, хочет приехать сюда. Говорит, надо деньги зарабатывать».

В тот день Оля осталась у нас ночевать. Перед сном я ее искупала. Она была вся перепачкана грязью. Искупавшись же, стала похожа на цветок, очищенный от пыли. Мне было жаль девушку. Ее нежные ноги были в мозолях от грубых военных сапог. Ладони потрескались. Одежда, которую она сняла с себя, была ужасно грязной.

Ночью мы спали рядом. Она прижималась ко мне, как ребенок. Во сне несколько раз вздрагивала и просыпалась. Когда я спросила причину этого, она ответила: «Я всегда так сплю. Всегда начеку, как птица. Если снайпер сомкнет глаза хоть на секунду, это будет стоить ему жизни».

Рано утром Оля уехала. Мы обнялись, как родные люди: «Ты знаешь, где я теперь обитаю. Не оставляй меня одну!» – попросила я на прощание.

Она пообещала, что будет часто приезжать, крепко поцеловала Руслана и наказала мне беречь его.

Оган с товарищами вернулись с охоты после того, как ушла Оля. Они принесли несколько подстреленных зайцев, из которых сделали шашлык. Шкурки же посыпали солью и повесили во дворе сушиться. После того, как они ушли, я подошла поближе. Меня привлекли маленькие белые хвостики зайчиков.

Я было ребенком, когда папа ходил на охоту. Он был хорошим охотником и никогда не возвращался с пустыми руками. Осенью он обычно охотился на зайцев. Мы любили нежную, мягкую зайчатину.

Однажды после охоты папа подозвал меня. Он дернул за заячий хвостик, и тот сразу же отвалился. Отец стал щекотать пушистым хвостиком мое лицо, нос. Потом я привязала его к бечевке и повесила на шею.

...В тот день, увидев заячьи шкурки, я вспомнила те счастливые детские дни. Я потянула за хвостик, он оторвался и остался у меня в руке. Я провела им по лицу, подбородку, и мне показалось, что в меня воткнулись иглы ежа. Да... Здесь всё было по-другому. Не только люди, но и животные, растения, вода – всё было враждебным.

Дочь Вали, Лариса, время от времени звонила матери и говорила с ней по телефону. Часто я тоже становилась свидетелем их бесед, потому что мне приходилось подносить телефон к Валиной кровати. Бедная женщина не уставала хвалить меня,

рассказывала дочери, как хорошо я за ней смотрю. Но я знала, что она скрывает от дочери правду – то, что я пленница. Иногда Лариса перебрасывалась несколькими фразами и со мной. При каждом разговоре Валя упрекала дочь в недостаточном внимании, а та, ссылаясь на разные причины, отказывалась приезжать. Но однажды она все-таки пообещала навестить мать. По глазам Вали было видно, как она радовалась этому. Бедняжка даже не спала всю ночь.

Я часто видела родителей во сне. Видела, как сижу на коленях у матери, а она расчесывает мои волосы. А волосы у меня были блестящие и длинные, как горная речка. Увидев мать во сне, я просыпалась, а потом уже никак не могла заснуть. Я часто вспоминала родителей. Помню, мама рассказывала мне в детстве сказки. Интересно, что я не любила всякие там добренькие сказки и упрашивала маму рассказать мне какие-нибудь страшилки о дивах, людоедах, одноглазых циклопах. А мама гладила меня по голове, приговаривая:

– Если я буду рассказывать тебе страшные сказки, ты не сможешь заснуть, моя красавица. Тебе приснятся эти страшилища. Давай-ка лучше послушай веселую, добрую сказку.

Но я капризничала и твердила свое. Тогда мама сдавалась. Она рассказывала страшные сказки, а я представляла себя их героиней. Иногда – красавицей, попавшей в плен к страшному диву. Он заводил меня в темную комнату, вешал за волосы и каждый вечер спрашивал: «Ты меня любишь?». Как только я говорила «нет», он поджигал костер под моими ногами и держал так до тех пор, пока не обугливались мои пятки. А мне совсем не больно было.

Рассказывая сказку, мама смотрела на меня, проверяя, страшно мне или нет. А я только смеялась. Не скрывая своего удивления, мама говорила: «Ты посмотри на этого ребенка! Я сама рассказываю и от страха трясусь, а ей хоть бы что! Храни Аллах, какой же она будет, когда вырастет?».

А я просила её рассказать ещё и ещё, да пострашнее. Мама даже соседкам говорила: «Что за ребенок растет?! Ничего не боится».

Говорят, что судьба человека предопределяется еще до его рождения. Может, это были сигналы, ниспосланные свыше? Если я в детстве только представляла себя героиней страшных сказок, то теперь все это происходило наяву, и я видела людей, которые были намного страшнее сказочных людоедов и дивов. Тогда я не боялась, потому что знала – это сказка, выдумка. А сказки всегда хорошо заканчиваются, в них добро обязательно побеждает зло. Я знала, что девушку, повешенную дивом за волосы, в конце концов спасет ее бесстрашный жених. Но, будучи в плену, я поняла, что никто уже не спасет меня от этих людоедов. Потому что они моего героя убили прямо на моих глазах. Нет смысла его ждать. К сожалению, все хорошее осталось в сказках моей мамы.

Когда я сообщила Вале о приезде дочери, она очень обрадовалась. Забыла свои обиды, сказала: «Она – хорошая девочка. На меня похожа».

А я подумала: «Не приведи Господь, чтобы она была похожа на своего отца!»

Лариса приехала в субботу после обеда. Оган встретил ее на железнодорожном вокзале.

Я была занята домашними делами и возилась возле сарая. Вдруг открылись ворота, и во двор въехала машина Огана.

Он заезжал во двор, когда ждал гостей или намечалось какое-нибудь торжество. А в обычные дни оставлял машину за воротами. Оган вышел из машины с ребенком на руках. Он с умилением прижимал малыша к груди и целовал. Водитель открыл заднюю дверь, и оттуда вышла женщина. Она была приблизительно моего возраста. Выйдя из машины, она уставилась на меня. Я хотела подойти и поздороваться, но поняла по ее взгляду, что не понравилась ей. Наверное, отец по дороге наговорил ей гадостей про меня. Честно говоря, ее реакция меня не очень-то тронула.

Мне было безразлично, как она ко мне относится.

«Но ради того, что я смотрю за ее матерью, могла бы и поздороваться, – подумала я, – но что поделаешь, яблоко от яблони недалеко падает. Она же дочь Огана...»

Я продолжала заниматься своими делами во дворе. Они же поднялись на веранду, откуда до меня донесся радостный голос Вали: «Лариса, доченька! Это ты!»

«Мамочка! Как ты?!» – произнесла Лариса нежно.

Они замолчали на мгновение… Мне стало грустно… Я даже прослезилась. С детства была такой чувствительной. Через некоторое время на лестнице показался Оган. Он позвал меня наверх. Мне не хотелось идти. Холод, исходивший от Ларисы, отталкивал меня. Я не хотела общаться с ними, но вынуждена была подчиниться.

Лариса сидела на стуле возле кровати и гладила руки матери. Сделав несколько шагов, я остановилась. Лариса даже голову не повернула в мою сторону, хотя прекрасно видела меня. Ее поведение еще больше смутило меня. В это время Валя, заметив меня, громко сказала: «Саида, доченька, ты почему там стоишь? Посмотри, кто приехал? Лариса… Приехала моя красавица, доченька. Подойди-ка».

Я сделала еще несколько шагов и остановилась, потому что даже после этих слов Лариса не обращала на меня внимания. Валя тоже почувствовала ее отношение ко мне и сказала: «Лариса, это Саида. Я ее люблю так же, как и тебя».

После этих слов Лариса чуть приподняла голову и посмотрела на меня. Я ее поприветствовала, а она что-то пробормотала в ответ.

Я принесла чай. Чтобы не мешать им, начала готовить обед. Лариса взяла свой стакан, подошла к перилам и выплеснула чай во двор. Потом заварила новый чай и разлила по стаканам. Я лишь улыбнулась, а Валя не смогла сдержаться: «Лариса, доченька, эта женщина уже больше месяца ухаживает за твоей матерью, которая не может даже двигаться. Что ты себе позволяешь? Что за отношение? Если бы она хотела мне навредить, то сделала бы это в первый же день. Это было совсем несложно. Ты не сравнивай ее с нами, она – очень порядочный человек. Знаешь, как издевался над ней твой гнусный отец? Не знаю, что он тебе наплел, но если ты хоть немного уважаешь свою мать, ты должна быть ей благодарна. Разве по своей воле она находится здесь, в этом гадюшнике? Или должна быть счастлива и принимать как божью благодать необходимость три раза в день менять постель больной женщине, кормить её, поить? Или она мечтала о тех муках, которые её заставил пережить твой отец и она добровольно терпит всё это?! Сколько времени я болею, а ты только сейчас соизволила приехать. Завтра-послезавтра или через неделю ты уедешь. А я снова останусь с ней. Может быть, она должна быть тебе благодарна?! Откуда у вас столько злости и гонора, столько неблагодарности?! В последний раз предупреждаю, если не можешь совладать с собой, собирайся и уезжай к себе!»

После слов матери, Лариса подошла ко мне, посмотрела прямо в глаза и произнесла: «Прости, я была груба с тобой. Не думала, что ты такая. Всю дорогу отец говорил о тебе только гадости. А сейчас я вижу, что ты – просто ангел».

И она обняла меня.

К вечеру я приготовила праздничный ужин. Лариса тоже помогала мне готовить. Она изменила свое мнение обо мне и даже рассказала мне про отца. Его она не любила, но что ей было делать? Она же не могла от него отречься.

Дочь Ларисы, девятимесячная Таня, и мой Руслан очень подружились и играли вместе. Валя радовалась приезду дочери, стала более улыбчивой. Но даже при дочери она чаще просила о чем-то не её, а меня. «Я так привыкла к тебе», – признавалась она.

Муж Ларисы был актером областного театра. По ее рассказу чувствовалось, что Лариса довольна мужем. У них дружная семья, хороший дом. Единственное, что омрачало её семейное счастье – это беспокойство по поводу матери.

«Об отце я не думаю. Он – очень самодовольный человек и ярый националист. По его словам, на свете нет древнее народа, чем армяне. Адам и Ева тоже были армянами. Это очень ограниченные люди. Они более страшны, чем кажутся», – говорила Лариса.

Она обещала мне помочь освободиться из плена. Когда я ей сказала, что не хочу возвращаться домой, она очень удивилась.

Через неделю Лариса со своей дочкой Таней уехали. Можете мне не верить, но я скучала по ней. Ведь мы много с ней общались, привыкли друг к другу. И потом, когда она была рядом с матерью, мне было гораздо легче. Хотя бы утром я могла поспать подольше и отдохнуть. Да и вечерами она очень помогала мне. Теперь, когда она уехала, я опять весь день была занята. Человеку надоедает делать каждый день одно и то же. Монотонность моих обязанностей убивала меня, но другого выхода просто не было.

Я не знаю, что сказала Лариса отцу, но он стал ко мне относиться несколько лучше. Теперь он уже не лаял целый день, как собака. Однако верно говорят: «Как бы человек ни менял своих привычек, характер его до гроба не изменится». Как только представлялась возможность, Оган проявлял-таки свой мерзкий характер.

Со временем я очень привязалась к собакам. Завидев меня, обе начинали хором лаять. Оган издевался надо мной: «Твои дети тебя зовут».

Я ничего не отвечала. Не хотела не только разговаривать, но и видеть его. Я ненавидела этого человека. Его собаки были лучше и добрее. Ведь они были благодарными, верными, не забывающими доброты созданиями Аллаха. Язык не поворачивался называть их собаками. Оган был больше зверем, чем они. Каждый день лаял, как собака, везде совал свой нос, рычал по каждому поводу и без повода. Валя так и говорила: «Оган ничем не отличается от собаки».

Казалось, злой рок постоянно преследует меня. Если мне доводилось смеяться сегодня, то завтра обязательно должно было случиться что-то такое, что становилось причиной слез.

Человек, живущий в плену, как бы ни проходили его дни, никогда не забывает о том, что он лишен свободы. Это невозможно. Условия, в которых он живет, мир, в котором он находится, его окружение – абсолютно всё постоянно напоминают ему об этом. То же самое было и со мной. Только во сне я могла быть свободной, только во сне могла мечтать о чем-то несбыточном. В остальное время всё было окутано колючей проволокой. Вся моя жизнь была такой. Я не знала, что происходит за забором, всего в нескольких шагах от дома. Моя душа витала над миром, а тело, носившее её в себе, было лишено всего. Я думала об этом каждый день. Прошлое казалось мне сладким сном. Иногда мне не верилось, что когда-то у меня были те самые счастливые дни, о которых я так часто вспоминала. Казалось, всё это кто-то просто рассказывал мне. У человека, живущего в заточении, хорошая, иногда даже обостренная память. Наверное, причина этого – в чувстве страха. Человеку настолько плохо, что он боится потерять некогда принадлежавшее ему светлое прошлое. Поэтому он хватается за воспоминания, как утопающий за соломинку.

Так и я. Ненавидя реальность, цеплялась за прошлое. А что мне оставалось делать? Больше всего меня беспокоила судьба сына. О себе я уже не думала. Искалеченная судьбой, я пока что влачила своё жалкое существование. К жизни меня привязывала только одна тонкая нить – мой сын.

Ребенок связывал меня по рукам. Не будь его, я бы давно покончила с такой жизнью. Жить в плену, да еще растить в нём ребенка – это невыносимо тяжело! Раньше, до плена, я думала о том, как трудно приходится матерям. Бессонные ночи, бесконечные хлопоты – всё это ложится на плечи женщины. Мы считаем это своим материнским долгом и с удовольствием исполняем его, растим детей. Тогда, на свободе, я тоже уставала, заботясь о своем малыше.

Но это было совсем другое. Ведь вокруг всегда были близкие и родные мне люди. Я была окружена их заботой и любовью. Они ни на минуту не оставляли меня одну. Ночью, когда малыш просыпался и начинал плакать, муж или свекровь сами вставали к нему, баюкали его, чтобы я могла выспаться. Мне была приятна такая забота обо мне и ребенке.

Здесь все было по-другому. Я носила ребенка, как кошка своего котенка, буквально в зубах. Даже оставляя его с Валей на пару часов, я беспокоилась о нем. Конечно, я знала, что эта женщина не сделает ничего плохого моему ребенку, но тем не менее тревога за сына не давала мне покоя. Я каждую минуту поднималась на веранду и смотрела на него. Ведь у меня никого, кроме него, не было.

Несмотря на то, что Руслан несколько раз тяжело болел, он рос здоровым малышом. Я всегда лечила его сама. Наверное, перенесшего столько тяжких испытаний, обделенного заботой ребенка сама жизнь закалила еще в пеленках.

Однажды Руслан сильно заболел. Это было вечером. Я заметила, что он капризничает. Он весь горел от температуры. Я сделала ему укол, но температура поднималась всё выше и выше. Ребенок задыхался, как рыба, выброшенная на сушу, и смотрел на меня немигающими глазами. Было невыносимо видеть, как сын умирает у меня на глазах. Я не знала, что делать. Валя тоже сильно переживала. Не зная, как помочь мне, она только ворочалась в постели. Я дала ей телефон и стала умолять позвонить мужу. Валя позвонила и сообщила Огану о болезни ребенка. Судя по ее дрожащему голосу, тот никак не среагировал на новость. После долгих уговоров Валя положила трубку и сказала:

«Собирайся! Сейчас приедет машина!».

Я тут же переоделась, собрала необходимые для ребенка вещи и стала ждать машину. Немного погодя, услышав шум машины, взяла ребенка на руки и побежала во двор. Там меня встретили водитель Огана Артур и еще один солдат.

Я хотела было сесть в машину, но Артур схватил меня за руку и сказал: «Если хочешь, чтобы твой сын выжил, оставайся дома и не мешай нам. Мы сами отвезем его в больницу».

«Я же мать и должна быть рядом со своим ребенком», – сказала я.

Но Артур выхватил у меня ребенка и передал его солдату, а сам сел за руль. Машина тронулась с места, а я бежала за ней до самых ворот… Мне пришлось вернуться назад. Я поднялась на веранду, села возле Вали и начала плакать. Женщина пыталась как-то меня успокоить, но я не находила себе места – боялась, что они что-нибудь сделают с моим малышом. Минуты шли, а я сходила с ума.

В тот день Оган и его водитель вернулись домой поздно ночью. Оган умылся и поднялся на веранду. Затаив дыхание, я ждала, что он скажет. А он прохаживался по веранде и насвистывал веселую песенку, словно ничего не случилось. Валя спросила мужа: «Как ребенок?»

Оган, специально чтобы помучить меня, тянул время. Я напряженно ждала ответа, а он молчал. Валя повысила голос: «Оган, я тебя спрашиваю! Как ребенок?»

«Ребенок? – переспросил он, – Ты спрашиваешь про ребенка? Как ему быть? Очень хорошо. Мы его положили в госпиталь. Врачи обследуют его, подлечат».

Женщина, чтобы успокоить меня, повторила слова мужа: «Не беспокойся. Ребенку хорошо. Его подлечат».

Я немного успокоилась, но не спала всю ночь. До рассвета металась по двору. Все мои мысли были рядом с сыном. «Кто сейчас смотрит за ним? Кто его утешит?» – думала я. Рано утром, когда Оган с водителем выезжали со двора, я бросилась к ним и стала умолять отвезти меня в госпиталь, к малышу.

«Нельзя!» – категорично отрезал Оган.

«Ну почему же? Я сейчас ему очень нужна. Я – мать и должна быть рядом со своим ребенком», – упрашивала я.

«Ах ты, чертова мусульманка! – заорал он – Ты его мать или сестра… мне нет до этого никакого дела! Просто тебе туда нельзя! Это военный госпиталь. Там лечатся раненые солдаты. Если только сунешь туда свой нос, тебя разорвут на части».

Мне нечего было возразить... Я очень беспокоилась, что сына поместили не в обычную больницу, а в военный госпиталь. Я никому не доверяла. Единственным моим желанием было увидеть сына живым и невредимым. «Бедный мой малыш! Ведь кроме меня и этих четырех стен он никогда ничего не видел. Что с ним будет, когда он откроет глаза и увидит над головой врачей в белых халатах?» – думала я.

На следующую ночь ни Оган, ни его водитель не приехали домой. Я стала еще больше волноваться. «Как там мой сыночек? Как себя чувствует? Что делает? Ему уже лучше?» – я задавала эти вопросы самой себе и, не находя ответа, сходила с ума. Я стала умолять Валю позвонить мужу. Женщина не отказала мне и позвонила в часть, где служил ее муж. Ей сказали, что полковника со вчерашнего дня в части не было. Эта новость еще больше меня встревожила.

«Если Огана не было на работе, значит, он в госпитале, – думала я. – Но если он рядом с ребенком, то почему ничего не сообщает нам?» У меня было предчувствие, что с сыном что-то случилось. Оган появился на следующий день после обеда вдрызг пьяный. Войдя во двор, он поднял руки вверх и заорал: «Молодцы наши! Ещё одна большая победа за нами!!!» При этом он назвал на армянском языке захваченный ими город. Якобы принадлежавший когда-то армянам этот город им теперь удалось «вернуть», и это событие превратилось в грандиозный праздник.

Эта новость потрясла меня и добавила новых мук к моим переживаниям о сыне.

Уже пятый день от Руслана не было известий. Я была на грани помешательства. Не могла ни есть, ни пить, ни спать. Только сидела в углу и каждый раз вздрагивала, заслышав шум мотора. У Вали от переживаний поднялось давление, но, понимая мое состояние, она ничего не просила. У меня не было сил ухаживать за ней. В эти тяжелые для меня дни я хотела найти Олю. Несколько раз пыталась сделать это через Артура. «Она не бывает в части», – сообщил он.

Тогда я снова стала просить Валю, чтобы она позвонила офицерам войсковой части, где служила Оля. Однако никто ничего о ней не знал – девушка как сквозь землю провалилась.

Прошло шесть суток с того дня, когда сына забрали в больницу. После обеда вдруг зазвонил телефон. Я была во дворе. Валя позвала меня хриплым голосом. Я, перепрыгивая через ступеньки, поднялась на веранду, схватила трубку. Услышав родной голос Оли, разревелась…

«Саида! Что случилось? Мне сегодня сказали, что меня искала Валя. Я поняла, что нужна тебе. Говори! Что случилось?! Почему ты плачешь?!» – кричала в трубку Оля.

«Русланчика шесть дней назад отвезли в госпиталь. Но от него нет никаких новостей. Прошу тебя! Узнай, где он, что с ним», – молила я сквозь слезы.

«Не волнуйся, я сейчас же займусь этим», – пообещала Оля.

Я немного успокоилась.

Оля позвонила вечером.

«Как мой сын?» – спросила я сразу.

«Все нормально, не переживай», – коротко ответила она.

«Где он? Как себя чувствует? Когда его выпишут? – продолжала допытываться я, так как почувствовала, что голос Оли дрожит. – Скажи правду, Оля! Что с моим сыном?»

«Почему ты мне не веришь? Я же сказала, с ним всё в порядке. Может, завтра привезу его домой», – пообещала Оля и повесила трубку. Но мне совсем не понравился ее голос. Ведь если бы с ребенком все в было порядке, Оля говорила бы другим тоном. Мне показалось, что она просто жалеет меня и что-то скрывает.

Оган опять пришел вечером домой пьяный и направился к собакам. Как только он открыл дверцу конуры, обе собаки побежали ко мне и начали лизать мои ноги. Мне показалось, что они почувствовали мое настроение. Обе уставились на меня, тяжело дыша и высунув языки. Знаешь... потом они стали стонать, как больные люди. Мне даже жутко стало.

«Как удивительно, – думала я, – даже животные меня жалеют. Наверное, думают про себя – твоя жизнь хуже собачьей».

Оган расхаживал по двору и, словно получая удовольствие от моих терзаний, нарочито весело улыбался, насвистывая веселую песенку.

«Если с моим сыном что-нибудь случится, я загрызу тебя зубами», – прошептала я.

Весь вечер я ждала звонка от Оли и вестей о сыне. Но она так и не позвонила. Валя тоже грустила. Я чувствовала, что она старается сделать все, чтобы как-то успокоить меня. Но от того, что не могла ничего предпринять, предпочитала молчать.

Оган продолжал расхаживать по двору, включив веселую музыку. Я заткнула уши, чтобы не слышать её...

Та ночь была самой долгой в моей жизни. Утром я вновь воспряла духом – ведь Оля обещала сегодня привезти малыша домой. Если ожидание затянется, я этого уже не выдержу. Я подождала до полудня, но от Оли ничего не было слышно. Прошло еще немного времени. Опять никаких новостей. Наконец, где-то в пять часов вечера, послышался шум мотора. Увидев в машине Олю с моим ненаглядным сыночком на руках, я побежала – нет, полетела к ней, как на крыльях. Русланчик был завернут в одеяло. Когда я нагнулась, чтобы взять его, Оля тихо сказала: «Осторожнее».

Малыш, увидев меня, радостно заулыбался. Я прижала его к сердцу, стала осыпать поцелуями осунувшееся личико.

«Аллах! Спасибо тебе! Я увидела сына живым и невредимым».

Валя радостно воскликнула: «Добро пожаловать, мой мальчик!» – и поцеловала Руслана.

Оля осторожно положила ребенка на постель и сказала:

– Саида, извини, мне некогда, я очень тороплюсь по делам. Если что-то хочешь спросить, то подожди, я приду, и мы с тобой подробно обо всем поговорим. Главное, возьми себя в руки.

Торопливо попрощавшись, Оля ушла, а я задумалась над её странными словами: «Если она имеет в виду болезнь ребенка, то, слава Аллаху, малыш выздоровел». Я ничего не могла понять. Внимательно посмотрела на ребенка. Малыш был неспокоен. Он ёрзал на кровати, сжимал пальцы в кулачки и морщил личико, словно у него что-то болело. Я развернула одеяло. Он лежал в какой-то странной одёжке, похожей на комбинезон. Я расстегнула пуговицы и взглянула на щупленькое тельце сыночка. Он совсем исхудал за эти 6 дней. Приподняв майку, вдруг увидела на левом боку кусочек марли, приклеенный к телу пластырем.

– Что это? – прошептала я, осторожно снимая марлевую повязку. Слева от пупка краснела свежая полоска шрама длиной около 10-ти сантиметров. Сначала я ничего не поняла. Ведь малышу не нужна была операция. Я повернулась к Вале и вопрошающе посмотрела на нее. Та тоже была в недоумении.

Вдруг страшная догадка пронзила мозг:

– Тетя Валя, моего ребенка прооперировали!

Валентина приподняла голову с подушки:

– Не может быть! Зачем его оперировать?

– Не знаю! Но вот, смотрите сами – это операционный разрез, – ответила я, приподняв ребенка.

– Успокойся, доченька. Возможно, ему удалили аппендикс, – неуверенно сказала Валя. – Ему же было очень плохо, когда его забирали…

– Тетя Валя, о чем вы говорите? Я сама – медицинский работник. Аппендикс находится справа, ниже пупка. А здесь прооперирован левый бок. Похоже, что моему сыну удалили почку!

Валя не хотела поверить в это. Я же, не отрываясь, смотрела на шрам, не в силах совладать с собой. Значит, Оля всё знала. Поэтому так быстро уехала. Ещё вчера, по телефонному разговору, я почувствовала, что она чего-то недоговаривает. Теперь я была уверена, что ребенку удалили почку. Живя в лагере, я знала, что многим пленным удаляют внутренние органы. Для этого там даже находились приглашенные из-за рубежа специалисты… У меня не оставалось никаких сомнений. Это были ужасные минуты! Я закричала: «Вот видите, тетя Валя, что вы со мной делаете? Как мне пережить это горе?!» Она смотрела на меня молча, не зная, что сказать. Я была уверена, что все это козни Огана. Малыша в военный госпиталь отвёз именно он. А каким он был зверем, я знала очень хорошо.

Руслан лежал на кровати и молча смотрел на меня. Казалось, он не плакал, чтобы я успокоилась. Я не могла сдерживать рыданий. Потом, еле волоча ноги, прошла на кухню.

Я чувствовала, что Вале стыдно за мужа, который причинил мне столько страданий. Поэтому она ничего не просила и лежала, не шевелясь. Но теперь я и ее возненавидела. Я принесла ей чай, но она не стала пить его и, отвернувшись к стенке, заплакала. Ни слова не говоря, я молча стала кормить сына. Тот ел вяло, без аппетита. Малыша всё время клонило ко сну. Я измерила ему температуру. Она была не очень высокой, но всё же выше нормы. Видя, что у ребенка слипаются глаза, я решила уложить его спать и стала переодевать ко сну… Раздев его, я ужаснулась… У меня потемнело в глазах, голова закружилась… – у моего сына были удалены оба яичка!!! Схватив себя за волосы, воя, как раненый зверь, я бросилась на кровать и ударилась головой об лицо ребенка. Он закричал. Валя перепугалась: «Саида, Саида! Что с тобой?» От волнения я не могла произнести ни слова. Я держала ребенка в руках и, показывая его ей, пыталась что-то сказать. А ребенок продолжал плакать. От удара у него болело лицо, а из носа потекла кровь.

Валя не могла понять, в чем дело, и смотрела то на меня, то на ребенка. Я поднесла малыша прямо к её глазам и закричала, словно это она была виновна во всём случившемся: «Смотрите, смотрите хорошенько! Разве Бог это простит?» Ужаснувшись от увиденного, женщина закричала: «Господи! Дай мне терпения! Дай мне сил не сойти с ума в этом аду!»

Ребенок плакал у меня на руках. А Валя сыпала проклятья:

– Дикари… Кровопийцы… Гореть вам в адском огне, твари! Как вас земля носит?! Будь ты проклят, Оган! Ты же знал этого ребенка, он на твоих глазах рос – почему ты допустил, чтобы с ним такое сотворили?!

Ее слова еще больше вывели меня из себя.

– Он допустил? Нет, тетя Валя, он сам всё это и подстроил! Зачем надо было везти ребенка в военный госпиталь? Кто, кроме него, знал, что мать ребенка – пленная?

Женщина смотрела на меня умоляющими глазами:

– Ты права, дочка... Но я не могу поверить в то, что человек может быть таким жестоким. Да разве после этого его можно назвать человеком? Это выше моего понимания. Может, уже наступил конец света, а мы об этом не знаем?! – немного помолчав, она вздохнула: – Возьми себя в руки! Поверь мне, Бог их накажет!

– Нет, тетя Валя! Бог тут ни при чем! Ты же сама сказала, что он этого не видит. А если не видит, то как он их накажет?

Она удивилась:

– Саида, дочка, насколько мне известно, мусульманке грех так говорить. Ваш народ очень верит в Аллаха.

– Ты права, тетя Валя! Мы – мусульмане и верим в Господа, может, больше других народов. Дело в том, что нас уничтожают именно из-за нашей веры. Я знаю, Всевышний рано или поздно покарает этих нелюдей. Но у меня нет больше сил терпеть. Ведь это же мой родной, единственный мой сынок. Как мне вынести эту муку? Ждать, когда мой Аллах их накажет?! Знаешь, у нас в народе говорят: «Пока толстяк похудеет, худой умрёт». Я не знаю, что будет с другими, когда их Господь покарает, но Огана накажу я сама! Клянусь! Если попытаешься мне помешать, я и тебя прокляну! Я к тебе относилась как к родной. Делала то, что не делали твои близкие. То, что я не делала для родной матери, я делала для жены своего мучителя, палача моего мужа и ребенка… Не так ли? Может я в чем-то не права?!

Женщина, закрыв глаза, кивала головой:

– Ты права, дочка, мне нечего возразить.

Весь день я ничего не ела и совсем ослабла. В ту ночь Оган не вернулся домой.

Я не кормила собак с утра, и они грызлись в конуре. Мне всё опостылело, весь мир померк в моих глазах. Иногда я спрашивала Валю, хочет ли она есть?

Она отвечала:

– Не хочу ничего. Пусть я умру с голода. Мне жаль тебя. Я знаю, мы замучили тебя.

Я просто молчала. Наутро приехала Оля. Она выглядела очень уставшей и даже заметно осунулась. Всё прочитав по моим глазам, Оля крепко обняла меня:

– Видишь, какие они дикари! Поверь, если бы я опоздала, ты бы больше никогда не увидела своего сына. – Потом, немного помолчав, продолжила: – Почку ему удалили в первый же день в госпитале, а… остальное… три дня назад. Когда я приехала, он вновь лежал на операционном столе. Бог знает, какой орган собирались удалить на этот раз. Меня не пускали в госпиталь. Я пригрозила, что, если с ребенком что-нибудь случится, всех расстреляю. Поверь, я сделала бы это. Если бы мне не вернули ребенка, я бы пуль не пожалела. Русланчика продали иностранцам на органы, как вещь. Взамен Огану заплатили 25 тысяч долларов. Это мне сказал врач. Он вначале не знал, что я тоже хирург. А когда узнал, не стал ничего утаивать.

Я слушала Олю, не шевелясь. Потом сказала:

– Я знаю, Оля. Это дело рук Огана.

Оля спросила, почему я не предупредила её. Я рассказала, что искала, звонила, но в войсковой части её не было. Оля покачала головой:

– Я отсутствовала всего одну ночь... Всё остальное время не покидала часть… Просто они знали, что ты будешь искать меня, и всё учли.

Оля поинтересовалась состоянием ребенка.

– Температура не падает, аппетита нет, почти ничего не ест. Не знаю, чем это закончится. Выдержать две операции за неделю очень тяжело. Бедный ребенок. Он же еще совсем маленький. После подобных операций больные почти месяц должны находиться под наблюдением врачей... Хотя о чём я говорю? Им же нужны были только органы. Остальное их не волнует. Язык не поворачивается называть этих палачей врачами, – ответила я.

Когда мы поднялись на веранду, Руслан спал. Оля поздоровалась с Валентиной и, подойдя к малышу, стала целовать его маленькие ручки, ножки, личико. Сын приоткрыл глаза, посмотрел на нее и снова закрыл их. Прощаясь, Оля просила меня быть осторожнее.

Рядом с ней я чувствовала некоторое успокоение, а как только она ушла, тоска опять волной нахлынула на меня.

Оган вернулся после полудня. Как всегда, пьяный. Не успев зайти во двор, начал ругать меня. Я меняла постель Валентины на веранде, а Руслан лежал на кровати. Оган поднимался по лестнице, что-то брюзжа под нос. Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Думала увидеть в них раскаяние…

Оган подошел к кровати. «Из-за этого щенка я потерял 10 тысяч долларов», – сказал он и ударил ногой по кровати. Ребенок открыл глаза и начал плакать. Валя тоже испугалась. А Оган продолжал ругаться, надвигаясь на меня:

– Сучка! Кто тебя просил звонить этой шлюхе и сообщать, что твой сын в госпитале, а-а?? Да кто ты такая?! Тысяча таких женщин, как ты, готовы сапоги лизать нашим солдатам, лишь бы остаться в живых. Это твое мне спасибо?! Живешь у меня дома, ешь мой хлеб и наглеешь с каждым днем всё больше, неблагодарная! Не забывай, что я тебя здесь держу из-за больной жены. А то бы давно продал в притон – хоть денег бы заработал.

Не выдержав хамства мужа, Валя возмутилась:

– Хватит, Оган! Хватит, я тебе говорю! Отстань от девушки! Побойся бога! Что ты от нее хочешь? Мало того, что ты издеваешься над ней, так ты и сына её не пожалел, изверг! У тебя же тоже есть ребенок! Разве ты не знаешь, что зло, которое ты сейчас творишь, когда-нибудь вернется к тебе…

Оган посмотрел на жену и уже более спокойным тоном сказал:

– Ты не вмешивайся, Валя. Это не твое дело. Она – пленница. Ей и этого мало. Пока не истребим всех их до единого, армянский народ не сможет дышать спокойно. Бог одобряет нас, когда мы пьем кровь турков. Видишь, он помогает нам уничтожать их. – Пробормотав ещё что-то, он перекрестился.

– Не говори ерунды, Оган, отстань от этой женщины! – сказала Валя сердито. – Она и так хлебнула горя, всё потеряла на этой проклятой войне: и дом, и семью. Единственное ее утешение – это маленькое дитя, и посмотри, что ты с ним сделал?! Кому нужна эта твоя война?! Кто выиграл на ней?! Разве мало пришлось терпеть и самому армянскому народу в этой войне?! Разве сотни ваших молодых ребят не стали её жертвами?! До сих пор продолжает литься кровь. Я тебя спрашиваю – сколько тебе осталось жить?! И ты большую часть своей жизни тратишь на эту войну?! И потом, если ты такой сильный, покажи свою силу их мужчинам в бою. Что ты хочешь от женщин и детей?!

Оган засмеялся в ответ:

– Их мужчины как бабы. Можно подумать, они не знают, что делают с их женами и детьми здесь. Этих мужиков интересуют только богатство, деньги, высокие посты и больше ничего. Они трусливы, как зайцы. Только одно умеют – прятаться в кустах. Как услышат выстрел, сразу наложат в штаны. Даю слово армянина, скоро мы всем им уши поотрезаем – будут служить нам вместо пастушьих собак. Вот увидишь…

Его слова, как ножом, резали по сердцу, но я сдерживалась. Пусть себе бахвалится и ругает наших. Я-то знаю, кто на что способен. Мой Али в одном только последнем бою уничтожил восьмерых их солдат! И Оган это хорошо знал. У них силы хватает только на женщин и детей, на тех, кто слабее них.

Не только Оган, но и Валя удивлялись моей спокойной реакции. Оган считал мое молчание проявлением страха, а Валентина, знающая, какие планы я вынашиваю, молча кусала губы. Увидев, что я не обращаю внимания на его слова, Оган прошелся и по Оле:

– Ты на эту сучку посмотри! Ничего, хохлушка, тебе тоже немного осталось! Твоя участь будет похуже, чем у этой, – сказал он, показывая пальцем на меня, – тогда поймешь, что значит не подчиняться моим приказам!

Он спустился во двор и через несколько минут послышался его ор:

– Я убью тебя! Ты оставила собак голодными?! Сколько раз тебе повторять – прежде, чем пожрать самой, накорми моих собак. Они же сдохнут с голоду.

Он с руганью поднялся на веранду, схватил меня за волосы и со словами «Ты, дочь шлюхи, скажи, что я тебе велел сделать?» изо всех сил пнул ногой по животу. Острая боль пронзила меня, но я, сдержав крик, присела на землю. Когда Оган размахнулся, чтобы ударить меня кулаком, Валя громко закричала и сбросила с себя

одеяло. Не обращая никакого внимания на крики жены, Оган продолжал бить меня кулаками. Женщина бросилась с кровати на пол. Она так сильно ударилась, что Оган вздрогнул. Когда он хотел подойти и поднять жену, она крикнула: «Не трогай меня своими грязными руками!»

Оган схватил меня за руку и поволок во двор.

– Я убью тебя, сука, ты оставила моих собак голодными! Расчленю и брошу им на съедение – пусть растерзают твое мерзкое тело! – вопил он. Я упала лицом на камни и почувствовала, как кровь заливает глаза и рот. Оган не отпускал меня, продолжая тащить за волосы. Собаки окружили нас. Бедняги, не понимая, что происходит, бегали вокруг нас с громким лаем. Оган продолжал наносить удары кулаками, ногами. Устав избивать, отшвырнул меня к собакам, скомандовав им:

«Фас! Растерзайте ее! Жрите… Попробуйте и человечину, попробуйте!»

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Собаки, не тронув меня, с лаем бросились на самого Огана. Ошеломленный хозяин, начал отбиваться от них. Но силы были неравны. Псы хватали его за одежду, сапоги, разрывая их в клочья. От «предательства» своих собак Оган словно взбесился. Он пытался защититься от них, отбегая то в одну сторону, то в другую. Его сопротивление ещё больше разозлило собак. Бобик вцепился зубами в ногу Огана и начал раздирать мясо. Оган кричал, как резаный. А Шарик вцепился зубами в его кисть. Собаки искусали всё тело хозяина. Оган выхватил пистолет из кобуры и выстрелил. Выстрел пришелся Бобику в голову. Тот заскулил, подпрыгнул вверх и тут же упал на землю. Бедный пес корчился в конвульсиях, а кровь, хлеставшая из его головы, образовала маленькую кровяную лужицу вокруг него. Шарик все еще не выпускал руку Огана. В это время Оган выстрелил во второй раз. Собака заскулила и убежала. Немного пробежав, она свалилась на землю. Потом резко поднялась и начала лаять. Шарик был ранен в правое бедро. Я была в ужасе от происходящего. Не знала, что собаки могут быть такими верными. Мне было до слез жаль Бобика. Эта собака пожертвовала жизнью, спасая меня. Оган растерянно смотрел по сторонам, все еще держа в руке пистолет. Он тоже был растерян и не мог прийти в себя.

Оган с трудом поднялся и прошел в дом. Он все еще держал пистолет наготове и следил за Шариком. Собака, увидев, что хозяин зашел в дом, подбежала ко мне и, положив голову на мои ноги, стала зализывать рану, из которой, не переставая, текла кровь. Все произошло так быстро, словно это было во сне. Немного придя в себя, я поднялась на веранду. Валя так и лежала на полу. Я с трудом подняла ее и уложила на кровать. Увидев мое лицо, залитое кровью, она испуганно спросила: «Боже! Что здесь происходит? Кто стрелял? Что с тобой?»

Она с ужасом смотрела на меня и ждала ответа.

– Оган стрелял в собак. Бобик сдох! – ответила я.

– Почему? Что случилось? – удивилась Валя.

– Собаки напали на него, он выстрелил и убил Бобика. А Шарик ранен, – ответила я.

Валя закрыла руками глаза:

– Боже мой, лучше убей меня… Надо было, чтобы собаки его разорвали. Это была бы справедливая кара. Нельзя же быть до такой степени жестоким! – потом она повернулась ко мне и добавила: – Если господь не убережет нас от твоих проклятий, нам ещё многого не миновать… Иди, доченька, иди на кухню и умойся.

И она вознесла руки вверх с мольбой: «Господи, продли мне жизнь ради этой несчастной!»

Собака тоже прошла вместе со мной на кухню. Она была очень напугана шумом и стрельбой, поэтому не отходила от меня ни на шаг. Из ее раны капала кровь. Я вымыла руки, взяла на полке аптечку, достала все необходимое и положила на стол. Потом уложила собаку на пол и увидела в её глазах слезы. Раньше я и не знала, что

животные тоже плачут. Приготовив раствор, я промыла рану. Потом пинцетом извлекла пулю, застрявшую между мышцей и костью. Шарик всего лишь раз заскулил от боли. Затем я наложила мазь и забинтовала рану. Оказав помощь собаке, решила заняться своим лицом – на него страшно было смотреть. Обработала перекисью, наложила мазь… За время пребывания в плену мне не раз доводилось получать увечья. Но через некоторое время раны заживали. Только боль в сердце никак не не проходила. Душевные раны не заживают, они остаются на всю жизнь.

Мой сыночек, ничего не подозревая, крепко спал. Я приложила руку к его лбу. Он весь горел. От температуры губы его потрескались. Бедный малыш не плакал, он молча боролся со своей болью. Собаки проучили Огана, но он не знал, что ему предстоит ещё более страшное наказание.

Вечером я покормила Валентину. Бедная женщина уже несколько дней отказывалась от еды и поэтому очень ослабла. Я хотела подбодрить её:

«Ты же дала мне слово, тетя Валя! Обещала, что поможешь вырваться из этого ада! А если с тобой что-то случится? Что я буду делать?»

А она качала головой: «Понимаешь, дочка, нет сил больше терпеть этот кошмар. Боюсь, что не смогу тебе помочь, потому что я совсем ослабла. Ты гораздо сильнее меня. Как же ты все это выдерживаешь, бедная моя деточка?! Откуда берешь силы терпеть такие муки? Нет… ты не похожа на обыкновенного человека. Ты, наверное, спустилась с небес. Тебя послал сам Бог. А нас Господь накажет за тебя, сильно накажет».

Раздался голос Огана. Он звал меня. Я дошла до лестницы, едва волоча ноги. Собака шла за мной, прихрамывая. Оган стоял во дворе и ждал. Увидев рядом со мной Шарика, он опять схватился за пистолет. Собака спряталась за моей спиной.

Испугавшись, что Оган пристрелит Шарика, я уложила её под кровать.

«Возьми аптечку и живо вниз!» – приказал мне Оган.

Я прошла на кухню, взяла аптечку и хотела уже спуститься, как услышала голос Вали: «Ты зачем несешь аптечку Огану? Пусть лучше сдохнет от бешенства, как собака! Может, хоть тогда вздохнем свободно».

Я посмотрела ей прямо в глаза: «Это была бы слишком легкая смерть для него, тетя Валя. Нет, он так просто не отделается».

Женщина промолчала. Я спустилась во двор. Труп Бобика валялся посреди двора. Я подошла к собаке, опустилась перед ней на колени и несколько минут сидела, гладя безжизненное тело. Оган вновь окликнул меня, и я прошла в дом.

Постель вся была в крови от ран на его руке и ноге. Он охал и причитал. Увидев меня, замолчал, но, не выдержав дольше минуты, опять начал стонать от боли. Я стояла у кровати и смотрела. Оган заорал: «Что встала, как столб? Не видишь, что мне плохо? Перевяжи мне раны! – потом, отвернувшись к стенке, добавил: – Если эти проклятые псы были бешеными, мне конец». Сказав это, он пытливо посмотрел на меня, словно его интересовало мое мнение на этот счет.

Ни слова не говоря, я отрезала нижнюю часть его штанины, обработала рану йодом. Рана на руке оказалась более глубокой. Когда я мазала её йодом, он охал, как малое дитя. Вся кожа на руке свисала клочьями. Я отрезала её и перевязала рану. При этом он так кричал, словно вот-вот умрет. После всех этих процедур ему стало гораздо легче, но он не преставал язвить.

«Да, кажется, ты заслужила благодарность. А я и не знал, что собаки тебя так уважают. Наверное, знают, что ты из их породы», – сказал он и засмеялся над собственной шуткой.

Я предпочла промолчать и поднялась на веранду. Мои больные – Валя, сыночек и Шарик – спокойно лежали каждый на своем месте. У меня болело все тело, но я терпела. Ведь все трое зависели от меня, и мне надо было держаться. Валя спросила: «Помогла этому извергу?» «Перевязала раны», – ответила я. «Он хотя бы рас-

каивается?» – поинтересовалась женщина. «Чтобы испытывать раскаяние, у человека должна быть душа. А у него её нет», – ответила я.

Была уже глубокая ночь. Валя, сын и даже Шарик – все спали. Я закрыла глаза, но боль в теле не давала уснуть. Меня мучала какая-то внутренняя тревога. Мне показалось, что сын стонет во сне. Я включила ночник и подошла к спящему ребенку. Он проснулся и смотрел на меня, не отводя глаз. Это был очень странный взгляд. Блеск в его глазах постепенно угасал. Он напоминал сияние звезды, которая, постепенно отдалялась, уменьшаясь в размерах и превращаясь в маленькую точку, пока не исчезла совсем. Малыш начал бледнеть. Я положила руку на его лоб. Он был холодный, как лед. Не зная, что делать, я взяла его на руки и прижала к груди. Сыночек еле дышал. «Что с ним такое?» Я не хотела будить Валю, надеялась, что всё пройдет. Но Руслану становилось все хуже. Я положила его на кровать и тихонько потрясла. Он не открывал глаз, словно погрузился в глубокий сон. Я положила руку ему на грудь и закричала: «Руслан! Руслан! Мой мальчик! Открой глаза! Я с тобой!»

Услышал мой крик, он приоткрыл глаза и улыбнулся… Эта улыбка так и застыла на его лице. Сначала я не поняла, что произошло. Мне казалось, что это кошмарный сон. Затем я закричала… От моего крика проснулась Валя, а собака заползла под кровать. Валя испуганно спросила: «Дочка, что стряслось?»

Обнимая холодное тельце своего малыша, я орошала его слезами и как сумасшедшая повторяла три слова: «Мой сыночек умер, мой сыночек умер».

Валя всплеснула руками: «Что ты болтаешь, девочка? Что с ребенком?» Я продолжала плакать: «Мой сыночек умер, мой сыночек умер».

Собака отбежала в сторону и, подняв морду вверх, вдруг протяжно завыла. Валя стала креститься и шептать: «Господи, накажи нас, Господи! Покарай за грехи наши!»

Всю ночь до рассвета я держала сына на руках, баюкала его, разговаривала с ним. Я рассказывала ему о своих мечтаниях, ругала за то, что он оставил меня одну на чужбине среди врагов.

«Ты не должен так поступать, сынок. Бросаешь свою маму и спокойно уходишь? В этом огромном мире у меня, кроме тебя, никого нет! Ты – моё единственное утешение. И ты тоже предаешь меня?» – причитала я.

Валя решила, что я сошла с ума. Она смотрела на меня и крестилась, что-то приговаривая. Я знала, что она молится за меня. Я не сомкнула глаз, Валя тоже не спала. Она лежала и смотрела в потолок. Рано утром я попросила Валю позвонить Оле.

Спросонья Оля не сразу поняла, кто звонит в такую рань.

«Это я… Саида…Мой сын умер», – только и смогла я сказать.

Через час возле ворот остановилась машина. Из неё вышла Оля. Взбежав по ступенькам на веранду, она обняла меня и начала рыдать. У меня же больше не было слез. Словно я выплакала все их ночью. Я рассказала подруге всё, что произошло накануне.

«Что теперь нам делать?» – спросила Оля, придя в ужас от моего рассказа.

Я не знала, что ей ответить. Валя тихо сказала: «Похороните мальчика во дворе. Не стоит возить его далеко. Пусть покоится здесь. И Богу будет так угодно».

Мы искупали моего ребеночка, завернули в белую простыню и закопали в саду. Когда его опускали в землю, мне казалось, что это меня закапывают живьем. Знаешь, самое большое горе для матери – своими руками хоронить свое дитя. Нет ничего страшнее…

В тот момент я почувствовала себя такой одинокой и поняла, что все это время к жизни меня привязывал только сын. Я села на колени, прижалась к бугорку над свежевырытой могилкой… Странно, но мне казалось, что земля под моей головой вдруг задышала. Я услышала сердцебиение сына. Всё во мне перевернулось. Я стала

руками раскапывать могилу, лихорадочно отшвыривая землю в сторону, и кричала: «Мой сын жив! Он дышит! Я слышу его дыхание!». Я засмеялась счастливым смехом: «Вот видите! Я знала, что он не уйдет, не бросит меня одну. Нет, мой сын не такой. Он любит свою мамочку и знает, что у меня, кроме него на всем белом свете никого нет! Слава Аллаху – мой сын жив!»

Оля, переглянувшись с Валей, попыталась поднять меня с земли, но ей это не удалось.

Я уже раскопала могилу. Вот и белая простыня, в которую мы завернули Руслана... Дрожащими руками я отряхнула её от земли, торопливо развернула… Сын спокойно спал…

Оля оттащила меня от ямы, а сама снова завернула маленькое тельце в простыню и засыпала землей... Я стояла в стороне, и всё это казалось мне сном.

Прощаясь, Оля сказала, что должна выполнить какое-то важное поручение, а потом подумает, как вытащить меня отсюда.

В тот день Оган заперся дома и не выходил во двор. Только иногда выглядывал из окна дома и смотрел, что мы делаем. Я шептала про себя, как заклинание: «Смотри, Оган, смотри. Придет время, я буду смотреть, как ты корчишься от мук».

Я неподвижно сидела в углу веранды, уставившись в одну точку. Валя молча наблюдала за мной. Вдруг она запричитала: «Саида, дочка, говорят, чужой умерший кажется уснувшим. Но это не так. Ты знаешь, как на меня подействовала смерть твоего сына... Через какие муки тебе пришлось пройти. Никто другой этого не выдержал бы. Да будут прокляты эти нелюди! Из-за них мне стыдно в глаза тебе смотреть. Прошу тебя, как родную дочь, наберись терпения. Просто потерпи! Когда я вижу твои муки, я тоже страдаю и хочу умереть. Не убивай меня! Прошу тебя! Дай мне немного времени, чтобы я смогла сделать что-нибудь хорошее для тебя, хоть немного искупить свою вину».

Хоть я и слушала её, мысли мои были далеко. Я думала о том, что настало время мести. Медлить больше нельзя. Еще до смерти сыночка я припасла бутылку кислоты и спрятала ее в подвале. Она предназначалась Огану. Только отомстив Огану, я смогла бы найти успокоение. Я не хотела ждать Олю, так как знала, что она может мне помешать.

Мне очень тяжело было жить после смерти сына. Жизнь мне казалась невыносимым адом. Я просто не хотела жить. Мне все казалось обременительным и бессмысленным. Очень часто я задумывалась над тем, стоит ли жить дальше? В один из таких моментов мои мысли прервал телефонный звонок. Я знала, что это не Оля, так как та только недавно была у нас. Я подошла к телефону и передала трубку Вале. Не знаю, что ей сказали, но она вдруг вся побелела и стала задыхаться. Я быстро подошла к ней: «Тетя Валя, тетя Валя! Что с вами?»

Она не отвечала и вся дрожала. Телефонная трубка выскользнула из ее руки и упала на пол. Валя молчала и не отвечала на мои вопросы. Снова зазвонил телефон. Я не брала трубку, стараясь что-нибудь выяснить у бедной женщины. Но звонки не прекращались. Валя открыла глаза и сказала: «Позови Огана к телефону!»

Я снова спросила, что случилось, но Валя не могла или не хотела говорить. Она просто посмотрела на меня и повторила: «Позови Огана!»

Я спустилась во двор и толкнула дверь домика, где был Оган. Дверь была заперта изнутри. Я несколько раз громко постучала. Послышалось его хриплое бормотание. Я коротко сообщила: «Вас к телефону» и, не дождавшись ответа, поднялась наверх.

Телефон не прекращал звонить. Валя, закрыв лицо руками, громко плакала. Я вновь спросила, что случилось, но она опять мне ничего не ответила. Вскоре пришел Оган. Как только он вошел, Шарик встал с места и начал рычать. Я успокоила собаку. Оган, прихрамывая, подошел к изголовью жены и взял ее за руку.

Та медленно подняла голову и, увидев Огана, сказала: «Добился своего, Оган?» Тот, ничего не понимая, смотрел на неё: «В чем дело?»

Валя закричала: «Ответь! Ответь на звонок, сам узнаешь».

Эти слова встревожили и меня. Я поняла, что ей сообщили что-то очень плохое. Оган поднял трубку, поднес к её уху и тут же заорал во весь голос: «Что ты говоришь?! Не может быть! Когда?!»

Я не знала, кто звонил, и не понимала, что происходит. И вдруг произошло нечто очень неожиданное для меня. Оган сел на колени перед кроватью, обнял жену и начал плакать. Я впервые видела его плачущим. Женщина оттолкнула мужа от себя со словами: «А я ведь тебя предупреждала, говорила, побойся Бога! Вот видишь, как все обернулось?!»

Оган, не слушая ее, куда-то позвонил. По разговору было понятно, что он говорил с руководством. Я смотрела то на Валю, то на её мужа. Потом Оган позвонил в войсковую часть и попросил оформить отпуск на 15 дней для поездки в Ставрополь.

«Дочка Лариса с внучкой попали в автокатастрофу. Внучка умерла, дочь в тяжелом состоянии. Я срочно должен ехать», – объяснял он.

Теперь мне все стало ясно. Значит, их дочь попала в катастрофу. Как ни странно, услышав это, я почувствовала боль. Мне стало жаль Ларису и ее малышку.

«А почему они? Ведь они же…», – подумала я, но промолчала.

«Я отпросился. Завтра утром поеду. Возьми себя в руки», – сказал Оган, положив трубку.

Жена ничего не ответила. Она лишь тихо плакала.

Оган спустился во двор. Я подошла к кровати и хотела успокоить Валю. Та подняла голову: «Теперь я понимаю твою боль, дочка. Как ты, такая слабая, носишь в себе такую тяжесть?! Как ты все это вытерпела, дочка…»

Все мои попытки утешить несчастную женщину были тщетны. Мне было жаль её, но я знала одно – это Аллах покарал Огана. Теперь же пришло время и мне наказать его.

Было уже за полночь, но Оган не спал. Он готовился к завтрашней поездке. Иногда он и меня звал, чтобы собрать вещи. Я молча выполняла его поручения, но чувствовала, что он злится.

«Пока меня не будет, ухаживай за Валей, как следует. Не давай ей тосковать. А то тебе не поздоровится. Я вернусь через пару недель», – наказывал он мне перед дорогой.

Я упорно молчала. Моё молчание окончательно взбесило его:

«Скажи хоть одно слово! Или ты радуешься, что с нами такое случилось?»

Я не сдержалась и ответила: «Я хорошо знаю, что значит потерять ребенка».

Он разозлился еще больше: «Ты что, приравниваешь своего щенка к моей внучке?»

Его слова задели меня. Но я снова нашла в себе силы сдержаться.

Оган поднялся наверх к жене. Он сообщил, что завтра с утра уедет и не хочет, чтобы ночью его беспокоили. Валя попросила, чтобы по приезде он сразу сообщил о состоянии здоровья Ларисы. Оган хотел нагнуться и поцеловать жену, но она оттолкнула его и отвернулась. Спускаясь по лестнице, Оган повернулся ко мне и сказал: «Закончишь дела – приходи, поменяй мне повязку на ранах!»

Через час я спустилась к нему. Оган молча лежал на кровати. Я сменила повязку сначала на ноге, а потом на руке.

Под предлогом, что мне нужно помыть руки, вышла во двор. Не теряя времени, спустилась в подвал, взяла припрятанную там бутылку с кислотой и вернулась домой. Оган уже засыпал. Я положила бутылку под кровать и включила ночник. Оган вскочил с постели и спросил, в чем дело.

«Хочу с тобой поговорить», – ответила я.

«О чем?» – удивился он.

«Хочу знать, что случилось и куда ты едешь?»

«Ты же все слышала. Зачем это повторять?» – ответил он, недоумевая.

«Нет. Я хочу услышать все из твоих уст», – сказала я.

Оган немного помолчал, но было заметно, что мое спокойствие его пугает. Он даже в лице изменился, хотя упорно старался не подавать вида.

«Звонил мой зять Виталий из Ставрополя. Лариса с дочкой шли в детский сад. По дороге их сбила машина. Ребенок скончался на месте, а Ларису доставили в больницу», – сказал он.

«У тебя, наверное, сердце разрывается?» – сказала я.

Он решил, что я его жалею: «Конечно! Ведь это же мой ребенок!»

«Не верю», – отрезала я.

Мой тон Огану явно не понравился, и он гневно посмотрел на меня. Увидев в моих глазах безграничную ненависть, заметно занервничал:

«Что ты говоришь? Как это – не веришь? У человека умирает ребенок, и у него не болит сердце? Разве это возможно?»

Я молчала. Мои слова задели его за живое, и он повысил голос: «Ты, послушай! Может, ты радуешься моему горю? Злорадствуешь? Получаешь удовольствие? Что молчишь? Скажи честно – ты радуешься смерти моей внучки?»

«Нет, я не радуюсь смерти ребенка. Но если б ты только знал, какое я получаю удовольствие, видя твои страдания», – ответила я.

Он, изумленный моей смелостью, сел в кровати, посмотрел по сторонам, словно что-то искал.

«Оган! – сказала я. – Когда ты отрезал голову моему мужу, когда насиловал меня, когда моего ребенка резали на органы, ты думал обо мне? Ты не думал, что я – тоже человек и у меня тоже есть сердце? Ты не думал, что в один прекрасный день тебя ждет возмездие? А если я тебя сейчас подожгу? Хочешь, я тебе покажу, каково это, когда душа горит? Ну что? Отвечай, сукин сын, рожденный из спермы ста мужиков. Отвечай, тварь!»

Увидев мои глаза, полные ненависти, он понял, что я готова на всё, и потянулся к пистолету. Я изо всех сил толкнула его. Воспользовавшись тем, что он зашатался, быстро схватила бутылку с кислотой, откупорила ее и плеснула ему в лицо. Он взвыл и, закрыв лицо руками, стал метаться по комнате и мычать, как животное. А я продолжала обливать его кислотой. Он упал на пол и как змея корчился от боли. Я подошла к нему и вылила остаток кислоты в его широко раскрытый рот. Его язык сразу же превратился в синий кусок обугленного мяса. Оган горел живьем. В комнате стоял противный запах его плоти, облитой кислотой. В уголках его глаз кипело и пузырилось какое-то белое вещество, похожее на жидкость. Он хрипел и задыхался. Схватив со стола утюг, я с размаху несколько раз ударила Огана по голове. После каждого удара было слышно, как трещит его череп. Через минуту он застыл в скрюченном состоянии и перестал дышать. Но его тело продолжало гореть, и от него исходил дым. Словно кусок льда облили кипятком. Вся одежда, постель, ковры – всё тлело и было в дырах от брызг кислоты.

Я выключила свет и вышла из дома. Затем умылась, немного постояла во дворе и, придя в себя, поднялась на веранду.

Услышав шаги, Валя открыла глаза: «Саида, я слышала крики Огана. Опять он на тебя кричал?» «Я бинтовала ему раны, а он кричал от боли», – ответила я первое, что пришло на ум.

Она немного успокоилась: «Подлец! А каково нам? У нас сердце разрывается, а мы молчим». Я поправила одеяло на Вале и сказала: «Не беспокойтесь, тетя Валя. Каждый получает по заслугам».

Потом я снова спустилась во двор и вошла в дом Огана. Его труп продолжал тлеть. Все мясо сгорело, обнажив кости. В комнате стоял омерзительный запах. Не теряя времени, я завернула труп Огана в одеяло. Потом спустилась во двор и вырыла большую яму. Бросив тело в яму, засыпала землей и утрамбовала. Затем набросала листьев и травы, чтобы не было заметно. Я как будто вновь обрела силу и работала с таким рвением, будто сажала дерево. Потом я зашла в дом и прибралась в комнате. Ненужную одежду сожгла и закопала. Наконец-то я почувствовала облегчение. Мне казалось, что вместе с Оганом я закопала поглубже и свои страдания. На душе было так хорошо, и сердце билось, как у младенца. Я поднялась на веранду и хотела немного вздремнуть, но так и не смогла заснуть. Лежала и думала – «неужели я отомстила мерзавцу?» Как будто все это было во сне. И только под утро я закрыла глаза и заснула. Впервые за долгое время я увидела во сне мужа. Его волосы и борода были длинными и доходили до колен. Одет он был в какой-то красный балахон. Он стоял на краю обрыва. За ним была глубокая пропасть. Я шла к нему, и по мере моего приближения он всё больше опускался в пропасть. Я подошла совсем близко и протянула ему руку. Наши пальцы соприкоснулись, но я не смогла взять его за руку. Он продолжал падать вниз, но почему-то улыбался и махал мне рукой. Я стала кричать, но он не отвечал мне, а продолжал падать вниз. Проснулась я от того, что задыхалась. Сразу вспомнила свой сон. Странно, что мне приснился Али. Мне показалось, что во сне со мной был его дух. Его дух не мог найти успокоения. И только сегодня, обретя покой, он, наконец, вернулся в могилу. Как хорошо, что он улыбался. Он улыбался точно так же, как сын. Тот тоже умер с улыбкой на губах.

...«Что произошло? На самом деле я убила Огана?!» – думала я. Вдруг мне стало очень страшно. Я встала и спустилась во двор. Уже рассвело. Я окинула взглядом весь двор. По неосторожности я могла допустить какую-нибудь оплошность. Мне показалось, что все было в порядке. Я зашла в комнату Огана. Здесь тоже на первый взгляд всё было в порядке. И вдруг я заметила висевшую на стене военную форму и пистолет. Я быстро спрятала пистолет в надежном месте, а военную форму и сумку, которую Оган приготовил для поездки, сожгла за домом. Затем поднялась на веранду, чтобы покормить Валентину. Но та отказалась есть. Я поняла, что она горюет по внучке. Она спросила: «Оган убрался к черту?» «Да… я проводила его …», – ответила я. «Хоть бы он сообщил что-нибудь о Ларисе», – выразила она свое беспокойство.

В этот день мы обе сидели молча и горевали по нашим умершим. Удивительно, что и собака не отходила от меня. Она лежала рядом, положив голову мне на колени. В её глазах была непонятная грусть. Казалось, она тоже горюет по убитому вчера Оганом брату Бобику. Собака и сама была ранена. После смерти Руслана я ещё больше привязалась к этой собаке. Она помогала хоть немного забыть моё горе.

Теперь у меня не было никаких обязанностей. Умер сын, о котором я заботилась. Не было мучавшего меня каждую минуту Огана. Вот такая странная опустошенность пришла на смену бесконечным хлопотам.

Валя с нетерпением ждала телефонного звонка. А я пребывала в напряжении, каждую минуту ожидая разоблачения. Ведь Оган не был простым солдатом. Я знала, что его будут искать. Мне было на руку, что он сам позвонил вчера в войсковую часть,сообщил, что уезжает на похороны внучки и отпросился на 15 дней. Это давало мне возможность выиграть время.

Прошел день. Валя была очень обеспокоена тем, что муж до сих пор не позвонил и не сообщил о состоянии дочери. Я старалась ее успокоить, хотя мне самой тоже было не по себе.

Прошло еще два дня. Наконец, днем раздался звонок телефона. Валя тут же подняла трубку.

Звонил зять. Он сказал, что Оган до сих пор не приехал. Валя сообщила, что тот выехал два дня назад, а потом со злостью положила трубку. «Интересно, где он

шляется?! Люди там его ждут, а он… Надо было этой проклятой собаке загрызть его, чтобы мы раз и навсегда освободились от него!» – сказала она нервно.

Потом она спросила: «Ты хотя бы раны его смогла как следует перевязать?» «Не беспокойтесь! Я все сделала так, как надо. Ваш муж крепкий человек, раны быстро заживут», – сказала я, желая успокоить Валю.

«Странно, он давно уже должен был быть на месте. Там дороги-то день-полтора», – задумчиво сказала она.

Время шло, и Валентина волновалась всё больше. Несколько раз она сама звонила зятю. После каждого разговора она выдвигала новые версии: «Если бы что-то случилось с ним по дороге, нам бы уже сообщили, – рассуждала она. – Значит, он не в пути. А где же он тогда?»

В эти дни приезжала и Оля. Я видела, что она тоже чем-то встревожена. На мои вопросы подруга не отвечала: «Не хочу тебя расстраивать. Тебе своих проблем хватает». «Но что же всё-таки произошло?» – настаивала я.

Она рассказала, что напала на след своего брата Руслана. А два дня назад ей стало все известно о нем. «Я присутствовала на допросе взятого в плен одного вашего офицера, – сообщила девушка. – Офицер был немолодым и опытным. Он отказывался говорить, хотя его пытали. Его молчание выводило армян из себя. Ему щипцами выдергивали ногти на ногах и руках. Знаешь, какая это была страшная сцена?! Палец офицера зацепился за щипцы, и они выдернули ему его целиком, вместе с ногтем. На следующий день его должна была допрашивать я. Это касалось моей работы… Данные в моем списке совпадали с тем, что он сообщил». Оля говорила полунамеками, чтобы я не догадалась, о чем речь. Но я уже была в курсе. Поэтому спросила: «Хочешь сказать, что число убитых тобой совпадало с его показаниями, да?»

Оля молчала, опустив глаза. Мне было интересно, сколько наших солдат убила Оля? Я спросила у нее об этом. Она опять промолчала. Я настаивала. Тогда она сказала: «Зачем тебе знать это?»

«Зачем, спрашиваешь?! Ты же убивала не просто муравьев? Да, Оля?» – спросила я со злостью.

Девушка посмотрела мне прямо в глаза: «Лучше тебе не знать об этом... Могу только сказать, что за последний месяц я убила 7 человек. Двоих офицеров и пятерых солдат».

Я опустила голову и замолчала. Девушка, почувствовав мою боль, положила руку мне на плечо: «Что мне делать, Саида?! Это война. Ты знаешь, зачем я сюда приехала. Я же тебе сама все рассказала».

«Знаю, – ответила я, – но не забывай, что те, кого ты убиваешь, защищают свою землю. Они сражаются за Родину. Они умирают, чтобы защитить честь своих матерей и сестер. А ты интересовалась, зачем сражаются те, кого ты защищаешь? Я тебя спрашиваю! За что ты проливаешь кровь? Не забывай, что за каждой смертью – слёзы сотен, тысяч людей. Их проклятья рано или поздно сравняют небо с землей. Я знаю, ты сюда приехала заработать денег. На эти деньги хочешь сыграть свадьбу, купить дом? Не так ли? Я хочу спросить у тебя – а у тех, кого ты убиваешь, нет сестер, матерей? Они тоже мечтают о свадьбе, о доме. Разве это не грех – устраивать свою судьбу, убивая и лишая крова других? Строить свое счастье на несчастье других? Как ты сможешь жить на деньги, заработанные на крови?! Оля?! За пролитую кровь тебе когда-нибудь придется отвечать!»

Девушка стояла, опустив голову. Её плечи сотрясались от рыданий. Сквозь слезы она сказала: «Знаешь, Саида, я уже поплатилась за пролитую кровь».

Не понимая, о чем она говорит, я спросила: «Что ты хочешь сказать?»

Вытирая слезы, она стала рассказывать: «На другой день, допрашивая вашего офицера, я спросила у него, знает ли он офицера по имени Руслан, служившего на вашей стороне. Сначала он не признавался. Тогда я сказала ему, что я – не армянка.

Он посмотрел мне прямо в глаза и спросил: «Если не армянка, то что ты здесь делаешь?» Потом я поняла, что тот офицер многое обо мне знает – почему я сюда приехала, сколько людей убила и сколько за каждого из них получила денег. Я спросила, откуда у него такая информация.

«Это не война, это игра, – сказал он. – И ты в этой игре мелкая пешка. Если надо будет, они и тебя заменят».

Он говорил очень мудрые слова. Я прониклась к нему сочувствием, забинтовала его раны, умыла, почистила одежду. Потом сказала, что ищу пропавшего без вести брата. И как только найду его, вернусь на родину. Офицер покачал головой и с сожалением сказал: «Тогда, дочка, ты должна была давно уехать отсюда». Мне показалось, что он что-то недоговаривает: «Я не понимаю вас. Что вы хотите сказать?» Помолчав, офицер ответил: «Насколько мне известно, твой брат приехал сюда в гости к своему другу Али. Они оба в свое время служили в Российской армии. Когда Руслан приехал, здесь шли боевые действия. Он остался, чтобы помочь Али. А потом был убит в бою. Его друг Али тоже погиб».

Весть о смерти брата подкосила меня… Я только сейчас поняла, как сильно ошибалась…

Потом Оля посмотрела и спросила: «Саида, а как звали твоего мужа?»

Я молча опустила голову. Оля стала трясти меня за плечи и кричать: «Ты что, глухая? Я тебя спрашиваю. Почему ты молчишь?!»

Я подняла голову, посмотрела на нее и тихо ответила: «Я всё знала, Оля! Знала, что Руслан – твой брат. Просто... Твой брат и мой муж были близкими друзьями. Руслан был мне как родной брат, жил у нас дома. Он погиб от снайперской пули. Мы очень тяжело перенесли эту потерю. Али долго не мог оправиться. Просто сходил с ума. Он успокоился только после того, как отомстил за Руслана. Рождение сына тоже немного утешило Али. Он и назвал его в честь твоего брата… В его имени, в нем, для нас словно продолжал жить и Руслан. Когда мой малыш умер… я оплакивала не только его, но и память о самом близком нам человеке – твоём брате Руслане».

После моих слов Оля, обняв меня, начала плакать и долго не могла успокоиться. Я гладила её по голове: «Оля, возьми себя в руки. Это не только твоя потеря. Ты только сейчас осознала её, а я столько времени ношу эту боль в сердце… Всё это уже в прошлом. Постарайся больше не совершать былых ошибок».

Оля рыдала и сквозь слезы говорила, что ничего не знала про наш народ. Там, где она служила, ей говорили, что мы – варвары, звери и чуть ли не людоеды. «Но общаясь с вашими пленными и беседуя с тобой, я поняла, что это не так. Вы гораздо лучше них. За что же они вас ненавидят, воюют с вами?».

«Я – не политик и не боец, просто женщина, мать, попавшая в плен, – ответила я. – Но наша национальная беда в том, что мы не заботимся о своих так, как о чужих. И наши враги этим удачно пользуются. Вот уже столетия армяне враждуют с нами. Воюем, убиваем друг друга, а потом они снова просят мира, прощения. И мы прощаем их, забывая горе, которое они нам причиняли. Проходит время, они вновь, как свора собак, нападают на нас. Так было много раз. Они кричат на весь мир про армянский геноцид, плачут, что их, якобы, убивают, истребляют. В искусстве лжи им нет равных. У меня был дед, который дожил до 105 лет. Он хорошо знал армян и объяснял их политику простыми словами: «Армяне жили в горах, а в горах ведь трудно прокормиться, там пшеница плохо растет. К тому же они всегда враждовали со своими соседями, потому что вели себя нагло. Вот поэтому они голодали, и ни один из соседних народов не протягивал им руку помощи. Если ты с соседом дружишь, он тебе поможет. Если же строишь козни, добром это не закончится».

Оля внимательно слушала меня. Кажется, мне удалось ей кое-что объяснить.

Прощаясь, она спросила про Огана, сказав, что в последнее время тот не показывался в части. Я сообщила ей о смерти его внучки и тяжелом состоянии Ларисы.

Прошло четыре дня, и Валя сказала, что собирается заявить в войсковую часть о пропаже мужа. Я разволновалась – ведь если она сделает это, Огана начнут искать. «Что же делать? Рассказать ей правду? Но как она это воспримет? – думала я, теряясь в догадках. – Возможно, она возненавидит меня. А если промолчать и все скрыть? А что, если Огана начнут искать, найдут труп во дворе и заподозрят в его смерти эту больную женщину?» После долгих колебаний я решила во всем признаться.

Когда Валя подняла телефон, намереваясь звонить в часть, я взяла у нее трубку и молча положила её на место. Потом присела рядом и тихо сказала: «Тетя Валя, не надо никуда звонить. Его не найдут». Женщина растерялась: «Тогда к кому обратиться, у кого нам спросить об Огане?»

«У меня, тетя Валя. Только я знаю, где он сейчас. И больше никто», – прошептала я. У женщины засияли глаза: «Где же он, дочка?»

Я взяла ее за руки и, глядя прямо в глаза, ответила: «В саду, под землей».

Валя с ужасом посмотрела на меня: «Как это под землей? Что ты говоришь?»

«Я убила Огана», – почти шепотом сказала я.

Валя не хотела верить услышанному. Её губы скривились в улыбке: «Не может этого быть! Боже мой, что ты выдумываешь?»

Ее крик словно разбудил меня ото сна. Я вздрогнула и твердо повторила: «Да, тетя Валя, в тот вечер, когда Оган собирался уехать, я убила его и закопала в саду».

Валя попыталась приподняться на подушке, но упала без сил, ударившись головой об изголовье кровати: «Зачем ты это сделала? Ты обо мне хоть подумала?! Ведь у меня погибла внучка, дочь в тяжелом состоянии! Как ты могла? Что мне теперь делать?!»

Некоторое время мы обе молчали. Я не удивилась возмущению Вали. Конечно, она ненавидела Огана, но он все-таки был её мужем, отцом её единственной дочери. «Что она предпримет теперь, зная, что я убила его? – мучительно думала я.

Женщина молча смотрела в потолок. Наконец, она заговорила: «Зря ты это сделала! Знаю, как он поступил с тобой и всей вашей семьей. Я ненавидела его за это, ты же знаешь. Но твоему поступку нет оправдания. Я вынуждена сообщить об этом в войсковую часть. Пусть они сами разбираются».

Сомнений в её словах не оставалось, потому что она произнесла их четко и категорично. Но я не испытывала страха. Раньше боялась за сына. А теперь чего бояться? За свою никчемную жизнь? Но я решила не ждать, пока меня арестуют. Потому что очень хорошо понимала, что меня ждет в таком случае. Поэтому я просто ждала, что предпримет Валя.

Наступил вечер. Несколько раз Валя говорила с зятем. Тот сообщил, что внучку уже похоронили, а Лариса всё ещё в больнице. Я чувствовала, что Валентина не хочет меня видеть. Она весь день ничего не ела, отказываясь от еды, которую я ей подавала. Каждую минуту ждала, когда она позвонит в часть и сообщит о случившемся. К вечеру я немного успокоилась, так как при последнем разговоре с зятем Валя сказала ему, что Оган вернулся домой, сильно заболев в дороге и сейчас лечится. Я не знала, что она предпримет в дальнейшем, и меня мучила эта неопределенность

Прошло еще несколько дней. Валя никуда не звонила.

Но неожиданно из войсковой части пришли трое – один офицер и двое солдат. Они спросили, где полковник Оган. Я подумала, что их вызвала Валя. Про себя решила – если меня будут арестовывать, так просто не дамся. Возьму пистолет Огана, который припрятан за домом, застрелю сначала их, а потом себя. Это было мое окончательное решение. Но судя по их поведению, меня не собирались забирать.

Когда офицер спросил об Огане, я ответила: «Поднимитесь на веранду, спросите у его жены!»

Офицер поднялся наверх, а я осталась внизу и слышала их разговор.

Офицер спросил Валю, где ее муж. Женщина ответила: «Уехал в Ставрополь на похороны нашей внучки. Она погибла в автокатастрофе». «Мы знаем это. Но дело в том, что полковник отпросился на 15 дней, а прошло уже больше. Странно, почему он до сих пор не вернулся на службу. Может, вы знаете причину?» – спросил он.

Валя, не задумываясь, ответила: «Да, конечно. Муж сегодня звонил и предупредил, что задержится на несколько дней. Не может быть, чтобы Оган не сообщил об этом в часть». «Нет. Он нам ничего не сообщал. Пожалуйста, если полковник еще раз позвонит, то передайте ему, чтобы связался с командованием».

Я не ожидала такого поступка от Вали. Думала, она выдаст меня и скажет офицеру: «Спросите у этой женщины, где мой муж».

Когда они ушли, я подошла к ней: «Вы считаете меня виновной, тетя Валя?»

Женщина посмотрела на меня и сказала: «Мне жаль и тебя, и себя. Потому что мы обе, а также тысячи таких же, как мы, женщин стали жертвами придуманной мужчинами игры под названием «политика». Ты потеряла семью, ребенка. Бог наказал нас и отнял у меня внучку… даже двух дней не прошло. Я всегда говорила Огану, что Господь покарает нас. Вот… Все случилось так, как я и предвидела. Твой муж убил армянина, Оган убил твоего мужа, а ты убила Огана. Кто же прав? Никто не берет вину на себя. А страдаем я, ты и такие же, как мы, простые люди, далекие от политики. Прав ты или неправ, всё равно конец один – под сырой землёй. Сколько дней я мучилась – выдать тебя или нет. Думала, если тебя схватят и убьют – закончится ли весь этот кошмар? Конечно же, нет. Поэтому я решила, что не буду этого делать. Но пока не поздно, ты должна уехать отсюда. Иначе рано или поздно всё откроется. Ведь земля тоже умеет говорить, дочка. Придет время, и она заговорит».

«Куда же мне ехать, тетя Валя? Я сама не знаю, куда мне деться», – сказала я, с благодарностью посмотрев на Валю.

«Почему ты не хочешь вернуться к себе на Родину, дочка? Поезжай, устрой свою жизнь, пока молодая. Потом будет поздно», – посоветовала Валя. «Нет, я не могу туда вернуться после всего, что со мной случилось. У меня там никого и ничего нет. Дом разрушен, родной город оккупирован, родители расстреляны, а родственники… Аллах знает, где они», – ответила я.

«Дочка, у вас на родине таких, как ты, сейчас очень много. На войне многое может случиться. Она многие души покалечила. Но людям свойственно забывать свое горе, разделив его с другими. Это же не драка соседей, когда один сосед потом попрекает другого. Это всеобщее горе, всеобщая трагедия. Ты думаешь, армяне не пострадали в этой войне, не хлебнули горя?» – спросила женщина.

«Я – не армянка, тетя Валя. И народ мой – не армянский. Мы ставим честь превыше жизни. Если её нет, то и жить не стоит», – ответила я.

Валя больше ничего не сказала.

***

Оля несколько раз приезжала проведать меня. Она тоже удивлялась, куда мог запропаститься Оган. Она сообщила, что готовится к важной операции. Зная заранее, что распространяться о подробностях она не будет, я все же спросила: «Опять «охота» на наших?»

«За это задание мне заплатили 5 тысяч долларов. А нам нужны деньги. Я проверну эту операцию, получу деньги, и мы уедем в Украину», – ответила она.

В чем заключалась суть операции, она так и не сказала. Но я-то знала, что она была направлена на уничтожение наших военных.

«Вот закончу с этим делом, потом все тебе расскажу», – сказала Оля. Но я понимала, что она меня опять обманывает. Армяне не стали бы платить 5 тысяч долларов просто так. Видимо, они готовили крупную операцию. Аллах свидетель, что я старалась отговорить Олю, но ее невозможно было переубедить.

«Эта девушка превратилась в игрушку в руках армян», – подумала я.

Прошло два дня. Мы уже собирались спать. Вдруг за воротами послышался шум мотора и в дверь громко постучали. Я спустилась во двор, спросила, кто это. После убийства Огана во мне постоянно жил какой-то страх. Но оказалось, что приехала Оля. Она была в таком виде, что я ее не сразу узнала. Оля еле стояла на ногах. Я взяла ее под руку и повела в дом во дворе. Оля молчала. Она была бледной, как покойник, и напоминала сумасшедшую. Я слегка потрясла ее за плечи: «Оля, скажи мне, что произошло?»

Она была не в себе и словно не слышала меня. Я сняла с подруги военную форму, умыла ее, села рядом и помассировала ей руки. Придя в себя, девушка обняла меня и начала плакать. «Я убила Андрея своими руками, Саида», – сказала Оля.

Ничего не понимая, я спросила: «Как это – убила?»

Она ответила сквозь рыдания: «Я же рассказывала, что Андрей служит где-то в этих краях. Я не знала, что он сражается на вашей стороне. Мне сказали, что с азербайджанской стороны бомбят армянские позиции. Артиллерийское орудие находится на вершине холма. Мне был дан приказ ликвидировать артиллериста. За операцию обещали заплатить 5 тысяч долларов, ты знаешь это. Я знала, что тот артиллерист нанёс армянам большие потери. Чтобы заставить его замолчать, я всю ночь ползла до точки, откуда велась стрельба. Но в тот день я не смогла установить точное расположение артиллериста, так как оно было окружено огромными глыбами. Как они подняли туда орудие – ума не приложу! Весь день не спускала глаз с высоты, но прицелиться было невозможно. Я смогла «снять» артиллериста только рано утром… Его труп армяне принесли в часть. Мне было интересно, кого же я застрелила, так как армяне очень старались его убрать... И решила посмотреть… Я сразу его узнала. Это был Андрей, мой жених. Теперь ты видишь, что я сделала? Своими руками убила свою любовь, разрушила будущее. Как мне жить после этого?!»

Мне трудно было поверить в ужас произошедшего. Еще сложнее было успокоить Олю. Девушка словно сошла с ума. Она собралась уходить, но я не хотела отпускать ее в таком состоянии. Но Оля настояла на своем.

«Куда ты пойдешь, скажи мне?!» – спросила я еще раз.

Оля немного помедлила с ответом:

«Знаешь, Саида, с первого же дня прибытия сюда я работаю под руководством офицера по имени Амбарцум. Списки людей, которых надо убрать, мне давал именно он. И вообще, он разрабатывал планы всех операций. Убийство Андрея – тоже один из его планов. И он не мог не знать, что Андрей – мой жених. Потому что именно он проверял по своим каналам все данные о снайперах, знал наши биографии во всех деталях. Я не успокоюсь, пока не убью этого подонка… Я скоро вернусь! А ты готовься! Мы вместе уедем из этого ада».

Оля ушла. Мне так и не удалось переубедить ее. Я беспокоилась за подругу: «Хорошо, если с ней самой ничего не случится». У меня было плохое предчувствие… Оно меня не обмануло…

На следующий день стало известно, что Оля убила Амбарцума, но и ее тоже застрелили. Я была потрясена. Ведь она была единственным человеком, с кем я делилась своими проблемами, который так мне помог, столько сделал для меня…

И вдруг ее не стало… Я даже не смогла узнать, где ее похоронили.

Прошло более трех месяцев. Вале становилось все хуже. Она звонила дочери и просила приехать за ней и увезти на родину. Дочь обещала сделать это, как только окончательно поправится. Я слышала, как Валя просила Ларису помочь и мне.

Она знала, что я не хотела возвращаться на родину. Я также знала, что командование решило обменять меня на какого-нибудь пленного армянина. Уже состоялись переговоры, но я не была на это согласна. Все было очень сложно. Наконец в это дело вмешался отец Вали, полковник в отставке Аркадий Полухин.

Пользуясь своими связями, он смог меня вывезти из плена как сиделку, ухаживающую за его больной дочерью. В этом помогла и моя профессия медсестры. Лариса приехала за матерью с мужем Валерием. Они за полцены продали дом Огана и начали готовиться к отъезду.

Валя попросила Ларису, чтобы та отдала мне ковер, висевший на стене. «Этот ковер соткала ее мать. Пусть он достанется ей», – сказала она. Дочь выполнила просьбу матери – так ковер оказался у меня…

Перед отъездом я посидела у могилки сына в саду и попрощалась с ним. Взяв горсть земли с его могилы, завернула в платок и положила среди своих вещей. Валя все это видела из окна. Она подозвала меня к себе и спросила: «Это земля с могилы сына? Не так ли?» Я подтвердила это кивком головы. Она глубоко вздохнула, а потом еле слышно попросила: «Саида, спустись вниз и принеси немного земли с того места, где ты закопала Огана. Как бы то ни было, он был моим супругом и отцом моей дочери».

Я исполнила её просьбу, принеся в платке немного земли. Валя погладила платок и положила его в сумку.

Когда за нами приехала машина, Шарик запрыгнул в неё раньше нас. Мы с трудом его вытащили. Но он словно прилип ко мне – не отходил ни на шаг, лизал мне ноги и руки, скулил, терся об меня. Не выдержав, Валерий положил его в багажник со словами: «Ну, раз так, поехали с нами!» Я была очень рада, что Шарик едет со мной.

Проезжая мимо военной части, я посмотрела в окно и увидела дом, где когда-то мы жили втроем – я, Оля и Руслан. Аллах знает, кто там сейчас обитает. Я вглядывалась в места, где когда-то испытала столько мук, словно хотела увидеть там следы перенесенных страданий. Их было так много, что порой я удивлялась – как они вместились в одну человеческую жизнь. Машина уезжала всё дальше от этого ада, и всё оставалось позади. Но, к сожалению, здесь я могла оставить только боль физическую, боль тела. А муки истерзанной души навсегда останутся со мной, во мне, куда бы я от них не пыталась уехать.

Мы доехали до железнодорожного вокзала, сели в поезд и отправились в Ставрополь. По дороге Вале стало совсем плохо, мы ничем не смогли ей помочь, и она умерла прямо в поезде. Очень жаль, что она не доехала до родины. В плену я полюбила эту женщину, как родную мать. Мне трудно было смириться с тем, что ее больше нет. Пассажиры поезда даже не могли понять, чьей Валя была матерью, потому что не я успокаивала Ларису, а она меня. Валерий, видя моё горе, удивленно пожимал плечами. К утру мы доехали до Ставрополя, а оттуда приехали вот сюда, в деревню Надежда. Некоторое время я жила с ними… Но никак не могла привыкнуть к новой обстановке, ничто меня не радовало. Я чувствовала себя неуютно в чужой семье. Поэтому попросила Ларису найти для меня отдельную квартиру. Им пришлось арендовать эту ветхую комнатушку, за которую они платят до сих пор. С тех пор я и живу здесь. Кроме Ларисы никто не знает, кто я. Даже ее муж Валерий. Он думает, что я была сиделкой его тещи.

Вот и вся моя история… – сказала Саида, нервно перебирая пальцы.

***

Мы оба молча сидели, опустив головы. Эта тишина длилась довольно долго. Ни она ничего не говорила, ни я ни о чем не спрашивал. У меня так тревожно билось сердце, словно я проделал очень долгий путь пешком. «Что мне теперь делать? – думал я. – Встать, собрать вещи и уйти? А что сказать Саиде? Что с ней будет дальше? Как сложится ее дальнейшая судьба?» Я оказался в затруднительной ситуации. Подняв голову, посмотрел на Саиду. Она о чем-то думала, обхватив голову руками. Я даже предположить не мог, о чем она задумалась.

Мне вдруг захотелось отвезти несчастную женщину на родину, чтобы она не чувствовала себя так одиноко в чужой стране.

– А что, если мы вместе вернемся на родину? Зачем тебе здесь оставаться? Ведь всё уже позади. Может, на родной земле тебе удастся забыть свои страдания? – предложил я.

Она подняла голову и посмотрела на меня странным взглядом, от которого мне стало не по себе. После долгого молчания наконец заговорила:

– Я очень тоскую по родине. Но не могу позволить себе – запятнанной врагом – ступить на эту священную землю. Она и так истерзана и плачет кровью. Моя раненая душа не обретет на ней покоя. Если бы наши земли были освобождены, я бы поехала в родные края, посетила бы дорогие сердцу места, могилы предков и умерла бы там. А сейчас… Куда мне ехать? Там и без меня хватает таких, как я – без дома, без крова. Зачем мне быть в тягость им? Нет, не суждено мне увидеть родину. Я уже привыкла к чужбине. Вот и сыночек Руслан тоже не сегодня-завтра покинет меня. После него мне еще тяжелее будет жить. Да и нет у меня такого желания. Зачем жить так долго? Мне кажется, что я существую уже миллион лет.

Я хотел у нее еще о чем-то спросить, но на этот раз она меня опередила:

– Наверное, у нас там есть Аллея шехидов?

– Да, сейчас во всех уголках Азербайджана есть Аллеи шехидов. Могил у нас нынче больше, чем всего остального.

Женщина тяжело вздохнула:

– Да упокоит Аллах их души! – сказала она. – Они никак не обретут покоя. Пока не будут отмщены, так и будут блуждать… Если так продолжится, земля под вашими ногами воспламенится и превратится в пепел.

Немного помолчав, Саида подошла к кровати и, вытащив из-под подушки какой-то маленький узелок, протянула его мне:

– Это земля с могилы моего сына Руслана. Прошу тебя, развей её по могилам шехидов. Пусть возрадуются души тех, кто погиб на чужбине.

Она хотела еще что-то добавить, но передумала.

Я положил узелок с землей в карман и, прощаясь, ещё раз внимательно посмотрел на Саиду. За эти два дня она стала мне родной. Мне трудно было расставаться с ней. Я почему-то почувствовал именно себя виновным во всех ее страданиях, в потере наших земель…

На улице дул сильный ветер. Холод снаружи и боль души, объединившись, сотрясали мое тело. Я уже достаточно далеко отошел от дома, но решил обернуться и еще раз посмотреть назад.

Из окна, слегка отодвинув занавеску, Саида смотрела мне вслед и плакала…

***

Через год я снова приехал в Ставрополь.

Я не мог не вернуться, потому что каждый день думал о Саиде, о том, как вернуть её на родину. Мне было больно еще и из-за того, что я обещал этой несчастной женщине никому ничего не рассказывать о ней. Именно поэтому я и не мог решить проблему с её возвращением. Я знал, кто может нам помочь с этим, но слово, данное Саиде, связывало меня по рукам, я не имел права ничего делать без её ведома. Я знал, что ей это не понравится, поэтому ничего пока не предпринимал. Решил ещё раз попытаться её уговорить – именно с этой целью и приехал в Ставрополь в этот раз.

Шли последние дни декабря. Снега не было, но погода была на редкость холодной. Резкий северный ветер пронизывал до костей. По всей вероятности, должен был выпасть снег.

Я вновь приехал в деревню Надежда. При виде обветшалого, полуразрушенного дома Саиды мне стало не по себе, сердце сжалось от дурного предчувствия и острой жалости. Подойдя поближе, увидел заколоченные досками окна и дверь и замер на пороге. «Что здесь происходит?» – подумал я. Двор был устлан жухлой, гниющей листвой. Ветер гонял желтые листья во все стороны. Казалось, сюда долгие годы не ступала нога человека. Я немного постоял. «Интересно, где Саида? – подумал я. – Может, заболела, и Лариса забрала ее к себе? Ведь в мой последний визит Саида была очень слаба».

Я зашел в соседний двор и окликнул хозяйку. Вышла пожилая женщина. Я спросил у нее, где ее соседка. Женщина, кутаясь в шерстяную шаль, прищурила глаза и сказала: «Молодой человек, она же давно умерла!» Я не поверил ей – подумал, что старушка что-то путает. Показывая рукой на ветхий дом, уточнил: «Я имею в виду женщину, живущую в этом доме». Старушка приложила руку козырьком, посмотрела туда, куда я показывал. «Ну и я про неё говорю. Про сумасшедшую цыганку… она умерла несколько месяцев тому назад», – сказала она и перекрестилась.

Весть о смерти Саиды отозвалась в сердце острой болью, которая усугублялась ещё тем, что здесь Саиду считали сумасшедшей цыганкой. Я немного помолчал, а потом спросил у старухи, знает ли она, где здесь проживает женщина по имени Лариса. Женщина, широко разведя руки в стороны, улыбнулась: «Это очень большая деревня. Очень. И здесь живет очень много Ларис. Вас какая именно интересует?»

Я подумал, что в силу своего возраста старая женщина должна бы лучше знать деда Ларисы, офицера, и уточнил свой вопрос. Та сразу смекнула: «Ааа, так бы сразу и сказали – вы, наверное, ищете внучку Аркадия Полухина?!»

Я ответил утвердительно. Тогда женщина сообщила, что Полухины живут далеко отсюда, на самом конце деревни. С трудом отыскав дом, где жила Лариса, я постучался. Дверь мне открыл мужчина лет тридцати. Я сразу догадался, что это муж Ларисы Валерий.

– Кто вы? – спросил он, когда я сказал, что ищу Ларису.

Я представился и сказал, что ищу Саиду но, не найдя ее дома, решил разыскать Ларису. «Они были очень близки», – объяснил я.

Он оглядел меня и пригласил в дом. Немного помолчав, Валерий сообщил, что Лариса умерла от инфаркта два месяца назад. Заметив мою растерянность, добавил:

– Это было очень неожиданно. Ровно через два месяца после смерти Саиды, которая когда-то была сиделкой ее матери, скончалась и Лариса. Сердце не выдержало – она никак не могла смириться со смертью единственной дочери. – Потом посмотрел на меня и спросил: – Извините, а кем вам приходилась та женщина?

Я не сразу нашелся, что ответить. Но после минутной паузы твердо сказал:

– Она была моей сестрой…

Валерий покачал головой и вздохнул. Потом, осмотрев меня с ног до головы, спросил:

– Вы – цыган?

Догадавшись, что он задал этот вопрос, потому что Саиду все здесь считали цыганкой, я утвердительно кивнул головой. В то же время мне стало стыдно за свой внешний вид – недешевый костюм, сорочку, галстук. Ведь получалось, что при достаточно обеспеченном брате Саида жила, мягко говоря, не очень хорошо.

Я попросил Валерия показать мне могилу Саиды. Он согласился, и мы пошли на кладбище. Стоящие рядышком три могилы сразу привлекли мое внимание. Это были могилы Вали, Ларисы и Саиды. На всех трех красовались деревянные кресты.

Подойдя поближе, я убрал крест с могилы Саиды. Валерий удивился, но ничего не сказал. С болью в сердце я стоял перед маленьким надгробием и перед глазами оживало измученное лицо Саиды. Я вспоминал наш разговор ровно год назад. Как же тяжелы были эти воспоминания…

Возвращаясь с кладбища, мы повернули к дому Саиды. Валерий отодрал прибитые крест-накрест к окнам и двери доски, и мы вошли внутрь. Все здесь было так же, как и год назад, но ещё более обветшалым. Я поискал глазами ковер, который когда-то висел на стене и, не увидев его, спросил:

– Здесь ведь висел старый ковер?

Валерий с грустью ответил:

– Твоя сестра завещала, чтобы мы ее похоронили, завернув в него. Он был дорог ей как память... – Потом, словно вспомнив о чем-то, полез в карман. – Да, чуть было не забыл. Когда мы шли на кладбище, я захватил из дома вот это, – сказал он, протягивая мне мятый конверт. – Твоя сестра перед смертью просила Ларису передать это кому-то. Думаю, она имела в виду тебя.

Взяв конверт, я спросил:

– У Саиды была собака. А с ней что стало?

– Собака сдохла раньше. Лариса рассказывала мне, как бедная Саида тяжело переживала её смерть, очень тосковала, когда её не стало. Но точно не могу сказать, когда это случилось. Одно знаю – когда хоронили Саиду, в доме собаки не было.

Я остался у Валерия на ночь. Мы проговорили с ним до утра. Я рассказал ему всю историю жизни Саиды. Ночью я открыл конверт и прочитал письмо, написанное на старом листке бумаги: «Я знаю, что вы когда-нибудь вернетесь. Но чувствую, что мы больше не встретимся. Наконец ко мне придёт смерть, которую я так давно ждала, о которой мечтала все эти годы. Она будет лучшим даром и милостью Всевышнего… …Теперь я хочу вернуться. Если можете, заберите меня на родину. Похороните, где угодно. Лишь бы мое тело и дух воссоединились с родной землей…

Саида. 21 декабря, 1998 год».

Я остался в Ставрополе еще на три дня и подготовил все, чтобы перевезти останки Саиды на Родину. В этом мне очень помог Валерий и его тесть Аркадий Полухин. Они были со мной до самого отъезда и проводили до аэропорта.

… В тот день шел сильный снег. Холодный северный ветер путал мои и без того хаотичные мысли. Во время взлета самолета я ощутил непонятную тяжесть в душе. Словно нёс в себе какой-то тяжелый груз. Когда мы пересекли воздушную границу родины, случилось нечто очень странное. Из багажного отсека в салон самолета просочилось и тут же исчезло какое-то облачко фиолетового цвета. Все испуганно переглянулись. Я тоже встревожился, но потом успокоился, найдя этому необычному явлению своё объяснение – наверняка, это был дух Саиды, наконец-то воссоединившийся с родной землей…

Мейхош Абдуллах

Родился 2 февраля 1962 года в селе Халилабад Джалилабадского района Азербайджанской Республики.

С 1980 года выступает в периодической печати с рассказами, стихами и публицистическими произведениями.

Член Союза Писателей Азербайджана, автор книг «Доктор Газанфар», «Блуждающие духи», «Алагёз», «Смех дьявола», «Охота на Анаконду», «Женщина, в чью дверь стучат ночью».

Автор ряда рассказов и повестей на тему Карабахской войны. «Пленница» – это первый роман на данную тему и первая книга автора, переведенная на русский язык.

АФАГ РАФИГ ГЫЗЫ

АЗЕРБАЙДЖАН

Я – азери! Я дочь страны огней.
Из недр зарождается здесь пламя.
И так же, как горит оно веками,
Любовь горит к земле в душе моей.
Я женщина, чьей родины истоки
В глубокой древности освещены Умай.
Во мне Куры неистовой потоки,
Мы сефевидов гордые потомки!
Азербайджан, благословенный край!

Ты дорог сердцу, дивный древний дом,
Горами опоясан гордый стан.
Раскинулся узорчатым ковром,
Ты – доблестью написанный дастан,
И каждый век вписал свою страницу,
Потомкам оставляя память в дар.
Нам дороги их имена и лица.
Как много видел ты, седой Хазар!

Всё начиналось там, где Гобустан
Людей в своих пещерах приютил.
И камень ожил и заговорил,
Знак подавая в будущее нам.
Я с трепетом касаюсь этих скал,
В рисунке каждом наших предков зов.
И мы храним, как пращур завещал,
К родной земле священную любовь.

Вот Томирис, царица массахедов.
Коварный враг устроил страшный пир,
Но одержала, мудрая, победу
И был повержен кровожадный Кир.
Как много было доблестных имён,
Что разрывали светом сети мглы.
Здесь не один для подвигов рожден,
И среди них – бесстрашный Кероглу.

Вот гызылбашей слышу грозный клич.
Шах Исмаил разит врага мечом,
А рядом с ним жена к плечу плечом,
Таджлы-бейим в воинственном величье.
О, женщины, вы мудрым, добрым светом
Звучанье грозных усмиряли струн.
Как помогали вовремя советом
Сара-Хатун и Момине-Хатун.

В творениях пером земля воспета –
Душа стихом рвалась из царства тьмы.
И что ни век, рождались здесь поэты:
И Мехсети, и гордый Низами.
И Физули красивые газели
Несут любовь сквозь годы и века.
Им не страшна забвения река,
Они о вечном непрестанно пели.

О, Насими, воспевший в людях Бога.
Ты – Солнце, и твоя нетленна лира,
В душе своей вместивший оба мира,
Ты Ангел откровенья, свет Востока.
А вот жемчужина, красавица Шуша,
Поэзии благословенный храм,
Любовью, грустью, радостью дыша,
Здесь вдохновенье черпала душа
Ашуг Пери, Вагифа, Натаван.
И здесь рожден, пространство сокруша,
Магический и сладостный мугам.

Идут века, уходят чередой,
Но доблесть остается неизменна:
Былым героям новые на смену
За родину с врагом вступают в бой.
Их имена у нас в сердцах звучат:
Альберт и Мубариз, и Алияр,
Алиага, Ареста, Худаяр.
И Джабраил, и Намик, и Полад.

И тысячи прославленных имён
Наш век вписал в историю страны,
И, жизнь отдав в боях святой войны,
Взошли Шехиды на бессмертья трон.
И знаем, что без доблестных сынов
Мы наши земли не могли б вернуть.
Но указать к победе верный путь
Лишь только полководец мудрый мог.
Ты жить, Ильхам, останешься в веках,
Пусть дорогой ценой пришла победа.
Ты подарил народу счастье это,
И снова к нам вернулся Карабах.

Прекрасно всё у Родины моей.
Здесь светом дышит каждый уголок.
И с древности до наших славных дней
Танры благословил нас и берёг.
Пусть говорят, что всё на свете бренно,
Но Башня Девичья поведает иное.
Так будь же, Родина моя, благословенна!
Пусть вечно Небо твой хранит покой,
Горит огонь, Хазар шумит волной...

***

Не люди, скалы – матери, отцы,
Чьи сыновья сегодня в рай взлетели,
Где ангелы, склонясь, им славу пели,
Надев бессмертия священные венцы,

Какою силой надо обладать,
Чтобы, встречая сыновей-шехидов,
Не биться оземь – с гордостью сказать:
– Они во имя Родины убиты.

И стиснув зубы, души и сердца,
Не показать, как ВСЁ от боли стынет.
И выстоять у гроба до конца,
Навеки с милым расставаясь сыном.

Мне слез благоговейных не сдержать.
Я вместе с каждым проживаю муки.
Склоняю голову, целую ваши руки...
Молю Аллаха вам терпенья дать...

***

Поладу Хашимову

Приходим мы, проходим и уходим.
Кого то помнят, кто-то канет в Лету.
Таких, как ты, веками чтим и помним.
Смотри, Полад, уже близка Победа!

Да, ты погиб, но это ль не бессмертье?!
Ты в каждом сердце, в каждом доме ныне.
Твоё с любовью произносят имя,
Которое останется в столетьях.

И пусть убийца захлебнётся злобой.
Смотри, как бьются доблестно солдаты,
С которыми ты хлеб делил в окопе.
Не генералом – другом был и братом,

Нам очень горько сознавать потерю,
Но было в том твое предназначенье.
Нет, мы не сникли, лишь окрепла вера.
И смерть твоя – начало возрожденья.

Подобно лаве спящего вулкана,
Мы пробудились, кончилось терпенье.
Погиб герой, нам подарив прозренье,
И ожила душа Азербайджана.

Страна, где в недрах зародилось пламя,
Что символом для нас священным стало,
Жива горящими и гордыми сердцами –
От рядовых солдат до генерала!

***

О, как ты сладок, вкус Победы,
И гордости и славы мёд.
В бой за тебя солдат идет,
Хоть смерть раставила тенета.

О, как ты горек, вкус Победы,
И за тобою шлейф кровавый.
Кому триумф, кому-то беды.
Да, радость ты, но и отрава.

О, как ты солон, вкус Победы,
И слёзы сердце рвут на части.
Мне довелось его отведать –
Коктейль восторга, боли, счастья...

***

И страшно то, что это нам не снится,
И за окном не сорок первый год.
А зло гремит в кровавой колеснице,
И снова бой, священный бой идет.

Но боже, как прекрасен мой народ!!!
И веря в нашу скорую победу,
Он, сильный духом, не сдаваясь бедам,
Плечом к плечу несломленный идет.

Трусливо отступает вражья рать,
И слёзы гордости и радости из глаз.
Мы будем помнить каждого из вас,
Кто землю возвращал за пядью пядь.

Пирует смерть, когда снаряды рвутся.
Но в вашей смерти высший смысл есть:
Вы возвращаете всему народу честь,
И ваши души к небу вознесутся.

***

Нет, Шехиды никогда не гибнут,
Вознесясь над нами светлым строем,
Вы живете в синеве небесной.
И за каждым подвиг, все – герои!!!
Худаяр для нас остался песней,
Что звучит в сердцах, подобно гимну.
Нет, Шехиды никогда не гибнут!
Вы ушли, и всё же с нами рядом!
Слезы гордости и скорби душат.
Узнаём вас по лучистым взглядам,
Каждый барельефом врезан в души.

***

Ильхаму Алиеву

Сегодня мы натянуты струной,
И каждый день победу нам несет.
С своим народом слился ты душой,
И он любовь сторицей отдает.

Ты дал нам эту радость испытать
И честь вернул великому народу,
Который рану в сердце нес все годы
И мог об этом только лишь мечтать.

Я – женщина, взрастившая дитя,
И у меня в душе любви порывы.
Мне радость не несут снарядов взрывы,
Мне страшно, что ракеты долетят,

Мне больно знать, что умирают дети,
Я плачу с каждой матерью шехидов.
Хоть больно видеть мраморные плиты,
Увы, без крови не бывать победе.

К ней хочет каждый быть сейчас причастен.
И фронт, и тыл слились в одном дыханьи.
И это ли не истинное счастье –
Пройти достойно вместе испытанье!

Залечим раны, города отстроим,
Чтоб карабахские сады для нас цвели.
Теперь ты вписан золотом в историю.
Наш путь один: ИЛЬХАМЛА ИРЕЛИ!!!

***

В пяти часах, совсем недалеко,
Снаряды рвутся, и свистят ракеты.
Да, мы сильны, и всё же нелегко
Даётся нам желанная победа.

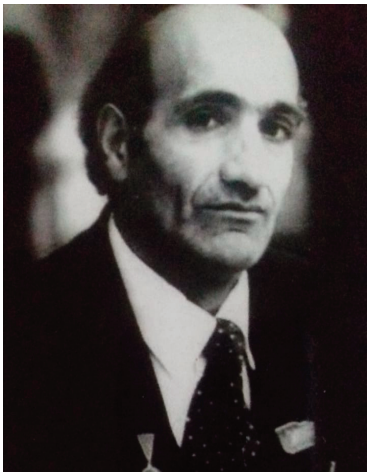
И снова ночь, и снова мне не спится.
Там, в темноте, идут бои в горах,
И снова кровь солдата будет литься.
Ты помоги ребятам, Карабах!

Да, тяжело идти по серпантину
Сквозь визг снарядов двигаясь вперед.
Но как же вы нужны сейчас Лачину.
Он задыхается в плену который год.

В обрывках сна мне сердце не унять.
И я, как женщина, всем сердцем понимаю,
Что чувствует сейчас солдата мать,
И перед нею голову склоняю.

САДЫГ ХАНАЛИЕВ – 85

ПОДВИЖНИК ЛИТЕРАТУРЫ



Садыг Ханалиев, которому 8 марта этого года исполняется 85 лет, настоящий пример искреннего и преданного своей большой и малой Родине азербайджанского поэта, учителя, интеллигента. Он родился, вырос и провел всю свою долгую жизнь в селении Бист Ордубадского района. Судьба не раз предоставляла ему шансы переехать в другие города, другие края, где, возможно, он получил бы большую арену действий, где можно развернуться во всю мощь. Однако, как говорит сам герой в посвященном ему телефильме «Dağlardan baxıram yer kürəsinə», «Селение Бист – для меня дороже любого края земли, я его очень люблю. Я мог бы уехать из села, но интеллигенты в селе нужнее, важнее. В городе много ученых, академиков, интеллигентов. Но важно, чтобы часть интеллигенции оставалась в селе и имела возможность преподавать сельским детям». После школы Садыг Ханалиев продолжил свое образование в техникуме и даже недолгое время работал агрономом. Но любовь к поэзии и слову взяла верх: молодой поэт в 1964-м году поступает на филологическое отделение Азербайджанского государственного университета, которое оканчивает в 1970-м году. Он много печатается как публицист и поэт в газетах, журналах и альманахах, его приглашают на различные должности, приглашают спецкором. Но наш герой отказывается ото всех предложений, возвращается в родное село работать учителем, и служит на этом священном посту ровно 55 лет, тем самым претворяя в жизнь мечту своей любимой матери.

Садыг Ханалиев признается, что вся его жизнь связана с книгами. Он является обладателем уникальной библиотеки. Поэт и публицист много встречался и писал о писателях, ученых, полководцах, космонавтах – героях тогдашнего Советского Союза. В знак благодарности автора одаривали книгами и фотографиями с автографами. Так и возник этот своеобразный уникальный Музей Литературы. Сам Садыг Ханалиев называет это свое собрание «мемуарной библиотекой», «кладезем знаний для жителей села и гостей». «Пусть у меня нет богатства, – говорит Садыг муаллим, – но эти книги для меня самое большое богатство, неиссякаемая казна».

На стихи Садыга Ханалиева написаны песни. Одно из его стихотворений в переводе Владимира Кафарова и Ильхама Бадалбейли – «Минуты как годы» – заинтересовало харьковского композитора Александра Щербакова. Плод совместных усилий вылился в песню, которую исполняли Алла Пугачева и Иосиф Кобзон. Азербайджанские композиторы тоже не обходили вниманием творчество Садыг муаллима. Народный артист Азербайджана, профессор Севда Ибрагимова написала на стихотворение «Ты в моем сердце» песню, которую исполняли ведущие национальные певцы.

Даже после выхода на пенсию Садыг Ханалиев продолжает работать спецкором столичной газеты «Интеллигенты века». Он называет труд – смыслом своей жизни, без чего жить не смог бы. Труд и дружбу.

Садыг Ханалиев – отец шести дочерей и одного сына, дед двадцати одного внука, прадед семи правнуков.

Пожелаем Садыг-муаллиму – настоящему азербайджанскому интеллигенту, отдавшему много сил и времени воспитанию нескольких поколений благодарных учеников – долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых книг.

Как хорошо, что есть в Отчизне Ты...

Гейдару АЛИЕВУ

Пускаясь в дальний или близкий путь,
Всегда берите родину с собой,
Равняясь на великую судьбу
Того, кто так любил край гордый свой.

Весь мир объездив с миссией своей –
Развеять козни темных вражьих сил –
Вернул Он солнце родине моей!
Ее у сердца Он всегда носил...

Тебе нет равных в вотчине любой –
Сын Божий, уникальный человек.
И не иссякнет в нас к Тебе любовь –
С народом и страною Ты навек!

Вспоминая тебя

Мирзе ИБРАГИМОВУ

В этот день распахнула мне дверь твоя дочь,
Я увидел –
вот-вот слезы хлынут из глаз...
Долго-долго не мог я себя превозмочь,
Чтоб слова утешенья найти в скорбный час.

Память вслед вопрошает:
«Мой друг, где же ты?..»
Изорвала в клочки мое сердце тоска.
Как с потерей мне жить?
Целый мир стал пустым,
Лишь печаль поселилась в душе на века.

Сколько раз я по этим ступеням всходил
В ожидании встречи желанной с тобой...
Память мне сохранит незабвенные дни,
Но уже не взойдешь ты по лестнице той.

Вспоминаю о встрече последней, когда
Ты сказал:
«Я, пожалуй, уеду в село...»
Словно миг пронеслись наши дни и года,
Но сегодня былое опять ожило.

Ведь хранят твои чувства и мысли листы,
Что Отчизне перо завещало твое,
И пока это солнце глядит с высоты,
Не забудет наш мир об устаде своем!..

Мой Солдат

Сыну Али

Ах, сбылась мечта моя:
В новой форме мальчик мой.
Радуюсь-тревожусь я:
Стал солдатом мальчик мой!

У границ Отчизны встав,
Их храни, как честь свою.
Даже к матери припав,
Помни: ты всегда в строю!

Сколько жен и матерей
В черном то́мятся плену...
Ночь над родиной развей –
К сердцу я тебя прижму!

И шушинки сотни роз
Бросят под ноги тебе,
Не скрывая светлых слез –
Победившему в борьбе!

Перебей хребет врагу,
Пусть победы марш звучит
Над Лачином, над Баку –
Сын мой, воин мой, джигит!

Знаю я: да будет так –
Вновь над целою страной
Затрепещет гордый флаг,
Водрузит его сын мой!

И повержен будет враг
Мощью воинской твоей –
Сын мой, мальчик мой, солдат,
Ясный свет моих очей!

Завет сыновьям

Тяжек и грозен истории ход:
Горе на родину нашу спустилось.
Подлых врагов пусть могила возьмет!..
Сердце народа ожесточилось.

Боль Ходжалы, словно вопль души –
Плечи согнулись, виски побелели.
Где же герои дастанов, скажи?
Кто не сберег наши отчие земли?

По́лны долины безжизненных тел,
Хлынула кровь на равнины и горы.
В ужасе мать прижимает детей,
Нету лица на мужчинах от горя.

Сколько же враг обесчестил сестёр,
Сколько отважных мужей наших пало!..
Вороном черным крыла распростер,
Адом и пеплом земля наша стала.

Пусть же сыны наши в грозном строю
Явят нам мужество, честь и отвагу –
Да осеняет героев в бою
Гордое пламя трехцветного флага!

Незабываемой

Коль милая забудет обо мне,
Рассыплюсь прахом,
стану пеплом, тленом!
Все думы, чувства только лишь о ней –
Без Солнца своего не жить Вселенной.

Ну подскажи, как мне тебя забыть?..
Вот ты ушла –
и я низвергнут в бездну,
Истерзан раскаленным я железом!
Скажи мне, как смогу тебя забыть?

Смеющийся я вижу взгляд во сне,
Краса моя, соперница луне,
Готов признаться прямо и смиренно:
Живу тобой, и ты живешь во мне!

Когда мне рук не удержать твоих –
Меджнуна сердце встанет в тот же миг,
И если вдруг забудешь ты о нас –
Я хладным камнем стану в тот же час!

Однажды этот мир покину я,
И заплетет трава могильный камень...
Но, опаляя целый мир лучами,
Любовь восстанет из небытия!

Переводы Алины ТАЛЫБОВОЙ

Гадалке

Мне поведала все ты, что было со мной...
Я застыл изумленный, не смея дышать.
Приглянулась ты мне своей скромной красой –
В этих милых чертах узнаю свою мать.

Ты, волшебница, видишь сокрытый удел,
Так поведай о горе родной стороны:
Почему же враги оказались у дел
И творили бесчестье, не зная вины?!

Расскажи, кто Шушу проиграл за гроши,
Кяльбяджар и Лачин за бесценок продал?
Кто устроил капкан для народной души,
Кто врагу улыбнулся и руку пожал?..

Мое горе

Горе, горе жжет в груди,
Горю нету исцеленья,
Даже если все врачи
Обещают избавленье.

Это боль по Ходжалы
Мое сердце искромсала,
Словно в грудь мою вошло
Полное отравы жало.

Если край родной назад
Возвратить не сможем мы,
То покажется, что ад
Лучше вражеской чумы.

Это горе заведет
В пропасть, что сродни могиле.
Сердце, может, отдохнет
В тишине могилы стылой...

Переводы Ниджата МАМЕДОВА

К 75-ЛЕТИЮ СЕЙРАНА САХАВЕТА

СЕЙРАН САХАВЕТ

Лейли-Меджнун» и заведующий фермой

Рассказ

Перевод Ханлара ЗИЯЗАДЕ

Минуло всего сорок дней со дня смерти Сталина. Миллионы платков испробовали соленый вкус слез. Безграничное пространство Союза Советских Социалистических Республик напоминало огромный сиротский дом с детсадовским уклоном – а может, и не напоминало, а и было таковым.

У недостигшего совершеннолетия большого и разномастного народа умер отец – остаться без отца очень плохо. С этой точки зрения Сталина можно считать самым многодетным отцом мира.

Дети остались без опеки. Не прошло и пятидесяти лет после этого, как в стране Сталина заухали совы, все разрушилось – разрушился и его Союз.

Некоторые из шедших по весне на солончаки баранов съедали пропитанные солью платки, и уже к утру мозг их окончательно разъедался этой солью. Ну, а хозяева тех платков не могли ничего найти, чтоб утром высморкаться …

Я хорошо помню то время, мне было семь лет – я был взрослым мужчиной. Мне казалось, что весь советский народ, так же, как и у нас в деревне, расцарапывая и разбивая себе лица и головы, громко рыдая, кричит, причем на нашем языке:

– Эх, Отец, на кого ты оставил нас, о-о-о-о-о-ой!.. Ох, Отец!.. Эх, Отец!.. Ох, Отец!..

Вообще-то он был не Отцом, он был Дедом. После Ленина Сталин был нашим вторым Дедушкой, но мы не знали, кому он был Дедушкой со стороны отца, а кому – со стороны матери…

...В самый последний день первой весны, пришедшей в страну после Великого осиротения, заведующий колхозной фермой Фамиль, прихватив жену Нису, отправился в Баку.

***

Фамиль не был знаком ни с одной из тридцати двух букв алфавита – он и не смог бы узнать их, некому было познакомить их, но во второй мировой войне он воевал за Сталина. Ему не довелось учиться в средней школе, но зато была школа войны, и ее, пусть и не с «отличием», он окончил живым и здоровым.

С первого дня войны, когда Фамиль, закинув на плечо сотканный бабушкой хурджун, отправился выяснять отношения с Гитлером, вплоть до возвращения домой, в душе он всегда разговаривал с Нисой, и эти его разговоры можно было бы принять за ежедневные ненаписанные письма Нисе.

В тот день, когда Фамиль вернулся с фронта домой, он твердо уверовал в то, что, не пойди он воевать, советский народ никогда не смог бы одержать победу над фашизмом…

Он женился за три года до войны. Когда он уходил на фронт, у него был один сын – один сын за три года тоже неплохой результат.

Когда жители Йеддипара, одной из самых больших деревень Гарабаха, разговорятся, даже сегодня, на семнадцатом году двадцать первого века они с упоением рассказывают историю любви «Фамиля-Нисы», иногда добавляя свои фантазии, возвышая эту любовь до уровня легенды, передают легенду из поколения в поколение.

Поэтому со дня образования деревни Йеддипара и по сегодняшний день там имел место всего один случай расторжения брака. Старики говаривали, что из-за этого невиданного события вся деревня погрузилась в траур – будто бы произошло сильное землетрясение, и деревня превратилась в развалины, были убитые и раненые – вот так вот…

Двоюродный брат Фамиля рассказывал, что тот носил Нису на руках, надышаться на нее не мог, и если б он не стеснялся и не боялся людской молвы, то сам бы мыл посуду и стирал, месил тесто, пек в тендире хлеб, пахтал масло, прял на прялке, купал детей – не было б людей, он готов был стерпеть все это без вздоха сожаления…

Фамиль видел Баку два раза: первый раз – когда шел на войну, второй – когда возвращался с нее.

Тот Баку, что он видел, уходя на фронт, не приведи Господь увидеть никому – его сердце обливалось черной кровью, и Ниса, цвета этой самой крови, стояла у него перед глазами – с концов ее кос падали капли крови.

Баку, который он увидел, возвращаясь с фронта, дай Бог увидеть каждому… И его хурджун был с ним, хурджун, сотканный его бабушкой, настоящее произведение искусства, хурджун, что он носил на плече с начала войны до самого ее конца, в одном отделении – его пожитки, а в другом – голова Адольфа Гитлера… как вам такое… как бы то ни было, так казалось Фамилю; по правде говоря, и я тоже такого мнения…

На поездку в Баку Фамиля воодушевил и благословил его двоюродный брат, счетовод колхоза Аскер.

– Фамиль, долгих лет тебе, клянусь своим здоровьем, – он шлепнул себя по щеке, – прости Господи, напасти Имама Гусейна ничто по сравнению с тем, что я видел, давай езжай, езжай… сам все увидишь, родной…

Аскер только недавно вернулся из Баку. Они с любимцем деревни, шофером Машаллахом, ездили в столицу, чтобы пригнать для колхоза грузовую машину «полуторку», причем новехонькую. Встречали эту машину жители Йеддипара как праздник «Новруз» – вместе со всей живностью, с кошками и с собаками, все собрались вокруг этой машины. Ну, а шофер Гара Машаллах стал в глазах жителей первым парнем на деревне; теперь для жителей деревни уважение и почет к нему были даже намного выше уважения и почета к изобретателю этой машины; все видели в нем действительного члена Академии Гордости этой деревни; и в то время это было священным правом Гара Машаллаха.

Не будь это временем, когда мир был чист, как саван, и непорочен, может, Гара Машаллаха и не уважали и не почитали на уровне Героя Советского Союза, и это чистая истина…

Дядя жены Аскера Салман киши работал «завхозом» – директором хозяйственной части в Азербайджанском Государственном Университете имени Сергея Мироновича Кирова в Баку – был уважаемым человеком. И зятя своего Аскера именно он отвел на оперу «Лейли-Меджнун», которая произвела на того такое впечатление, что из Баку до Йеддипара он добирался, то и дело пуская слезу, ругая отца Лейли до седьмого колена, но так и не успокоившись. В деревне он решил, что может облегчить душу, поделившись чувствами со своим двоюродным братом Фамилем, ему казалось, что Фамиль был главным специалистом в вопросах любви.

А Фамиль ночью, при свете керосиновой лампы, когда дети уже спали, изложил все, что услышал от Аскера, во всех мелких деталях Нисе – Ниса сокрушалась. Да и Фамиль не мог не высказаться; он выпотрошил весь род отца Лейли при Нисе. И Ниса не могла оставаться безразличной к этому выдающемуся произведению двух гениев – Мохаммеда Физули и Узеира Гаджибейли; она рыдала всю ночь до первых лучей солнца, оплакивая Лейли и Меджнуна, – утро она встретила, так и не сомкнув глаз…

У родника Аскерхана Ниса, растрогавшись и расчувствовавшись, горя негодованием, во всех деталях пересказала все услышанное ею от Фамиля женскому населению деревни – они тоже расчувствовались и растрогались, жар их негодования достиг небес, желание не отстать от Нисы сподвигло их также задать хорошую трепку отцу Лейли, не скупясь на всевозможные, я бы даже сказал, избыточные эпитеты…

На ферме Фамиль, также переполненный чувствами и эмоциями, расчувствовавшись и растрогавшись, собрал всех и с тем же жаром негодования в деталях пересказал, говоря современным языком, своим сослуживцам все услышанное от Аскера – они тоже растрогались, и жар их негодования окончательно подпалил небеса, и они, не желая оставаться в стороне, тоже задали трепку отцу Лейли, причем выражения здесь были намного жестче, чем у женщин, собравшихся у родника Аскерхана…

По дороге от родника Аскерхана женщины и девушки рассказывали всем, кого встречали, историю, услышанную от Нисы, и те, кто слышал их рассказ, как могли, да и как не могли, поносили последними словами отца Лейли, говорили о нем все, что могло, да и то, что не могло прийти им в голову.

Работники фермы также пересказывали все услышанное от Фамиля всем и каждому – и все, слышавшие их рассказ, как могли, да и как не могли, поносили последними словами отца Лейли, говорили о нем все, что могло, да и то, что не могло прийти им в голову. Говорят, что работающий пастухом на ферме Гадимали киши пошел еще дальше и при женщинах и детях обругал даже могилу отца Лейли.

Деревня Йеддипара, как говорится, была очень настойчивой в демонстрации своей независимой позиции в вопросе Лейли-Меджнуна. Дошло до того, что, не приведи Господь, если бы кто-нибудь из жителей деревни решил бы свести счеты с жизнью и покончить с собой (еще раз – не дай Бог!), для этого сейчас появился прекрасный шанс; очень просто, нужно было только выйти в центр деревни во время нахождения там всего населения и сказать: «Было бы у меня семь слепых дочерей, я ни одну из них не отдал бы за Меджнуна, он же натуральный безумец…», и все дела: его бы закидали камнями и разорвали бы надвое, как Азербайджан – в 1813 году…

Господи, насколько чист был этот мир во времена Фамиля-Нисы, как Глаза Младенца – а мы и не знали; потому не знали, что думали, мол, так и должно быть… О, наивные и доверчивые Божьи создания…

***

Дядя жены Аскера, Салман киши, очень душевно встретил Фамиля-Нису на железнодорожном вокзале Баку.

Покидая деревню, Фамиль сказал:

– Не беспокойся, Аскер, я не опозорю тебя перед родственниками твоей жены.

Рядом с ним Ниса, в кармане у него денег достаточно, хватит на расходы пяти мужикам; он собирался купить в Баку игрушек и гостинцев детям и отрез дорогой ткани для Аскера и его жены, учительницы Зарифы, пошьют и будут носить.

Ну, и купе в вагоне было заполнено: завернутый в мадаполам двадцатикилограммовый барашек, один бидон домашнего масла, деревенские сливки, сельдерей, трава мокрица, щавель, серебрянка, чертополох, папоротник, мать и мачеха, горох, хлеб из тендира, и еще… еще…

Деревня всегда вот так оказывала уважение городу. Йеддипара всегда, даже в самые тяготные моменты войны, была деревней хлебосольной. В голодные-холодные времена многие из высокогорных районов искали помощи в этой деревне, находили здесь прибежище, и в итоге превращались в йеддипаринцев, становились их частью…

Ниса прихорашивалась перед большим зеркалом в спальной комнате в квартире Салмана киши на четвертом этаже. Закончив одеваться, в самом конце, она надела свой бешмет. Не знаю, с какой стороны она бы на себя ни смотрела, все ей нравилось – она даже покрутилась перед зеркалом и огорченно подумала: «В такой деревне, как наша, со всем ее достатком, нет даже одного простого зеркала, чтоб хоть раз в сто лет можно было посмотреться в него. Скажу Фамилю, чтоб перед отъездом купил одно зеркало, отнесу его к роднику Аскерхана, чтоб женщины могли смотреть на себя. Если я попрошу, он купит…»

У сшитого из натурального китайского бархата архалука (короткого бешмета) и воротник, и манишка были расшиты вручную – орнамент вышивки притягивал взгляд. Вшитые в подол и рукава серебряные монеты заметно увеличивали вес архалука – делали его тяжелее. Этот архалук был таким же тяжелым и сверкающим, как увешанные орденами и медалями кители ветеранов, выходящих в наши дни на военные парады по случаю дня Победы Девятого Мая. Этот архалук Нисе через три дня после их свадьбы – то бишь, на отводину (три дня после свадьбы), вручила ее свекровь, как дар невесте. Говорят, что и свекрови Нисы этот архалук в свою очередь тоже достался в подарок от ее свекрови. У Нисы было несколько архалуков – и все на выход – один краше другого; но она намеренно выбрала черный – строгий, ведь она приехала не столько ради того, чтоб посмотреть и послушать оперу «Лейли и Меджнун», а, скорее, как на поминки, на оплакивание несчастных. Большой, черный, с вышитыми краями платок Ниса положила в карман архалука еще дома в деревне – она хорошо знала свой характер… знала, что выплачет все глаза…

Ниса надела на голову сшитую из черного китайского бархата, украшенную золотыми николаевскими червонцами 1898 года чеканки шапочку и забросила косы на спину. На секунду взглянув на себя и оставшись довольной, она надела свое украшенное блестяшими бусами ожерелье с золотым полумесяцем, серьги тоже заняли свое место. Она очень понравилась самой себе – так же, как она нравилась Фамилю…

Как они и условились заранее, Ниса постучала в дверь изнутри – тем самым говоря, мол, я готова – она и так задерживалась больше, чем на полчаса.

Фамилю, чтоб одеться, потребовалось времени совсем ничего; он натянул на себя брюки, носящие имя французского генерала Галифе, перетянул пояс офицерским ремнем и, надев на себя привезенный им с войны и предназначавшийся для особых случаев китель под цвет брюк галифе, застегнул все его золотистые пуговицы.

Два дня назад, отправляясь за билетами, Салман киши спросил не у Фамиля, а у Нисы, какие места они предпочитают. Это удивило Нису: «Что он, не спросив у Фамиля, спрашивает у меня?» Когда Салман киши, повернувшись лицом к Нисе, спросил во второй раз, она ответила:

– Дядя Салман, пусть будут такие места, откуда я могла бы их видеть сблизи…

– Они, это кто?

– Я говорю о Лейли и Междуне, да… этих несчастных…

Ну, и Салман киши купил билеты в первый ряд.

***

В зале было шумно: если б туда залетел рой мух и хором зажужжал, не было бы слышно ни одной из них. Нису немного раздражали разговаривающие и смеющиеся зрители: «Что за люди, сестрица, они что, на свадьбу пришли… было б к добру…»

Салман киши с манерностью, которую Фамиль не упустил из вида, снял шапку и положил ее себе на колено. Фамиль повторил то же самое – он снял свою праздничную каракулевую папаху и положил на колено, еще немного придвинул ее ближе к себе, как бы укладывая папаху поудобней.

Вскоре после того, как заполнился зал, погас свет. Если бы сейчас внутрь залетела одна муха из того роя, ее жужжание было бы слышно всем.

Темнота словно просачивалась из-под пола: она заполнила зал и, казалось, вытекает наружу сквозь закрытые окна и двери. Тьма была как густая грязь, и Ниса, со сжавшимся сердцем, хлопая глазами, вначале ощутила эту густоту ресницами, затем почувствовала ее сцепившимися в замок кистями рук. Поднялся занавес; как только в зале стало светлее, Ниса посмотрела на свои руки, потом прикоснулась пальцами к ресницам, как бы успокаивая себя.

Спектакль начался. Ну, а Ниса начала вскоре после начала спектакля – выплакивать глаза. Её соленые, чистые слезы впитывались в платок, исчезали, не теряя своей солености.

Если бы один из баранов, пасшихся на солончаках в начале весны, зашел сейчас в театр Оперы и Балета и, вырвав из рук Нисы ее черный платок, съел бы его, то через пять-шесть часов он обезумел бы от разъевшей его мозг соли, и бродячие собаки, околачивающиеся вокруг этого храма искусства, хорошо «попировали» бы за счет Лейли и Меджнуна.

Однако ни один из этих баранов не зашел в театр Оперы и Балета и не вырвал из рук Нисы ее черный, мокрый, соленый платок, и не съел его, и через пять-шесть часов после окончания спектакля не обезумел, и бродячим собакам, околачивающимеся вокруг этого храма исскуства, не удалось хорошо «попировать» за счет Лейли и Меджнуна.

До окончания спектакля оставалось немного. Ниса, как прачка выжав черный платок, несколько раз осторожно встряхнула его, чтоб он просох. Но черный платок высох не раньше, чем слезы Нисы…

Ниса нашла возможность укорить и саму себя: надо было взять с собой полотенце или что нибудь в этом роде, черный платок не справится с таким горем. Затем, подумав, что у них в доме нет черных полотенец, она совсем отчаялась.

Комок гнева с кулак ребенка стиснул горло Нисы. Она непроизвольно, не переставая, поглаживала горло пальцами правой руки.

И Фамиль, по принципу сообщающихся сосудов в физике, был в таком же состоянии, что и Ниса. С одной только разницей, что Фамиль был мужским вариантом Нисы – не знаю, можно ли назвать это разницей…

***

Была жаркая пора страды в сельском хозяйстве, и поэтому во всем вагоне, кроме Нисы и Фамиля, было лишь пять-шесть пассажиров. В купе их было двое. Два стакана чая, что после отправления поезда им принесла бойкая, средних лет армянка-проводница, стали холодными, как лед.

Молчаливая пауза тоже превратилась в лед, им было холодно. Не найди Ниса возможности вымыть черный платок дома у Салмана киши, то сейчас на столе в ломаных, как солома, лучах заходящего солнца виднелось бы множество блесток размером с кончик иглы.

Нарушить это холодное молчание было не под силу одному человеку. Это молчание, как каменная стена между ними, не позволяло Нисе и Фамилю смотреть друг на друга – она глядела вниз, он – прямо. При необходимости Фамиль один стоил пятерых и сейчас эти «пятеро» захотели нарушить молчание:

– Ниса…

– Что?

– Да так, ничего…

Молчание даже не дрогнуло, и они снова потеряли друг друга, снова стена…

– Ниса…

– Что?

– Знаешь, что пришло мне в голову, – он посмотрел Нисе в глаза.

– Что пришло тебе в голову?

– Я вот думаю: через месяц-два сходим еще раз на «Лейли-Междун»…

– Председатель не разрешит.

Ниса посмотрела ему в глаза, но без всякой надежды.

– Разрешит… – ответил Фамиль уверенно, отчего безнадежность Нисы дрогнула.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Ниса так верила своему мужу, что устало сказала:

– Ну, скажи, чтоб и мы знали тогда…

Фамиль устроился поудобней, заворочавшись на месте:

– Председатель и в этот раз не хотел отпускать меня. Я сказал ему, не приведи Господь, что, мол, Ниса приболела, отвезу, покажу ее дохтору. После этого он смягчился, а до этого не хотел ничего слушать. Наверное, он будет справляться о тебе, когда мы увидимся, скажу ему, дохтор прописал разные лекарства, сказал, чтоб пила их, и чтоб приехали через месяц на очередное обследование.

Ниса улыбнулась, и ее улыбка растопила последние запрятавшиеся по углам и щелям осколки молчания:

– А-а-а… ну, тогда разрешит, – сказала она, – а ты постарайся, чтоб у тебя не было недостачи в плане по молоку, вот тогда никто тебе ничего и не скажет, да.

Опять повисло молчание, но они не подали виду, и оно снова отступило. Вдруг Ниса вскрикнула:

– Но Фамиль, ведь тогда никто не узнает, что мы ходили на «Лейли-Междуна», – и погрустнела, – если об этом узнает председатель…

– Ну и пусть узнает, что тут такого? Я скажу, что после слов дохтора у жены испортилось самочувствие, и я, чтоб взбодрить ее, сводил ее посмотреть «Лейли-Междун». Ты сама ничего не говорила женщинам? – он посмотрел ей в лицо.

– Нет… сказала, съезжу, вернусь, вот тогда все узнаете.

– Правильно… Так и расскажешь, что, мол, водил меня к дохтору… ну, а потом мы пошли на «Лейли-Междуна»… Надо, чтобы наши слова не расходились. Кроме Аскера никто не знает, ну, а он никому ни слова не скажет.

– Фамиль, а почему Междун не позволил своему другу… как же его звали?

– Послушай, женщина, да так же, как зовут сына Насиб-муаллима, Нофель.

– Аа… Ну вот, почему он не позволил Нофелю, пусть даже силой меча, пойти забрать Лейли и привезти, усадить ее у его очага… почему не разрешил?

– Ей-богу, сказать по правде, вот этого и я не сообразил, – с горечью признался Фамиль.

– Надо было тебе спросить у дяди Салмана… – с сожалением вздохнула Ниса, – городской человек – он бы знал.

– Ей-богу, и у меня было желание спросить, но почему-то я постеснялся…

– Фамиль…

– Что?

– В следующий раз, если мы приедем на «Лейли-Междун»… Как звали сына Насиб-муаллима? – она с ожиданием посмотрела в лицо мужу.

– Старшего звать Гейис…

– Как?

– Гейис.

– Что это за имя, а-а… в первый раз слышу? – удивилась она.

Фамилю представился удобный момент, он словно еще больше приосанился. Самое время показать свою образованность Нисе… Жена сама предоставила ему такую возможность.

– Насиб-муаллим – учитель литературы, поэтому он и назвал своего сына Гейис.

– И что с того, что он преподает литературу? – Ниса не понимала.

– А то, что… – тут он сделал легкую паузу, – а то, что он взял имя Гейис из книги «Лейли-Междун», вот что.

Ниса ошарашенно прикрыла рот рукой – наличие у мужа таких сведений пришлось ей так по сердцу, что лицо ее засветилось, как лампа-тридцатка в доме у председателя колхоза; но настоящая лампа-тридцатка была у нее в сердце, и яркий свет ее, пробиваясь, светил через ее лицо. Лампа-тридцатка вымолвила:

– А что, у Насиб-муаллима есть книга «Лейли-Междун»?

– Да… есть.

– А где он ее купил?

– В Севастополе.

Если бы Фамиль сказал, что он купил ее в Баку, Ниса пристала бы к нему с просьбой: «В следующий раз надо нам тоже купить», так что он запутал Нису.

– А то место, что ты назвал, оно далеко? – спросила Ниса.

– На другом конце света.

– А ты бывал там?

– Ну, а кто, по-твоему, выбил фашистов оттуда, ну, это были мы, конечно. А Насиб-муаллим сражался вместе со мной. Его сын Гейис одного возраста с Аязханом. А откуда, по-твоему, я знаю имя его сына? Он сам мне говорил, что взял имя сына из «Лейли-Междуна».

Рука Нисы опустилась ото рта; и следа не осталось от того елея, что разлился по ее сердцу минуту назад, будто несколько кошек собрались и слизали все масло. Лампа-тридцатка, мерцая, погасла – обе лампы погасли… и как только погасли эти лампы-тридцатки, Фамиль сказал:

– Послушай…

– Что?

– Послушай, вот уж два дня, как ты вся измучила себя из-за этого Междуна… а ты хоть знаешь, как его настоящее имя?

– Чье?

– Ну, ради кого ты убиваешься? Я говорю о Междуне… Ты знаешь, какое у него настоящее имя?

– Что это значит, настоящее имя? – Нисы заморгала.

– Имя, записанное у него в метрике (это слово он узнал в армии).

– Что такое «метрика»?

– Бумага о возрасте.

– Ну, Междун его имя, да…

– Нет, его настоящее имя в бумаге о возрасте – Гейс, Гейис.

Неожиданно Меджнун возник в их купе, их стало трое, повернувшись спиной к Фамилю, он встал прямо на месте той стены, что разделяла их, и стал буравить взглядом Нису.

«Интересно, если б тогда мой отец не уперся двумя ногами в один башмак своего обещания и не отдал бы меня Фамилю, и я ради него превратилась бы в мешок с костями и умерла, тогда, как и Междун рыдал и лил слезы над могилой у Лейли, и Фамиль истекал бы кровавыми слезами над моей могилой… Конечно же… он вонзив кинжал себе в живот, истекая кровью, упал бы там же, обняв мою могилу и испустил бы там же дух. Как же он дорог мне! Спасибо создателю за него»…

– Фамиль…

– Что?

– Фамиль, а кто написал «Лейли-Междун»?

Ниса была уверена в том, что Фамиль знает ответ на этот вопрос, не то в нынешнем настроении она никогда не спросила бы его об этом.

– Низами и Физули написали вместе … – он посмотрел в лицо Нисе. – А еще я где-то слышал, что и Самед Вургун помогал им, вроде бы… Втроем писали…

Ниса, довольная ответом своего мужа от земли до небес, или даже от Низами до Физули, от Физули до Самеда Вургуна, сказала:

– Фамиль, да не оставит Всевышний ради своего единства твоих детей без тебя – да и меня тоже.

– И тебе того же…

– Спасибо, храни тебя Господь.

Из ярко сверкающих, смеющихся глаз Нисы капало что-то, что прожигало ее колени сквозь одежду, кажется, лампа-тридцатка таяла, таяла, чтобы погаснуть – потому что так гореть было нельзя.

Она взяла Фамиля за руку и когда захотела погладить его ладонь, проводница, армянка средних лет, зашла в купе и сказала:

– Принести вам свежий чай, матах?

Рука Фамиля выпала из рук Нисы, и они в унисон произнесли:

– Нет, мы не не хотим.

Проводница ушла, оставив Нисе и Фамилю два остывших и холодных, как лед, полных стакана чая и заполненное ледяным молчанием купе.

Они одновременно уставились в пол и на самом краю этого ледяного молчания одновременно подняли головы и взглянули друг на друга, от их столкнувшихся взглядов летели искры:

– Да проклянет Господь всех злодеев!

После того, как они «благословили» армянку таким вот образом, они, ей-богу, в один и тот же момент отпили по глотку ледяного чая и положили стаканы на складной стол купе.

Если бы и вы видели их так близко, как я, то и вы бы замерли, прикрыв рты ладонями, это было настоящим чудом (настолько поразительным все это было).

Это чудо, схватив за шиворот, так встряхнуло меня, что мое перо так и осталось зажатым у меня в зубах…

И с этого момента ладонь, прикрывавшая рот, и рука начали усыхать.

«Муж и жена – одно целое» или «Созданы они из одного и того же праха» – все эти фразы избито ощущались на фоне того, что я наблюдал – это был божественный момент, небывалый и неповторимый … Да вы и сами ведь видели…

То, что я видел, не определяется «целым» и «прахом» – поверьте, чтобы порадовать Бога! Ибо это было Богу угодно, а посягать на это грех!!!

Поверьте в мои слова, а я-то давно уже поверил в легенды о «Нисе и Фамиле», которые парят крылато в Йеддипара, отворяя двери Истины…

– Ниса…

– Что?

– А кто тебе понравился больше всего?

– Дядя Салман… хороший человек…

Фамиль залился смехом:

– Я не имею в виду дядю Салмана, ну …

– Вот я не поняла, о чем ты говоришь?

– Ну, о «Лейли-Междуне», да.

– Аааа… ну так и скажи, да… Да упокоит Господь души этих двоих, – она прослезилась. – Пусть обителью их душ станут райские кущи, пусть земля им будет пухом…

– И больше ничего не добавишь? – удивился Фамиль. – Мы же разговариваем. Ведем беседу.

– ...

– ...

– А-а-а-а… Нофель хороший парень. Пусть хранит Господь его душу, Аллах един и во имя неделимости своей пусть хранит его для Междуна…

– Аминь…

– А мне стало жалко отца Междуна… этот несчастный не мог найти себе места от горя. А вот отца Лейли я терпеть не могу. Разлучил этих двух молодых влюбленных. Да чтоб Господь наказал его чесоткой и лишил его ногтей! Пусть Аллах подвергнет его лишениям и скинет его с престола Гордыни!

– Аминь!

– Фамиль…

– Что?

– Слушай, ай, Фамиль, знаешь, что вот прямо сейчас пришло мне в голову?

– И что-о-о?

– Ты сделаешь это, если я скажу?

– Я когда-нибудь заставлял тебя просить меня дважды? – спросил Фамиль с любовью и немного обиженно.

– Не-ет, не-ет… что ты… да падут на меня все несчастья.

– Почему же ты сомневаешься?

– Ты не обижайся… Знаешь, если ты не против, давай вначале доедем домой… да… а в следующую среду порежем три-четыре барашка и сделаем поминки по Лейли и Междуну, люди придут, поедят, помолятся за них, каждый скажет молитву, – она в упор посмотрела на Фамиля.

– Ну, мне больше нечего сказать. Веришь ли, клянусь душой Аязхана, я сам хотел тебе сказать об этом, но ты меня опередила, вот те на… у меня нет слов…

Не в первый раз совпадали их желания, и все же Фамиль был удивлен. Будь он писателем – то от удивления остался бы с открытым ртом.

– Ниса…

– Да? Что?

– Ты как будто читаешь мои мысли…

– Мне не впервой… – кокетливо ответила Ниса. – Ты часто говорил мне эти слова…

– Ну, у меня больше нет слов…

– А у меня к тебе есть.

– Говори…

– Не поверишь, вот смотри, клянусь душой Аязхана, я не могла избавиться от чувства, что если я не скажу о поминках, то это сделаешь ты. Просто у меня не хватило терпения, я тебя опередила.

– Ну совершенная правда… мы же с тобой – как один человек, дана.

– Да упокоит Господь душу твоего младшего брата.

– Упокоит Господь душу и твоего отца, – ответил Фамиль.

– Ох, Фамиль, спасибо тебе.

– И тебе спасибо.

Поезд своими железными подковами выбивал чечетку о железнодорожное полотно. Эта музыка очень нравилась Нисе-Фамилю, по дороге в Баку поезд, постукивая, нес их к «Лейли-Меджнуну», а сейчас с тем же постукиванием возвращал их к родному очагу. Хоть Ниса-Фамиль и отдалялись от Баку, они не отдалялись от Лейли-Меджнуна – и Лейли, и Меджнун были с ними, они ехали вместе с ними в гости в Йеддипара, а везли их Ниса-Фамиль – да и купе было четырехместное. Но почему-то проводница армянка никак не хотела замечать их, не принесла чай для Лейли-Меджнуна – может, поэтому два стакана чая стали ледяными, как могила Лейли и плач Меджнуна…

...И в намеченный день Ниса-Фамиль живые-живехонькие решили созвать гостей на поминки – да примет Всевышний…

– Ниса…

– Что такое?

– Я вот что подумал, – Фамиль выглядел, как сделавший открытие человек.

– Ну, что-о-о? – взгляд Нисы буравил Фамиля.

– Ну не знаю, э-э-э-э, ради бога… все в руках Господа, понимаешь, да… каждый день – это что-то новое. Слава величию Творца, я вот думаю, может, в этом месяце Всевышний даст милость душе отца Лейли, он изменит свое решение, и он скажет Междуну: можешь взять девушку, а-а-а? Ведь может так быть…

– А почему бы и нет? Вот, клянусь душою Аязхана, как раз хотела сказать, что пока этот сын осла не вернется на праведный путь, мы можем пять-шесть раз в год ходить на Лейли-Междуна, и однажды, как ты и говоришь, он так и сделает? …

– Почему бы и нет? Конечно же…

Эти двое от чистого сердца верили тому, что говорили друг другу, и, наверно, сильнее, чем вера в свои слова, была вера в торжество правды и справедливости.

– А может так быть, что уже через месяц, когда мы поедем, у них уже все наладится.

– Да услышит Господь твои слова, эх, Фамиль – тогда и нам не придется попусту мерить дороги.

– Дай Бог, не придется…

Если верить Нисе-Фамилю, выходит, что судьба Лейлы-Меджнуна в чем-то зависела от количества поездок этих двоих йеддипаринцев в Баку и обратно.

– Я вот думаю, Фамиль, может, как доберемся до дому, мне стоит сходить к Молле Махмуду, сказать, молла, мы дадим тебе хорошего барашка, если ты уговоришь отца Лейли… как ты думаешь? – она с такой надеждой взглянула на мужа, что, может, за все время, пока они жили вместе, она так никогда не смотрела на него.

– Да, было бы неплохо…да… но вот…

– Что вот?

– Но ведь Молла Махмуд не знаком с отцом Лейли…

– Ну, я поговорю с ним… все разложу по полочкам… скажу, что, мол, так и так…

– Да, вот так можно… И ты скажи ему, чтоб он уже закрыл тому рот так, чтоб он больше и не пикнул по этому поводу, вот! …

– Хорошо, скажу.

...И вот уже несколько лет Ниса-Фамиль ездили в Баку на встречу с Лейли-Меджнуном и оставались пленниками грусти и печали. В очередной раз, пролив очередной океан слез по поводу трагедии Лейли-Меджнуна, скорбные и печальные, они возвращались из Баку. Вдруг Фамиль сказал:

– Ай, Ниса, не ругай меня, но по-моему, как ты говорила, этот вьючный осел чуть смягчился, эээ.

– А что ему делать, Молла Махмуд так заговорил его, что… Ты что не видел, как у него заплетался язык?

– Видел… видел…

Оба говорили откровенную ложь; оба пытались утешить друг друга, и эти слова утешения были цвета лжи – красное утешение, красное-прекрасное утешение…

– Фамиль, ты знаешь, как я сказала?

– Как?

– Я сказала: Молла Махмуд, заклинаю тебя кровью, пролившейся из превратившихся в солому рук наказанного сына Али Абульфаза Аббаса, вот этой землей, на которую пролилась та кровь, сделай что-нибудь по этому поводу. А когда я упомянула хорошего барашка, глаза его засверкали, я поняла, что у Междуна все будет хорошо. Несчастная Лейли после этого успокоится наконец…

– А что в таком случае сказать о Междуне… – добавил Фамиль.

***

...С полудня село начало бурлить и постепенно с клокотанием закипать. Несмотря на свой мягкий характер, Фамиль был гордым, знающим себе цену мужчиной не робкого десятка. На свадьбу его первого сына Аязхана, света очей своих родителей, он пригласил из Баку известного певца-ханенде. Все село, принарядившись и прихорошившись, готовилось к свадьбе.

– Дай Бог здоровья Фамилю, посмотрите, кого он пригласил на свадьбу…

– Э-э-эх, если есть деньги, то… он может себе это позволить…

– Говорят, он дал обет…

– Да воздаст Всевышний тем, кто этого заслуживает…

Молва, раскинув крылья, носилась по всей деревне.

Это было время, когда Дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву только что указали на дверь. В оборот вошли новые деньги. Вот уж пять-шесть месяцев, как в деревню провели радио. Поговаривали, что в следующем году в село даже проведут электричество.

Ниса не могла нарадоваться, готова была пуститься в пляс.

От гордости Фамиля распирало, и он стал ростом с тысячелетиями возвышавшейся, как богатырь, напротив деревни Йеддипара горой Гарагузей.

Село Йеддипара никогда прежде не было наполнено такой спесью: не шутка, к ним в деревню на свадьбу пожаловал певец, выступающий по радио.

Самым большим семейством в этой деревне были Мурадханлы – и Фамиль был из их рода. Все в роду Мурадханлы имели голос: кто мог петь – пел, ну, а кто не мог, так просто напевал себе под нос.

Свадьба тихо-тихо набирала обороты; ну а, как говорится, тихо едешь – дальше будешь…

Занимавший по традиции самое главное место на свадьбе тамада, да еще и с хлыстом в руках, подошел к приехавшему из Баку певцу-ханенде и, наклонившись, да так, чтоб всем было слышно, сказал:

– У председателя нашего к тебе пожелание…

– Пожалуйста, слушаю, – улыбнулся ханенде.

Тамада тоже улыбнулся в ответ:

– Наш председатель говорит, чтобы ты спел «Сейгях Мирзагусейна», и если ему понравится, то он даст в дар пару ковров – один ковер «Три цветка», а другой с конем.

После этих слов приехавший из Баку высокий, статный, плечистый ханенде улыбнулся в свои тонкие усы и так, чтоб было слышно только нагаристу, шепотом сказал музыканту:

– Э-э-э, слышь, ты все это записывай, э-э, не криви рот, а то потом забудем…

Дело в том, что до просьбы председателя ханенде за один килим исполнил мугам «Чаргях» по заказу главного деревенского табунщика, которому так понравилось исполнение, что он посулил музыкантам дополнительно комплект...

Да еще и двоюродный брат Фамиля Аскер пообещал ему ковер за исполнение «Гарабах шикестеси» – ну, а теперь председатель, что ж…

Короче говоря, зазвучал «Мирза Гусейн», да так зазвучал, что гости рты разинули и, покачиваясь на своих местах, слушали и слушали. Ханенде так зажег зал, что до конца свадьбы гости должны были превратиться в громадную кучу пепла размером в стог сена. Пел он очень энергично и воинственно, и люди, вспыхнув, горели до самого конца, превратились в пепел, и в центре палатки нагромоздилась куча пепла размером со скирду. В финале «Мюбарриги» он заржал, как молодой жеребец, так заголосил, что весь тот стог пепла, заполнивший палатку, заколыхался, и народ опять возродился из пепла и рукоплескал ханенде до посинения ладоней.

Вспыхнувший и испепелившийся вместе с народом, а затем вновь возродившийся из пепла председатель колхоза, подняв вверх три пальца, закричал:

– Три ковра! Три ковра! Три ковра! – хоть его голос был слышен только ему самому, три пальца его руки, поднятые над головой, ясно объясняли, что он хотел сказать.

Жаль, невозможно описать пером, как пел ханенде, ведь как можно описать пение? Оно ведь не поддается описанию… Песню можно только спеть, и ее спел ханенде…

Люди захотели танцевать, поэтому ханенде с таристом отправились на второй этаж дома Фамиля попить чаю в гостевой комнате. Народ в этой деревне очень любил потанцевать, и если б люди не стеснялись, то могли бы плясать до утра, и для этого им было вполне достаточно черной зурны и еще нагары.

Самый счастливый отец на свете, Фамиль, тоже пил чай с приезжими гостями. Председатель колхоза танцевал танец «Айвагюлю».

Фамиль обратился к ханенде:

– Ягуб, а почему ты не поешь в роли Междуна?

– Да я бы спел, но это было бы неправильно, – ханенде улыбнулся.

– Почему же неправильно? – удивился Фамиль.

– Понимаешь, дорогой… Ты, наверно, знаешь, кто написал «Лейли-Меджнун».

– Отчего же не знаю… Написали Низами с Физули. Иногда им помогал Самед Вургун.

Ягуб, не выдержав, залился смехом, а когда пришел в себя, сказал:

– Написал Физули, – улыбаясь, ханенде покачал головой, – а музыку создал Узеир Гаджибеков… так что было бы неправильно…

– Ну почему же будет неправильно? – настойчивее прежнего спросил Фамиль.

– Сказать, почему? – Ягуб склонился ближе к нему.

– Говори…

– Если я выступлю в роли Меджнуна, то я так спою, что отец Лейли, проливая слезы ручьем, скажет, мол, халал тебе, забирай невесту. Тогда это нарушит всю работу Физули и Узеира Гаджибекова, они-то ведь написали все по-другому… Ну, а народ осудит меня за то, что вот, мол, он подвел своих ребят-земляков, Физули и Узеир Гаджибеков ведь оба родом из Агджабеди, свои люди, один из древнего, другой из нынешнего… да… вот так…

Фамиль спешно заговорил:

– А нельзя, чтоб ты всего разок стал Междуном, чтоб ее отец отдал дочку… ну, а затем опять уйдешь оттуда и не будешь петь.

– Пока что нельзя.

– Почему же?

– Правительство не пустит, скажут: вот вам и наш известный певец-ханенде – что ж теперь пенять на заведующего фермой…

Услышав слово «правительство», Фамиль резко замолчал и принял безнадежный вид.

Наутро после свадьбы вся деревня как будто опустела…

У Фамиля появилось желание рассказать об их разговоре с Ягубом Нисе, но затем он передумал, решил не говорить ей…

Вместо этого он лишил благословения того жертвенного барашка, что он подарил Молле Махмуду.

Ну, а свадебный шатер так быстро разобрали за ночь, что наутро от него не осталось и следа…

1 Апрель 2017 год

АНЕЛЯ ОРДУХАНОВА

«Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо…»

Все начинается с первой фразы. И на этот раз все, как всегда, начиналось с первой фразы.

«Разрешите познакомиться и пригласить вас на танец?»

Это было в далекие 80-е. Следуя веяниям времени, на Баилово открыли клуб «Для тех, кому за 30». Что-то вроде аналога современного брачного агентства, где взрослые тетеньки и дяденьки могли вживую удовлетворить свои матримониальные потребности. Уже не помню, кто официально числился организатором этой акции, но без комсомола там явно не обошлось. Потому что мне, как корреспонденту газеты «Молодежь Азербайджана», дали задание инкогнито проникнуть на очередное заседание клуба и написать материал об этом замечательном начинании, которое будет способствовать созданию новых семей и бурному демографическому росту в стране.

И вот я стою, прислонившись к стенке, и наблюдаю, как под модные шлягерные песенки кружатся в зале немногочисленные пары, а ведущий, полный лысоватый мужчина в спортивном костюме, подзадоривает остальных, так же, как я, жмущихся к стенкам, активнее включиться в процесс знакомств. И вдруг передо мной возникает симпатичный парень, который, на мой взгляд, и без этого клуба мог бы найти себе пару в любом другом месте, и произносит ту сакраментальную фразу (см. выше). Ну, я и подумала, мало ли что, может, человек просто стеснительный и страдает какими-то комплексами, раз пришел сюда, как раз познакомлюсь и соберу факты для статьи. А потом, когда мы разговорились во время танца, к нашему обоюдному разочарованию и сожалению выяснилось, что его, как и меня, прислали сюда написать материал для газеты «Ədəbbiyət və İncəsənət».

Короче, задание было сорвано, мы посмеялись и разошлись. Так произошло мое первое знакомство с Сейраном Сахаветом, о котором мы до сих не можем вспоминать без смеха.

А потом произошло наше второе, настоящее знакомство.

Наши редакции находились рядом, моя на 8-м этаже издательства «Азербайджан», его – на 9-м. Немудрено, что мы часто сталкивались то в коридорах, то в лифте, то в буфете. И однажды он остановил меня и снова произнес сакраментальную фразу.

«Не могла бы я перевести его рассказ с азербайджанского языка на русский», – спросил он.

Я согласилась. Рассказ мне понравился, и вскоре «Мешок картошки» был опубликован в «Молодежке». Так началась наша творческая дружба, которая продолжается не одно десятилетие.

За эти годы мы узнали друг друга ближе. Я познакомилась с его женой – красавицей Алмаз-ханым, он подружился с моим мужем, журналистом и поэтом Маисом Гаджиевым. Нет, мы не ходили друг к другу в гости, но иногда, во время встреч и телефонных разговоров, обсуждали не только творческие вопросы, но и делились своими личными проблемами, – работа, семья, дети, здоровье…

Я перевела немало его произведений, которые печатались то в газетах, то в журналах, то выходили отдельными книгами. Не буду перечислять их, для этого существует библиография. Хочу сказать о другом. О том, как я с интересом наблюдала эволюцию его прозы, в которой маленькие трагикомичные персонажи и реальные бытовые коллизии постепенно сменялись высокими трагичными образами, философским осмыслением жизни, глубоким пониманием таких понятий, как родная земля,

родина, настоящая любовь. О том, как постепенно складывался неповторимый сейрановский стиль повествования.

На мой взгляд, в основе настоящей художественной прозы всегда лежит поэзия. Тот факт, что свой литературный путь Сейран Сахавет начинал как поэт и даже выпустил в юности пару сборников стихов, четко ощущается в осознанной структуре и завораживающем ритме его прозы. Только поэт может работать со словом так, что оно в обычном тексте вдруг приобретает новое значение и начинает сверкать другими, не совсем обычными гранями…Он, как и Пастернак, занимается не изобретением слов, а их расстановкой, отсюда и возникает магия интонации, магия его прозы, под которую подпадает, в которую попадает и впадает читатель…

Вспоминаю, как на встрече Сейрана Сахавета с читателями в Союзе писателей Азербайджана мне, как переводчику его произведений, дали слово. В своем выступлении я сказала, что его творчество занимает особое место в современной азербайджанской прозе, а последний роман, «Иудейская азбука», настолько хорош, что достоин Нобелевской литературной премии. Жаль только, добавила я, что ни наш Союз писателей, ни какую-то другую организацию в стране этот вопрос не интересует. А всего-то нужно – перевести роман на английский, тем более, что русский перевод уже имеется. Не секрет, что в мире мало знают нашу литературу, культуру и искусство, и что пропаганда долмы, лаваша и «Сары гялин» эту брешь не закрывает, а наоборот, выставляет нас народом, которому нечем похвастаться перед интеллектуальной элитой Запада. Почему бы Нобелевскому комитету и потомкам братьев Нобель, в свое время учредивших эту премию на деньги, заработанные благодаря бакинской нефти, не обратить внимание на азербайджанских писателей?..

Ну да ладно, бог с ними, с этими братьями. Для них даже присуждение литературной премии уже давно превратилось в политику. И о двойных стандартах мы тоже наслышаны. Как сказал мой любимый поэт, отказавшийся от «нобелевки» за роман «Доктор Живаго»:

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.
Цель творчества самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех…

…Притчи, правда, бывают разные.

В прошлом году мне попался таксист-беженец из Физулинского района. По дороге разговорились. Он пожаловался на городское житье-бытье, сказал, что в селе у него был дом и хорошее хозяйство, а потом спросил, чем я занимаюсь. Я сказала, что переводами, и упомянула имя Сейрана Сахавета.

– Аааа, – оживился он и обрадованно обернулся ко мне, не выпуская из рук руль. – Знаю такого писателя. Он же мой земляк, наш, физулинский, мы все его любим и гордимся…Я даже читал его книги…

Он долго не хотел брать с меня денег за проезд, но я его все же уговорила. Случай этот забылся, Сейрану о нем я не рассказала.

Честно говоря, мне никогда не приходило в голову поинтересоваться у него, откуда он родом, из каких мест. Потому что все события и все герои, о которых он писал, могли быть родом откуда угодно – из любого азербайджанского села, или поселка, или городка…Но когда Президент страны и Главнокомандующий азербайджанской армии г-н Ильхам Алиев в ходе 44-дневной Отечественной войны сообщил,

что мы освободили Физули и Физулинский район, я вдруг вспомнила тот разговор с таксистом и того парня, который теперь радуется вместе со всем азербайджанским народом и испытывает чувство гордости и благодарности за то, что перестал быть беженцем и сможет вернуться на родные земли. И еще я порадовалась за своего друга и замечательного азербайджанского писателя Сейрана Сахавета, которого любят не только физулинцы.

Послесловие автора:

Меньше всего мне хотелось, чтобы мое маленькое эссе напоминало традиционную юбилейную статью, в которой официальным языком перечисляются все заслуги юбиляра перед народом и отечеством. Надеюсь, у меня получилось.

Сейрана Сахавета я, конечно же, поздравляю с 75-летием, желаю ему крепкого здоровья и долгих лет жизни. Но прошу его не забывать: 75 – это лучшая пора для создания новых рассказов и романов, которых с нетерпением ждут его читатели. В том числе и я.

ОКТАЙ МИР-КАСЫМ

Сеятель Здоровых Зёрен

Отстаивая какую-то важную идею, Он слегка втягивает голову в плечи, глаза его сверкают, и в таких случаях мне всегда кажется, что Он вот-вот начнёт разбрасывать вокруг себя огненные стрелы. При этом я уверен, что они никого не поранят, ибо Он ни капельки не агрессивен. Поскольку агрессивность – слишком примитивный штрих для той гармонии, что лежит в основе Его личности.

…Нет, Он неуступчив! Потому что Поэт! По рождению, по сути, по страсти и громадной силе духа. А если ты держишь в руке перо, то не можешь отступать: по той простой причине, что твоя стезя не простит предательства, и заветный сосуд, в котором содержится удивительное богатство – Вдохновение, опустеет.

И тогда – пиши пропало! Чем тогда прикажете заниматься? А?..И носить тебе тогда пожизненно звание «некогда внесенного в списки талантливых».

…Вообще-то я думаю, что если бы Он не был так глубоко погружён в литературную деятельность… Да, конечно у Него есть и другие интересы – семья, сад, музыка, с друзьями за столом посидеть и всякое другое. Но дело в том, что Он литературизирует все, что видит вокруг себя, включая и «всякое другое». Посмотрите на Него по телевизору, например. Все его интервью – это мощнейший поток метафоризма, каких-то диковинных словосочетаний, неологизмов, им же самим изобретенных. Одним словом, изысканное литературное «шоу». Или за столом: нет, чтобы аккуратно здоровья пожелать, поговорить о семейном счастье, об успехах в карьере! Ведь каждый, кто смотрит на него, поднявши бокал, с нетерпением ожидает именно этого, а не Его, скажем, заявления о том, что он родился (!)…в двух шагах от опочивальни Адама и Евы! (Это Он об Азыхской пещере так выразился)…

…Да! Так вот, если бы не литература, Он, я думаю, стал бы предсказателем будущего, или шаманом, или астрологом…А может, врачом-реаниматологом или сапёром. Потому как интуиция у Него «зверская» – одним взглядом он мог бы определять месторасположение взрывоопасных объектов.

…Вообще говоря, то, что для других мистика, для Него – так, просто более или менее усложненная форма материи. Ведь кто ещё умудрился бы напроситься в гости к Юсифу Самедоглу после его кончины? Если не верите, прочтите Его рассказ «Кенгуру».

…И не подумайте, ради Бога, ничего «такого». Я вас уверяю, что Он, как любой интеллигентный человек, прекрасно осведомлён обо всех – классических, авангардных, античных, новейших, марксистских, метафизических, западных, восточных – философских представлениях, касающихся факта конечности бытия, неотвратимости смерти и т.п…Memento mori, так сказать…Но проблема заключается в том, что Он просто не верит ни в «Memento», ни в «mori»… И ещё одна немаловажная деталь: в отличие от теперешних «Неодекадентов», размножающихся со скоростью, которой может позавидовать самая модернизированная птицефабрика, Он – Позитивист, Сеятель Здоровых Зёрен, Любитель Восхода Солнца. Его ценит и желает долгой счастливой жизни такое громадное количество людей на этой Земле, что Он ходит по ней, переполненный гигантской Энергией Любви! (Она же – Энергия Жизни).

…И не надо мне, пожалуйста, ничего объяснять про Франца Кафку, Иеронима Босха, Фридриха Ницше, Квентина Тарантино и Мишеля Нострадамуса!

Пространство и Время – позитивны. Материнское молоко – полезно для здоровья. Волга впадает в Каспийское море. Карабах – это Азербайджан!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АСТРОЛОГА:

Ханларов Сейран Аскер оглу. Год рождения – 1946, месяц – март, число – 23, час рождения – 13 00-14 00.

1.Данную личность с уверенностью можно отнести к категории людей счастливых и успешных. Все немалые удары судьбы были отражены за счёт и при помощи накопленных в прошлых жизнях Знаний и Зрелости Души.

2.Данную личность интересуют, в первую очередь, процессы. Выявлено также полное отсутствие материальных интересов и «вещизма». Основание: Стихия Земли находится практически на уровне нуля (0).

3.Стихия Воздуха присутствует с показателем (3), что свидетельствует о немалой коммуникабельности и ораторских способностях.

4.Стихия Воды – (3). Склонность к состраданию и способность дарить любовь.

5.Стихия Огня представлена в редчайшем объёме (11), что является безусловным свидетельством громадного таланта, творческого потенциала и духовности.

ХАЙАЛЕ ЭФЕНДИЕВА

Мир Сейрана Сахавета

Сейран Сахавет – писатель, внесший большой вклад в формирование литературно-художественной и социально-философской мысли в современной азербайджанской литературе. Его творчество играет роль надежного духовного моста между азербайджанской классической и современной прозой.

Сейран Сахавет – один из самых продуктивных творцов современной азербайджанской прозы. Произведения писателя переведены на русский, английский, французский, персидский и другие языки. Неповторимый личный стиль писателя, необычная манера письма, своеобразие, актуальность поставленных в произведе-

ниях проблем, глубокий гуманизм, философичность, психологическая глубина его творчества всегда привлекали внимание широкого круга читателей и литературно-научного сообщества, начиная с первых произведений и до сего дня. Разножанровая и многогранная работа Сейрана Сахавета, завоевавшего широкую читательскую аудиторию, признание и любовь в качестве поэта, прозаика, публициста и драматурга всегда находила пристальное внимание современной литературной критики.

В своем творчестве писатель освещает ретроспективу конкретных аспектов человеческой морали, создавая сложные человеческие образы, в разных жанрах прозы показывает типичные национальные и общечеловеческие темы и проблемы.

Сейран Сахавет – автор глубоких, наводящих на размышления романов, повестей и рассказов, отражающих красоту и богатство родного языка, дух народа. Его уникальный взгляд на мир, чуткое и уважительное отношение к Слову являются отличительными чертами писателя.

Еще во время его учебы на 5-м курсе факультета востоковедения АГУ, в 1970 году, была издана первая книга стихов молодого поэта «Острова», вызвавшая большой интерес у литературной общественности. Поэт, доктор филологических наук Гасым Гасымзаде в своей статье «Желаю удачи» в газете «Молодежь Азербайджана» высоко оценил талант юного Сейрана еще в студенческие годы и пожелал успехов молодому поэту. В той же статье автор дал Сейрану псевдоним «Сахавет». В 1977 году вышла в свет вторая книга стихов поэта – «Моя планета». Оба сборника были высоко оценены литературными критиками и охарактеризованы как новое слово в литературе. Однако как бы удачно ни складывалась поэтическая линия в творчестве молодого автора, именно проза, основанная на богатейшей литературной традиции, продемонстрировала неповторимость творчества Сейрана Сахавета.

Поэт Рамиз Ровшан, обогативший современную азербайджанскую поэзию новыми художественно-философскими образами, сказал о Сейране Сахавете: «С абсолютной искренностью признаюсь, что он был поэтом, который пугал меня, Сабира Рустамханлы и многих наших творческих друзей и сверстников. Но, к счастью поэтов и несчастью прозаиков, Сейран Сахавет перешел от поэзии к прозе».

Как-то Сейрана Сахавета спросили: «Вам не сложно было перейти от поэзии к прозе?». На что писатель ответил: «Если бы я ушел из области строительной инженерии и занялся прозой, это, конечно, было бы сложно, но почему это должно быть трудно сейчас? Материалом, основой поэзии, прозы, драмы и публицистики является слово. В этом плане ничего удивительного в переходах нет. Независимо от того, в какой сфере ты себя нашел, твоим строительным материалом, сырьем по-прежнему остается слово... Для меня переход от поэзии к прозе был подобен переходу от одного четверостишия к другому при написании стихотворения. Когда я писал стихи, я был очень молод, и то, что я писал, не было творчеством. Я просто копошился в мире литературы... Я ничего не писал до 1975 года. Думаю, что в то время своим молчанием служил литературе. Отойти в сторону, если не можешь создать красивое литературное произведение, – это тоже своего рода служение... Это требует такого же таланта, как и само писательство».

Как видно из интервью, Сейран Сахавет начал создавать прозаические произведения в 1975 году. Работая переводчиком в Иране, он написал свой первый рассказ «Все так думали» и отправил его в Баку для публикации. Рассказ опубликовали в юбилейном номере газеты «Литература и искусство», посвященном Узеир беку Гаджибейли. Рамиз Ровшан высоко оценил этот рассказ и сравнил Сейрана Сахавета со всемирно известным американским писателем Фолкнером. Эта история в некотором смысле автобиографична, дед автора, Бейлер-киши, и его современники – главные герои рассказа.

Этот рассказ дал название и первому сборнику рассказов писателя. В книгу, изданную в 1979 году в Баку, вошли рассказы «Все так думали», «Чайханщик Рашид»,

«Цветок алычи», «Свадебная песня», «Разделочная доска», «В мельничном жерле», «Машинист паровоза» и повесть «Боль». Эти произведения привлекают яркостью образов, автобиографическим содержанием, интересным решением морально-этических вопросов. Язык произведений такой же яркий и выразительный, как и разговорный народный, а стиль, сюжет и художественная структура естественны и просты.

Народный поэт, профессор Бахтияр Вахабзаде написал в газете «Литература и искусство» очень интересную рецензию на творчество Сейрана Сахавета под названием «Я прочел и был поражен» и высказал интересные взгляды на стилистические особенности писателя.

Основная тема рассказов Сейрана Сахавета – это процесс духовного очищения и роста, нравственного совершенствования, глубокого понимания и осознания своих грехов и ошибок.

Анализируя творчество Сейрана Сахавета, осознаешь, что позиция писателя тесно связана с Мирзой Алекбером Сабиром. Подобно великому Сабиру, Сейран Сахавет суров в критике отживших правил и норм. Сейран Сахавет успешно продолжает традицию характеристики литературного героя через его собственную речь, начатую великим Сабиром. Сабир видел путь к прогрессу и национальному пробуждению в овладении наукой и образованием, в росте самосознания и понимании хода мирового развития. Поэтому в творчестве М.А.Сабира важное место занимает осуждение старомодного отношения к школе, просвещению, науке, образованию.

К сожалению, эти проблемы сохраняют свою актуальность и в наши дни.

В 1987 году в Баку была издана книга Сейрана Сахавета «Тесная рубашка», в которую вошли повести «Тесная рубашка» и «Человек со светом в глазах». Интересны рассуждения автора. В «Тесной рубашке» он пишет: «Цвет человеческих глаз, как говорится, загадка: этот цвет никогда не выцветет. Иначе когда плакал бы черноглазый, его слезы были бы черными, когда плакал бы голубоглазый, его слезы были бы голубыми, а когда кареглазый, его слезы были бы карими!» Писатель пишет скептически, но не теряет веры: «Может быть, человеческий глаз имеет лишь один цвет, цвет света – мир...»

Повесть «Тесная рубашка» отличается несколько кинематографическим стилем – непринужденность, характеризующая повседневную жизнь. Это произведение основано на поляризации рождения и смерти и заставляет читателя задуматься о первозданных и вечных началах. А между этими двумя полюсами стоит проблема бесконечности. Вечная молодость жизни выражается в лице Рейхан. В ее образе писатель очень тонко показал всю красоту, душевную открытость, мудрость и дух народа. Рейхан – один из самых красивых женских образов в нашей прозе последнего времени.

В рассказе «Столетний мужчина» на фоне размышлений о судьбе человека, смысле жизни, неизбежности смерти писатель знакомит нас с разными эпизодами из жизни Бейлера. Перед глазами читателя встает образ столетнего отважного, сильного, достойного человека, чье сердце наполнено страданием. Смысл истории глубже и шире: морально-духовное наследие, оставленное предками, и верность молодых людей этим традициям... Главный герой повести, Бейлер-киши, прожил на этом свете ровно 99 лет. Он встречал в своей жизни хороших и плохих людей. Он помогал хорошим, но не гнал плохих, а старался их направить на верный путь. Исмаил оглу Бейлер «проводил» многих в родном селе. Жизнь этого старика, величественного, как гора, и чистого, как родник, – пример для подражания.

Сейран Сахавет – является также и автором драматургических произведений. По его пьесам были поставлены телевизионные спектакли «Машинист локомотива» (1977), «Что нам оставили» (1979), «Мешок картошки» (1981). Спектакль «Золотой поднос» был поставлен в 1988 году в Азербайджанском государственном академи-

ческом драматическом театре, спектакль «Бюст» в 1989 году в Ленкорани, спектакль «Мир за дверьми» в 1990 году в Государственном театре в Физули.

Философско-эстетической основой произведений писателя является поиск путей понимания Бога, человека и жизни. Вне зависимости от темы, к которой он обращается, он пытается найти пути решения всех проблем, опираясь на гуманизм.

Сейран Сахавет – талантливый прозаик, умеющий держать читателя и слушателя в напряжении.

Художественная проза Сейрана Сахавета с ее оптимистическим настроем, тонким лиризмом, тонким юмором, трагическими моментами и комическими ситуациями занимает особое место в полифонии современной прозы. Мастерски используя художественные средства юмора и сатиры, писатель поднимает совершенно серьезные социально-психологические и моральные проблемы. Глубокий и всеобъемлющий психологизм – основное качество повествовательности Сейрана Сахавета. В художественной прозе С.Сахавета широко отображены все контрасты XX и XXI веков, социально-политическое и моральное развитие общества.

В самых различных жанрах С.Сахавет яркими красками отразил типичные национальные и человеческие проблемы, сложные человеческие характеры нашего времени. Автор помещает своих героев в такие психологические ситуации, в которых он может наиболее выпукло и всесторонне раскрыть все характерные черты создаваемых им образов.

Сейран Сахавет в своих произведениях всегда стремится показать лучшие качества своего народа, его морально-духовные ценности. С этой точки зрения общественно-политическое и воспитательное значение творчества писателя очень велико.

В одном из своих интервью писатель отмечает, что лесть интеллигенту не подобает. Невозможно сломать настоящего интеллигента, заставить его свернуть с пути Истины. Сейран Сахавет – писатель, остающийся верным основным человеческим ценностям.

Каждое искусство, в том числе и литература, является важным средством воздействия, направленным на исцеление больного общества.

Талант – это еще и долг говорить правду. Человек становится личностью, когда не разменивает себя. Если мы все еще можем дышать в обществе, населенном людьми, чьи честь, достоинство и слово обменены на медали, квартиры, мандаты, комфорт, то это происходит за счет тех, кто не разменивается, кто не стремится к высотам, ползая на брюхе.

Даже если есть пять человек, которые остаются верны идеалам Свободы, есть смысл жить и бороться в этом мире.

Спасибо Вам, Мастер, за то, что Вы есть!

Спасибо Вам за то, что Вы уберегли и сохранили себя в этом мире, в котором подхалимство является самой лучшей и доходной профессией, в мире, где запрещено говорить правду, в мире, основанном на полуправде и лжи!

Спасибо за то, что Вы дорожите святостью Слова!

Сердечно поздравляю Вас с 75-летием, Мастер!

Редакция Литературного Азербайджана сердечно поздравляет со славным юбилеем Сейрана Сахавета – талантливого, щедрого душой писателя, поистине Рыцаря Света, Добра и Любви. От всей души желаем Здоровья, Любви и, конечно, творческих Побед!

ЛЯМАН БАГИРОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Лекция

Светлой памяти педагога моего, Аслана Мамедали оглу Мамедли, научившего меня прощению

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.
А.Пушкин

– А-а-а!!! Э-э-э!!! – с такими громогласными воплями мы бесились на перемене между лекциями и совсем не заметили, как прозвенел звонок, и в аудиторию вошел плотный сутулый человек. Он встал за кафедру, негромко откашлялся, но на него никто не обратил внимания. Какое дело 18-летним девчонкам до какого-то педагога?

Он терпеливо ждал. Наконец, мы успокоились и воззрились на него.

Лекция показалась скучной. Что привлекательного могут таить в себе слова «префикс», «предикат», «сложное синтаксическое поле» и др. такие же монстры, когда за окном шумит осенняя листва, а из дома напротив пахнет горячим кизиловым вареньем? Да и вообще, сентябрь только начался, и еще так не хотелось думать об учебе.

Педагог окончил лекцию, сухо попрощался и исчез так же незаметно, как появился.

Разведывательно-информационная работа в девичьей группе всегда поставлена хорошо. Обычно через два занятия мы уже все знали о преподах, вплоть до того, как звали их бабушек и что они предпочитают есть на завтрак.

Но этот товарищ оказался твердым орешком. Как мы не бились, не смогли разузнать ничего, и… вскоре потеряли к нему интерес.

Мы вели себя по-свински! Самым бессовестным образом засыпали на лекциях! Глуховатый голос баюкал, словно над ухом шуршал дождь, и синтаксические термины качались в сознании, как далекие острова.

Слава Богу, по его предмету не было экзамена, а только зачет. Очень трудно сдавать экзамен человеку, чей облик у тебя ассоциируется с чем-то уютным, сонным и теплым.

Вот и на этой ноябрьской лекции все было как обычно. Педагог ровным голосом отчитал положенное и принялся складывать бумаги в портфель. Мы облегченно вздохнули и тоже задвигали сумками. Слава Богу, это была последняя пара, и свобода уже маячила у входа!

Но педагог не уходил. Это было странно. Он задумчиво смотрел в окно, на которое ветер прилепил несколько грязных ивовых листьев. Они никак не слетали и были похожи на огарки свечей. Педагог усмехнулся, а потом тихо произнес:

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.

Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы...
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, —
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

Мы замерли. Мы не верили своим ушам. Стихи и наш препод были из разных миров. Было такое впечатление, что сухое дерево вдруг покрылось цветами.

– Чье это стихотворение? – спросил педагог.

Мы не знали. Мы не знали многого. Где уж нам было услышать эти ахматовские строки? Шел третий год перестройки – поэзия Серебряного века только появлялась в книжных магазинах. Ахматову в школе мы не изучали. А стихи про сероглазого короля, томно вздыхая, переписывали в девичьи альбомы-анкеты, даже не подозревая, кому они принадлежат.

Пауза затянулась. Педагог еще раз окинул нас взглядом. Двадцать пять девушек – в педагогических и филологических институтах парней раз-два и обчелся. Море девичьего обаяния, ожидания, очарования, смутных (и не очень смутных!) надежд – мы, как застоявшиеся кобылки, переминались с ноги на ногу и ждали, когда нас выпустят из аудитории.

– Читайте больше, – сказал педагог. – Читайте, пока у вас есть возможность читать. Это Ахматова. Стихи, посвященные Данте и Флоренции – прекрасному городу.

Он помолчал. Стало слышно, как ветер прилепляет к окну листья. Они ложились аккуратно, словно решили выложить стекло узором.

– Всего доброго, – сухо попрощался педагог. – Следующая лекция в среду.

– Пожалуйста, расскажите еще про Флоренцию, – тихо сказала одна из нас.

Он остановился. На мгновение показалось, что сутулые плечи его расправились.

– Это займет время, – усмехнулся он. – А вам пора идти.

Мы стояли, как вкопанные. Двадцать пять пар глаз были устремлены на задумчивого и уставшего человека.

– Садитесь, – махнул он рукой, и в глазах его зажглись теплые огоньки.

– Флоренцию не зря называют «колыбелью Возрождения», – зазвучал глуховатый голос. – Этот изумительный город дал миру Леонардо да Винчи, Микеланджело, Донателло, Макиавелли, Данте, Америго Веспуччи и Галилея. Как Данте называли «*divino poeta*» – божественным поэтом, так и Флоренцию можно назвать дивным городом. Может быть, воздух в ней особенный, может, земля какая-то иная, но она рождала и рождала гениев. *«…Цветок Тосканы, зеркало Италии, соперница славного города Рима, от которого она произошла и древнему величию которого подражает, борясь за спасение Италии и её свободу»*, – так писали о Флоренции. А насчет воздуха, это, кстати, серьезно: вдоль города разбит парк, а раньше это были сельские постройки – кашины, и парк был назван так же. Так вот парк этот уже много столетий подряд славится своими ирисами всех сортов и оттенков, и когда они расцветают, то весь город бывает окутан ароматной дымкой.

Мы слушали, завороженные. Где-то очень далеко от нас расцветала божественная Флоренция, и бакинский ветер доносил до нас аромат ее ирисов. *«По бездорожным полям Пиэрид я иду,… и отрадно чело мне украсить чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим прежде меня никому не венчали голову Музы»*, – вспомнились мне строки Лукреция Кара. Античную литературу, в отличие от поэзии серебряного века, мы изучали очень даже неплохо.

– И на гербе Флоренции изображена вовсе не лилия, как принято считать, а ирис флорентийский, – монотонный голос звучал все увереннее. – И у подножия памятнику Данте в базилике Санта-Кроче всегда свежие ирисы – символ его родины, которую он так и не увидел после изгнания.

Боже, как многого мы не знали!.. Мрачный образ «*divino poeta*» с его Адом и Раем, его неземная любовь к Беатриче, сам его облик – суровое, скуластое лицо с хищным крючковатым носом и запавшим ртом – вот и все, чем был для нас Данте. Два параграфа в учебнике западноевропейской литературы, набившая оскомину строчка: «*Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу*» – и все! Пушкинское – «*мы ленивы и нелюбопытны*», кажется, было сказано про нас.

– Праха Данте в базилике нет. Это кенотаф, «пустая могила», над которой склонились мраморные фигуры безутешной Поэзии и гордой Италии. И только надпись на постаменте: *Onorate l'altissimo poeta* («Почтите высочайшего поэта») – это строчка из дантовского «Ада». Данте умер на чужбине, в Равенне, там и похоронен. Ему пришлось покинуть родной город: он занимал важный пост в городском совете, но был слишком активным гражданином и вмешался в политику. Хотел, чтобы Флоренция была независимой и от императора, и от папы. Но в 1301 году власть во Флоренции захватили сторонники папы – «черные гвельфы», и Данте приговорили к изгнанию. Его обвинили во взяточничестве, вымогательстве, коррупции, да и еще во многих грехах. И поставили перед выбором: заплатить огромный штраф или уйти в пожизненное изгнание. Данте ушел, но бездомным не остался. Он был слишком знаменит, слишком горд и неприступен; это всегда вызывает уважение, а статус «*divino poeta*» вообще внушал сакральный трепет. Перед ним были распахнуты врата других городов. Он жил в Болонье, в Париже, в Вероне, а последние годы перед смертью провел в Равенне. Но под страхом смертной казни Данте не мог вернуться в любимую Флоренцию, и не смог положить ирисы к могиле Беатриче, единственной женщины, которую он любил и которой так и не смог признаться в любви.

Все двадцать пять девичьих уст вздохнули. Педагог улыбнулся и продолжил:

– Но этой платонической любви мы обязаны его произведениями – «Новой жизнью» и «Божественной комедией».

В девять лет он увидел на празднике дочь соседа – восьмилетнюю Беатриче Портинари – и полюбил на всю жизнь. Он любил ее и когда она вышла замуж, а потом умерла в 24 года. Он разговаривал с ней только два раза, и этого было достаточно для прославления ее в веках. Он называл ее «*gentilissima*» (добрейшая) и «*benedetta*» (благословенная). Но, может, для неземной любви и нужен недоступный идеал?..

Так благородна, так она чиста,
Когда при встрече дарит знак привета,
Что взору не подняться для ответа,
И сковывает губы немота.
Восторги возбуждая неспроста,
Счастливой безмятежностью одета,
Идет она — и кажется, что это
Чудесный сон, небесная мечта.
Увидишь — и как будто через дверцу
Проходит сладость через очи к сердцу,
Испытанными чувствами верша.
И дух любви — иль это только мнится? —
Из уст ее томительно струится
И говорит душе: «Вздохни, душа».

(*Перевод Е.Солоновича*)

Не переставал любить ее и когда женился сам на знатной женщине Джемме Донати. Женился без любви, по расчету, но деловые браки тогда были не редкость. Она родила ему троих детей, и в последние его годы оба его сына и дочь жили с отцом в Равенне, и только Джемма жила отдельно от семьи, и Данте не спешил позвать ее к себе. Беатриче стала на всю жизнь «владычицей его помыслов», когда Данте слагал свою «Комедию» в прославление Беатриче, Джемма в ней не была упомянута ни единым словом.

«Не дыша» … В тот ноябрьский день я реально ощутила прямой смысл этого выражения. Не дыша, боясь пропустить хоть малейший звук глуховатого голоса, мы внимали рассказу. В моей жизни не было более изумительной и более печальной лекции. С каждым словом я понимала, что для нашего педагога мечта о Флоренции так и останется мечтой, как Беатриче для Данте.

– При жизни Данте даже «Комедию» не все приняли, – продолжал он – Церковь осуждала поэта за то, что он написал произведение на «вульгарном» языке, то есть на народном флорентийском наречии. А в конце XIX века, когда Италия стала единой республикой, это наречие стало основой государственного языка. Вот и не верь после этого, что все поэты – пророки.

А самое интересное, что Флоренция уже почти век раскаивается в изгнании своего великого земляка. Начиная с 1908 года, во второе воскресенье сентября (время, когда умер Данте), мэр Флоренции снаряжает к мэру Равенны делегацию с мольбами о возвращении праха поэта. И подносит в дар самое лучшее оливковое масло для поддержания огня в лампаде его усыпальницы. Но равеннцы непреклонны, и их можно понять: зачем им отказываться от гробницы Данте? А Флоренции раньше надо было думать, когда выгоняла поэта!

Он улыбнулся – высокий сутулый человек – и замолк. Кто-то тихо вздохнул. Оконное стекло уже полностью было залеплено ивовыми листьями, и оно напоминало причудливый витраж. Накрапывал дождь.

– Всего доброго, – откланялся педагог. – До среды.

По дороге домой я чуть было не растянулась на мокром тротуаре. Какая-то темная скользкая масса была под ногами. Вглядевшись, я увидела растоптанный цветок ириса.

Неизвестно, каким образом он очутился на ноябрьской улице. Ирис оставил вокруг себя фиолетовое пятно, словно капли крови сказочного зверя. Пятно постепенно светлело: дождь смывал его с тротуара, чтобы запечатлеть в моем сердце. И грустный ирис Флоренции остался жить в моей памяти, чтобы через много лет расцвести в этом эссе.

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин?
О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души…
Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.[1]

[1] Александр Блок «Флоренция». – цит. По книге Александр Блок Стихотворения и поэмы» - Л.: «Советский писатель» 1961г.

Тишина

Нельзя вечно откладывать неизбежное. Нельзя вечно откладывать отдых, потому что усталость неизбежна. И необратима, черт ее дери!

Какое странное слово: ус-та-лость. Что-то тающее, зыбкое, исчезающее как снег по весне. С одной стороны, хорошо, когда сходит снег и тает лед. Когда нежно (еще не обжигая) светит солнце, все вокруг цветет, и кажется, что старый веник тоже покрывается зелеными листьями. Благодать!

С другой стороны – лед крепок. Он, как стальной позвоночник, держит на себе твою волю, энергию, решимость. В нем есть фактура, он категоричен и полон сил.

И вдруг он тает. Оседает под собственной тяжестью. Перестает быть стальным позвоночником. Ус-таёт. Или тает…

Кто-то спасается сменой обстановки или деятельности, кто-то окружает себя шумом, боясь тишины, кто-то, наоборот, бежит в тишину как в блаженство.

«И ощутить сиротство как блаженство»[1]. Мудрые строки поэта. За одним исключением. Не сиротство, нет. Тишину.

Переизбыток любых новостей (радостных или печальных) пробивает брешь в человеке. Его эмоциональное состояние нарушено. И чем искреннее человек, тем больше он тратит душевных сил на ответную реакцию.

И я убегаю, ныряю в вожделенную тишину как в добрую, уютную сказку, в которой все так просто и понятно. Нет ни горя, ни слез, ни злости. Где можно прильнуть к тишине словно к бабушкиной руке и знать, что от ее прикосновений исчезнет боль и тревога каждого дня.

«И боль, что скворчонком стучала в виске, Стихает, стихает», – сказал уже другой, не менее мудрый поэт[2]. И с этими строками я согласна полностью. В тишине слышишь и замечаешь многое из того, чего не видно в суматохе и сутолоке. Тишина целебна, она упорядочивает мысли и – чудо! – силы возвращаются, позвоночник вновь становится стальным и крепким.

Только есть одна опасность. Вечный спутник тишины – обособление. Незаметный, но верный. И так же верно и тихо он делает свою работу – разъединяет, разрывает прежние, казалось бы, крепкие связи. Уходит в прошлое традиция совместного обсуждения прочитанного (потому что и читать стали меньше и все както второпях). А традиция семейного чтения вообще канула в Лету. Великое множество имен, которые еще столетие назад были властителями дум, сегодня все больше затягиваются туманом забвения.

Когда-то Достоевский с затаенной печалью заметил:

«...Мне все кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего «обособления». Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, вовсе и неслыханное. Всякий откладывает все, что прежде было общего в мыслях и чувствах, и начинает со своих собственных мыслей и чувств. Всякому хочется начать сначала. Разрываются прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе и тем только и утешается…»

Вряд ли удастся в небольшом эссе восстановить связь времен, ощутить мерное их дыхание. Это, увы, невозможно. Но можно вспомнить об одном из ушедших в вечность, чье имя почти забыто сейчас. Жаль, что забыто.

Стихи Эмиля Верхарна переводились на все языки, имеющие письменность.

Он из сонма тех, кто прославил маленькую Бельгию на весь мир, а это знаменитые мастера фламандской школы живописи, автор «Легенды о Тиле Уленшпигеле» Шарль де Костер, поэт-мистик Морис Метерлинк, автор знаменитой «Синей Птицы». Ну и, конечно, бессмертный Эркюль Пуаро, созданный гением Агаты Кристи.

[1] Белла Ахмадулина.
[2] Булат Окуджава.

Будущий поэт родился в 1855 году в небольшом фламандском городке недалеко от Антверпена. С детства говорил на фламандском наречии, но в школе его фламандский говор сменился безупречным французским. Закончил юридический факультет Левенского университета, некоторое время был адвокатом, но окончательно посвятил себя литературе.

Уже первые стихи Верхарна отличались непосредственностью и изяществом. Он принадлежал к литературному объединению «Молодая Бельгия». В сборнике «Фламандки» воссоздал в стиле фламандских мастеров XVII в. первозданный быт Фландрии, яркую и щедрую сельскую жизнь с ее конюшнями и коровами, обычной стихией сельчан – дебелых, крепких женщин и могучих мужчин. Он, как никто, умел поэтизировать тяжелый, но такой необходимый и благословенный крестьянский труд.

Служанки белый хлеб готовят к воскресенью,
Все лучшее у них — мука и молоко…
Их локти голые в стремительном движенье,
И каплет пот в квашню — работать нелегко.
От спешки их тела как будто бы дымятся,
Вздымается волной в тугом корсаже грудь…
И теста рыхлый ком их кулаки стремятся
В упругие, как грудь, шары хлебов свернуть.
В пекарне углей блеск, багровый и угарный…
Служанки, на доске шары сложив попарно,
Швыряют в пасть печей плоть мягкую хлебов.
А языки огня, стараясь ввысь пробиться,
Как свора страшная огромных рыжих псов,
Рычат и рвутся к ним, чтоб в щеки злобно впиться.

Эмиль Верхарн – человек (городской по рождению) всеми фибрами души истово любил землю. Верхарн-поэт боготворил землю-кормилицу. Земля была для него основой достойного, праведного существования человека. Он и внешне походил на крестьянина – у него были широкие плечи, тяжелая походка, огромные вислые усы. Он носил мешковатую блузу и деревянные ботинки. Стремился работать на земле, мечтал о собственном саде и огороде. Болезненно переносил разрушение и упадок патриархального села, обреченного на убожество и отсталость. С болью писал об этом в сборниках с красноречивыми названиями – «Призрачные деревни», «Сельские миражи». Перед железной поступью города милые сельские миражи рассеиваются, словно дым, люди оставляют село:

И медленно ложатся на деревни
Болезни, стужа, тьма.
Мороз живет в крови, в костях,
Нужда – в амбарах и клетях,
Нужда и снег в сердца вползают.
Вползает под навес беда,
И стынут, коченеют, замерзают
Сердца и очаги под коркой льда.
У перекрестков, где слились дорог потоки,
Как мертвецы, деревни одиноки...

«Все дороги ведут в город», – с болью писал Верхарн. Город был для него олицетворением жестокости, ужаса, безысходности, разрушения. Именно гнетущая атмосфера города привели его к глубокому душевному и творческому надрыву.

Он словно предчувствовал свою гибель от средств урбанизации. Выезжая из Руана, он случайно гибнет под колесами поезда. Как вспоминали современники, пожилой и наивный, как дитя, поэт растерялся от обилия людей. Толпа оттеснила его к краю перрона, и он упал на рельсы.

Э.Верхарн отдал должное мистицизму, трагическим видениям. Он был одним из основоположников символизма – вместе с П.Верленом, А.Рембо, С.Малларме и своим земляком М.Метерлинком.

Это где-то на севере, где, я не знаю,
Это где-то на полюсе, в мире стальном,
Там, где стужа когтями скребется по краю
Селитренных скал, изукрашенных льдом.

Это – холод великий, едва отраженный
В серебряном зеркале мертвых озер;
Это – иней, что точит, морочит – бессонный,
Низкорослый, безлиственный бор.

Это – полночь, огромный скелет обнаженный
Над серебряным зеркалом мертвых озер,
Это – полночь, что точит, морочит, хохочет,
Но раздвинуть руками гигантскими хочет
Холодный и звездный простор.

В дали полуночной безвольной
Это смолкнувший звон колокольный,
Это убранный снегом и льдами собор.
Это хор похоронный, с которым без слов я рыдаю,
Литургия Великого Холода в мире стальном.
Это где-то, – не в старом ли северном крае? – не знаю!
Это где-то, – не в старом ли северном сердце? – в моем!

Потом он становится социалистом, вступает в бельгийскую рабочую партию, преподает в «рабочем университете», читает лекции в Брюссельском народном доме. В Первую мировую войну, Верхарн пишет огромное количество патриотических стихов. В книге «Алые крылья войны» он оплакивает родину, захваченную немцами.

И падал за снарядами снаряд
Вокруг, что град;
Но полночью, когда, таинственен и мрачен,
На дымных небесах являлся цеппелин,
Об отступлении не думал ни один,
Бросались дружно все в одном порыве яром
Вперед,
Чтоб тут же под безжалостным ударом
Склониться долу в свой черед...

Когда велись атаки на окопы,
Борцы бесстрашные, тот авангард Европы,
Сомкнув свои ряды, как плотную мишень
Для быстрых, ровных молний пулемета,
Стояли твердо целый день

И снова падали без счета,
И над телами их смыкалась мирно тень...

Э.Верхарн превыше всего ценил свободу.

«Он был свободен, – писал в своих воспоминаниях С.Цвейг, – *даже от самых крепких оков нашего времени – от власти денег... Успех и слава не наложили на него отпечаток. Его не угнетал страх перед будущим, не давили заботы, не терзало тщеславие, не мучили стыд и угрызения – божественно свободной и безоблачной была его большая жизнь среди маленьких людей...»*

Его девизом были слова: «Toute la vie est dans l'essor» («Жизнь – это вечный взлет»).

30 книг стихотворений, драматических произведений и прозаических очерков, фундаментальные монографии о художниках, в частности, о Рубенсе и Рембрандте, несколько драм – таково творческое наследие Эмиля Верхарна.

И он же подарил нам непревзойденные строки любовной лирики. Три тома стихов было посвящено любимой жене Марте Массен. В юности она была одаренной художницей, но, став мадам Верхарн, пожертвовала своим творчеством ради мужа. Он же обессмертил ее нежностью.

Наша любовь, осиянная,
Шелком и золотом тканная…

Домик веселый, мой друг ты…
Садик. И зелень. И фрукты.

Яблони… Ветер, вздыхающий
Вешними белыми снами,
Кроет скамью лепестками.

Голубь-дикарь, рассекающий
Тишь деревенского неба,
В поисках зернышка хлеба.

Словно с неба лучистые
Поцелуи упали, –
Два прудка, золотистые
Меж цветов засверкали…

Наша любовь осиянно-лучистая,
Грезами тканная, нежная, чистая…

Трудно что-либо добавить к этим строкам, трудно их комментировать. Кажется, Верхарн выразил в них свой идеал: *Домик веселый, мой друг ты…/Садик. И зелень. И фрукты.*

Трудно дать определение счастью. Оно у всех разное. Но, если верить Стефану Цвейгу, Эмиль Верхарн был счастлив. Он был талантлив, он любил свою работу, и рядом с ним была женщина, преданная ему безраздельно. И самое главное – он был свободен и жил на взлете. Это ли не счастье?..

Так будем же счастливы, несмотря ни на что. И пусть для нас слово «тишина» никогда не станет синонимом холодного «всеобщего обособления», когда безжалостно рвутся все прежние связи.

Пусть оно будет синонимом уюта, мира и доброй, теплой памяти.

Пусть невозможного в стремительной погоне
Достичь ты хочешь, человек, –
Не бойся, что замедлят бег
Дерзанья золотые кони!
Твой ум уклончивый ведёт тебя в обход,
Ища проторенных тропинок,
Но ты вступи с ним в поединок:
Дать радость может только взлёт!
Кто вздумал отдохнуть, пройдя лишь полдороги, –
Ему ли одолеть подъём?
Жить – значит жечь себя огнём
Борьбы, исканий и тревоги.
Что виделось вчера как цель глазам твоим, –
Для завтрашнего дня – оковы;
Мысль – только пища мыслей новых,
Но голод их неутолим.
Так поднимайся вверх! Ищи! Сражайся! Веруй!
Отринь все то, чего достиг:
Ведь никогда застывший миг
Не станет будущего мерой.
Что мудрость прошлая, что опыт и расчёт
С их трезвой, взвешенной победой?
Нет! Счастье жгучее изведай
Мечты, несущейся вперёд!
Ты должен превзойти себя в своих порывах,
Быть удивлением своим;
Ты должен быть неутомим
В своих желаньях прозорливых.
Пускай же каменист и неприступно крут
Твой путь за истиной в погоне:
Дерзанья золотые кони
В грядущее тебя взнесут!

Стихи Э.Верхарна приводятся в переводах В.Брюсова. М.Волошина, Е.Полонской, М.Донского и др.

Айва и Ахматова

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.

А.Ахматова

Всегда с огромным трепетом относилась к домам, где, по старинному определению, можно было «отдохнуть душой». Меня всегда привлекала магия этого удивительного выражения. «Отдохнуть душой» – слова эти иногда спазмом сводили горло – до того это было хорошо.

У Чехова в бессмертной «Даме с собачкой» есть строки *«Когда идет первый снег, в первый день езды на санях, приятно видеть белую землю, белые крыши, дышится мягко, славно, и в это время вспоминаются юные годы.»* Чехов словно вложил в них все сердце, всю затаенную тоску по теплу, уюту настоящему Дому. Где действительно дышится мягко и славно, и воздух напоен любовью.

Не очень хорошая черта – заглядывать в чужие окна. Но в детстве я не могла отказать себе в этом удовольствии. Уж больно славным казалось небольшое окно первого этажа дома на 1-й Северной. Сколько раз, возвращаясь из школы, я бросала любопытный взгляд на заветное окно. Сквозь зелень палисадника виднелись красно-оранжевые занавески. Но цвет их был не кричащим, а мягким, словно невидимый пекарь выставил противни с румяными пирожками. От этого окно казалось еще уютней.

Оно всегда было закрытым, и это еще больше будило воображение. Почему-то казалось, что именно в таком доме с приветливым зеленым палисадником и таким «вкусным» окном должна жить муза настоящей поэзии. Та самая «не терпящая суеты» и величавая. Истинная хозяйка своего дома – служанка и госпожа в одном лице.

То милое окно так и не открылось. Ни разу не отдернулись «румяные» занавески. Видно, я проходила всегда в неурочное время: сад к моему приходу уже был полит, и тяжелые капли еще дрожали на тугих листьях, а оконные стекла сверкали чистотой.

Но отделаться от впечатления, что именно в таком доме можно «отдохнуть душой» и настроить ее на творчество, я не могла. Вернее, тогда впервые, еще интуитивно я почувствовала: творчество требует порядка. Внутренней строгости, стройности мысли. А в беспорядке, хаосе оно рассеивается как свет далеких звезд. Для описания картины беспредельного космоса это звучит красиво: через миллионы световых лет до нас доходит рассеянный звездный след. Но земное творчество более осязаемое, плотное, зримое и неряшливость может погубить его.

Второй раз дом, где можно «отдохнуть душою», встретился мне совсем недавно. И тем сильнее оказалось его очарование. Но обо всем по порядку.

Бакинские осенние дожди можно охарактеризовать поговоркой – редко, но метко. Действительно, в нашем солнечном городе дождь нечастый гость. Но уж если зарядит, особенно осенью, так основательно, на несколько дней. Воздух словно покрывается белесой тканью: небо и земля заволакиваются туманом, и предметы теряют очертания. Жизнь на какое время выпадает из реальности. Существует только одна реальность – звуки воды. Шуршащие, шелестящие, вздыхающие, вкрадчивые – вся эта водяная симфония обрушивается на город.И он, истомленный долгим летом, внимает ей благодарно и чуть удивленно. Какими чистыми, промытыми до последней щербинки становятся после дождя асфальт и стены домов, как остро и пряно пахнет воздух – капустой, мелкими хризантемами-дубками, кипарисами.

Если выпадает возможность, я люблю бродить в первые часы после дождя.

Ворошить прелые листья, смотреть, как важно вышагивают мокрые вороны. Поздней осенью других птиц, кроме них и воробьев, нет. Но мне они милы. Это птицы-урбанисты, пернатые стражи города, они верны ему в любое время года.

Вдыхать запах свежего хлеба из ближайшей тендирной. Там в огромных круглых глиняных печах-тендирах с утра и до позднего вечера выпекают ароматный чурек, посыпанный черным тмином.

Вслушиваться в гул жизни. То там, то здесь кипит работа: кто-то что-то чинит, кто-то что-то продает или покупает.

В первые минуты после дождя непременно надо пройти мимо мастерских по ремонту техники! Бог его знает, почему, но влажное железо, кожа и резина отчаянно пахнут черносливом, и этот запах так крепок и обманчив, что привлекает к себе простодушных прохожих:

– Почем чернослив?

– Какой чернослив, дорогой? Где ты видишь чернослив? У меня на голове?! У меня мастерская! Мас-тер-ска-я! А сухофрукты на базаре! Странные люди, честное слово!

Как могло получиться, что сотни раз я проходила мимо этого заросшего жимо-

лостью двора и не замечала его прелести? Только издали смотрела на деревья граната и хурмы – вершины их были украшены оранжевыми и красными плодами. Видно, их было невозможно снять, и они висели сейчас на облетевших деревьях как новогодние игрушки.

Но заржавленная зеленая дверь, почти незаметная под жимолостью, всегда была закрыта. До того недавнего ноябрьского дня, когда жизнь еще раз доказала – удивительное в ней случается на каждом шагу.

В проеме зеленой двери показался силуэт женщины с веником. Она подметала палые листья.

– Здравствуйте, – негромко окликнула она меня. – Вы мне не поможете? – она указала на большой пакет с листьями и добавила смущенно: – Пожалуйста. Не могу дотащить до мусорки.

Я помогла ей оттащить мусор. Она кротко поблагодарила и прибавила:

– Не уходите. Посидите со мной немножко. Меня Гюлара зовут. А вас я знаю. Вы в доме напротив живете, верно? Вы – учительница?

Не знаю, почему меня все принимают за учительницу. Хотя…

– Я часто встречаю вас в магазинах. Вы говорите очень медленно, и все подробно объясняете.

Надо же! За мной, оказывается, наблюдали.

– Мне нравятся люди, которые говорят медленно. Терпеть не могу, когда стрекочут, голова от них болит.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Проходите в дом, я вас прошу. Вы не торопитесь? Хоть чашку чая выпейте. Пожалуйста!

Что-то было сиротливое в этих тусклых карих глазах, в нервном изломе правой брови и даже в сбившейся набок прядке волос. Гюлара, видно, красила их хной, но теперь они выцвели и приобрели странный оттенок разбавленного кваса – рыжина с проседью. Я вошла в комнату.

Дом был из разряда тех, в котором «отдыхаешь душой». Мерно стучали небольшие стенные часы, круглый стол в центре комнаты был застелен плюшевой скатертью. И зеленые плюшевые занавески украшали маленькое окно. На подоконнике цвела красная герань. За темными стеклянными дверцами шкафа золотился чайный сервиз. Полосатый кот на диване окинул меня презрительным взглядом и продолжил спать.

У меня заныло сердце. Такие плюшевые скатерти и занавески, дощатые крашеные полы, покрытые узкими ковриками, я видела только в детстве. На все эту благодать, даже на герань, безжалостно навешивался ярлык «узкого мещанского мирка». Считалось, что это тот самый злосчастный быт, который отвлекает от более важных дел и съедает жизнь. На самом деле только в нем, под уютным светом абажура, за чаем с каким-нибудь особенно вкусным вареньем – абрикосовым или клубничным – становилось легко и свободно душе. Наступало то состояние, о котором писал Чехов – «дышится мягко, славно».

Но кроме плюшевых гардин, герани, кота и скатерти в доме было нечто такое, от чего человек замирал на месте. В комнате царили два «А». Айва и Ахматова. Царили – это мягко сказано. Императорствовали.

Плоды айвы были повсюду: на столе, на полках в шкафу, на подоконниках, даже под кроватью на большом листе бумаге. Сам воздух словно был наполнен их золотистым свечением. Их тонким ароматом были пропитаны стены.

На стенах же не было свободного места. Они были увешаны портретами Ахматовой. Анна Андреева в младенчестве, молодости, с мужем и сыном, с распущенными волосами, с высокой прической. Ахматова в среднем возрасте, в старости, в рисунках Модильяни. В профиль, анфас, в четверть оборота.

Подобное в своей жизни я видела только раз. У педагога своей дочери. Она преподавала историю и была влюблена в эпоху Нефертити. Все стены, книжные шкафы и столы были заставлены портретами, статуэтками и чеканками с обликом Нефертити. Даже на ковре был выткан знакомый длинношеий профиль в высокой шапке. В комнате всегда царил полумрак, и от обилия этих Нефертёть становилось жутковато. И сейчас мне стало чуть тревожно.

Женщина внесла в комнату две маленькие чашки с чаем и вазочку с айвовым вареньем.

– А, засмотрелись?! – улыбнулась она. – Все удивляются!

– Вы любите Ахматову? – спросила я.

– Да, очень. А вы нет?

– Как вам сказать, – замялась я. – Некоторые стихи мне нравятся, но в целом… Нет, не могу сказать, что это мой любимый поэт.

– Значит, вы – цветаевка! – убежденно и даже категорично сказала Гюлара. – Иного не дано!

– Ну, зачем так строго делить, – засмеялась я. – Просто… Ахматова – величественная, а Цветаева – великая, понимаете, – я окончательно сбилась с толку.

– Садитесь! – видно было, что Гюлара давно мечтала поговорить о том, что ей дорого. – Я ведь в школе преподавала русский и литературу. 34 года стажа. Сейчас на пенсии. Но Ахматову тогда не изучали. А я находила ее стихи, переписывала, сколько читала и ее, и про нее. Сейчас, конечно, все уже известно, все можно в интернете найти.

Она умолкла. Пауза затянулась. Я не знала, чем заполнить ее.

– У вас так много айвы. Красиво.

– Я люблю, когда пахнет айвой. Лучше всяких духов. Приношу домой еще незрелую, она доспевает в комнате.

– А я была в Фонтанном доме, – осенило меня. – В доме-музее Ахматовой в Петербурге. Там по всем комнатам разносится в микрофон запись ее голоса.

– Я тоже там была. У меня много времени. Своей семьи нет, семья брата – моя семья. Племянники – мои дети. – Гюлара улыбнулась. – Они в Москве живут. А я, когда к ним езжу, всегда в Питер наведываюсь. По музеям, улицам хожу. Скучаю без Питера. А еще я была в доме-музее Анны Ахматовой на Украине, в Хмельницкой области. В местечке Слободка-Шелеховская. Там похоронены ее мать, тетя и муж тети. Их фамилия была Вакар. К ним и приезжала молодая Анна погостить в 1896 и 1912 годах. И писала потом: *«Я все праздники провела у тети Вакар. Правда, очень ворчлив дядюшка...»*

Там каждое дерево ее помнит. Огромная каштановая аллея. Тополя и сосны. *«Тополя тревожно прошуршали, нежные их посетили сны...»*

И в этот дом-музей приносили все, что связано с Ахматовой. Местные жители без принуждения вернули в барское имение почти все, что разнесли оттуда по домам. Стол, за которым чаевничали вечерами со своей племянницей тетя и дядя Вакар, стулья с точеными ножками. Железная кровать, на которой в последний раз вздохнула и покинула этот свет мать Анны. Такая узенькая, словно девичья, под белым покрывалом…

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила, –
Ненужный дар моей жестокой жизни…

– Об отце Ахматовой я много читала, – задумчиво продолжила Гюлара. – То, что он был нелегкого нрава, запрещал дочери публиковать стихи под своей фамилией –Горенко, и она выбрала себе псевдоним, взяв имя дальнего предка – ордынского хана Ахмата.

А вот о матери ее – Инне Эразмовне Стоговой – почти ничего не известно. А ведь именно она состояла в дальнем родстве с поэтессой 18-19 веков Анной Буниной, и родство это связывало Ахматову и с Иваном Буниным. Это о ней, об Анне Буниной, Ахматова написала в дневниках: *«В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была тёткой моего деда Эразма Ивановича Стогова…»*

Анна Ахматова гуляла по селу, по помещичьей усадьбе, доходила до источника. Как считают местные жители – со святой водой. А дорога к нему ведет вдоль сельского кладбища *«А я иду, где ничего не надо, Где самый милый спутник – только тень. И веет ветер из глухого сада, А под ногой – могильная ступень».*

К источнику, к которому она шла, сейчас отовсюду идут. И не потому, чтобы «повторить» ее дорогу. Вода эта исцеляет больных и дает силы здоровым. И так тихо, славно кругом, что душа радуется. Сказка – не рассказать, а увидеть надо. Тут, хочешь-не хочешь, а поэтом станешь, если не настоящим, то в душе.

Я невольно повторила про себя эти слова: *«И так тихо, славно кругом, что душа радуется.»* И в который раз захолонуло сердце от их неизъяснимой прелести. И как хорошо, что есть такие тихие пристани – в Фонтанном ли доме в Санкт-Петербурге, в доме-музее ли на Украине. Что тихий свет добра и уюта лелеет душу поэта.

Мне пора было уходить из гостеприимного дома. Сгущались сумерки.

– Ну, как? – улыбнулась Гюлара. – Примирила я вас с Ахматовой? А какое стихотворение вам больше всего нравится?

– В юности нравился «Сероглазый король». Потом про девочку, «что свой плетет венок».

– А сейчас? Погодите, я угадаю.И она нараспев продекламировала:

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

– Верно?

– Точно!

– А вы говорите – не любите Ахматову. Просто у каждого она своя. Заходите, когда будет время.

Я возвращалась домой. Темное небо опять заволокли тучи. Накрапывал дождь.

«Века уходят в непроницаемую мглу – думалось мне. – И ничего не останется от них: ни войн, ни раздоров, ни смертельных болезней. Все поглотит время. Кроме одного – человеческого таланта и душевности. Они одни способны прорезать вселенский мрак ярким лучом. И неважно, как зарождается этот луч. Может быть, исток ему – спасительный свет дома, в котором можно «отдохнуть душой»?» Кто знает?..

Сумевший

В благопристойной до зевоты массе наших соседей Анатолий Новгородцев выделялся редкой суетливостью. Выражалась она в том, что мир бакинского двора, привыкшего к негромкому перекидыванию костяшек нард и неспешным разговорам за чаем, нарушался легким вихрем. Это проносился мимо дядя Толик – высокий, сутулый человек, очень похожий на поэта Маршака. Видимо, ему говорили об этом, и сходство ему льстило. Он даже зачесывал поредевшие волосы как на портретах Маршака и носил круглые очки.

Такие очки в середине 70-х годов прошлого века уже не пользовались спросом: в моде были квадратные в черной роговой оправе. Они сразу же прибавляли возраста и солидности, и к обладателям их обращались почтительно: «учитель» или «учительница». Обладатели квадратных очков мгновенно исполнялись величием. Они даже по улице старались вышагивать степенно, чтобы не расплескать волшебное чувство собственной значимости.

Но дядя Толик был напрочь лишен даже намека на значительность. Наверно, поэтому его – школьного учителя математики с 30-летним стажем – никто не называл по имени: Анатолий Ильич. Только дядя Толик. Старшие окликали вообще кратко: «Толик!»

И еще дядя Толик не расставался с потертым донельзя и разбухшим портфелем. Бог его знает, какие формулы и вычисления хранились в нем, но дядя Толик оберегал его с яростью медведицы, защищающей своего медвежонка.

–Толик, остановись, взрослый человек, а носишься, как мальчишка, – пытался усовестить его аксакал двора Рамиз – воплощение степенства и многовековой восточной мудрости. – Присядь, в нарды сыграем, чай выпьем. Кроме тебя, носиться некому, что ли?

– Да-да, – растерянно, словно вспомнив о чем-то, тер лоб дядя Толик. И смущенно, больше чтобы не обидеть, присаживался на край щербатой скамьи.

– Да оставь ты свой портфель! – восточная невозмутимость постепенно покидала Рамиза. – Его что, скушают, что ли?! Положи на край, сядь по-человечески, отдохни, что ты его к себе прижимаешь? Бедная женщина – твоя жена! Она не ревнует? – Рамиз лукаво подмигивал Толику, но тот ерзал, напряженно улыбался и наконец под любым предлогом срывался с места.

– Э-эх!! – ворчал вслед Рамиз. – Беги! Из тебя человека не будет! Недотепа! Всю жизнь прыгаешь-бегаешь, как заведенный. Что беги, что не беги, все равно – конец один…

Валя – жена Толика – была ангельски кротким существом. Как-то раз и навсегда она смиренно приняла свое пятое место в жизни мужа после обожаемой дочери Леночки, шахмат, которым ее маршакообразный муж отдавался до самозабвения, математики и прадедовской семиструнной гитары. Та была фамильной ценностью в семье Новгородцевых и, может, так провисела бы на стене, переходя от поколения к поколению, если бы не педантичность дяди Толика. Тому – а как же, математик! – невыносима была сама мысль, что в его доме что-то не применяется по назначению. И вот, раздобыв самоучитель, он запирался вечерами на кухне и терзал и мучил ни в чем не повинный инструмент. Тот ныл, визжал и стонал под неуклюжими пальцами, но дядя Толик был неумолим. Через три месяца гитара перестала издавать вопли насилуемой кошки. Звуки стали мелодичными, а затем и вовсе обрели бархатистость и благородную глубину. Дядя Толик торжествовал. Валя и Леночка уже было вздохнули с облегчением. Но не тут-то было.

С маниакальностью алхимика дядя Толик принялся что-то подбирать на гитаре, пробовал, сердился, ударял по струнам, что-то лихорадочно записывал на разлино-

ванных листах бумаги, снова подбирал, бросал в сердцах гитару и тут же подбегал к ней снова. Жаль, что жили Новгородцевы на пятом этаже. Если бы можно было заглянуть в окна их дома, зрелище бы предстало прелюбопытное: взъерошенный сутулый человек в круглых очках мечется от стола к диванчику, берет несколько аккордов, бросает гитару, возвращается к столу, что-то пишет, потом снова бежит к диванчику. Словно исполнялся какой-то танец – весь из ломаных резких линий. Но, увы, наблюдать этот странный и одновременно завораживающий танец могли только любопытные воробьи, да маленькие зимние звезды.

Дядя Толик часто играл с моим отцом в шахматы. До изнеможения они могли просиживать над шахматной доской. Оба нахохленные, сосредоточенные, они напоминали больших птиц, склонившихся над добычей. Моя мама и тетя Валя относились к этому увлечению своих мужей иронически. Чем бы дитя ни тешилось…

Иногда, после особо удачного хода, дядя Толик позволял себе нарушить молчание:

– Куда, говоришь, собирается дочка поступать?

– На филфак или педфак. Русский язык и литература, – сокрушенно разводил руками папа. Его мечтой для меня был медицинский, но тут уже я наотрез воспротивилась!

– Так это же замечательно! – радостно потирал руки дядя Толик. – Как писал Фраерман: *«Литература – наука нежная»*. Значит, у дочки душа нежная.

– Не знаю, – уклончиво отвечал папа и помахивал в воздухе слоном, выбирая, куда его поставить. – Образование будет, а специальности – нет. То ли дело – врач. Всегда верный кусок хлеба.

– Поражаюсь я тебе, – моментально вскипал дядя Толик. – Образованный человек, такую библиотеку собрал, а говоришь черт знает что. – Детка, – обращался он ко мне, – не слушай папу. То есть слушай, конечно, но не в этом. Тебе шах! – это уже к папе. – А ты приходи послезавтра к нам, я тебе дам книги для подготовки в вуз, – это было уже ко мне.

– У меня есть книги, – слабо парировала я. – Много учебников.

– Это не учебники, – смеялся дядя Толик, и маленькие глаза его под круглыми стеклами затуманивались.

Послезавтра настало. И, держа в руках коробку пирожных, я поднялась на пятый этаж.

Встречали меня на пороге всей семьей. Леночка – студентка химфака, тетя Валя в нарядном платье и вышитом переднике и сияющий дядя Толик. Пирожные я сразу же вручила хозяйке дома, Леночка, поздоровавшись, ушла в свою комнату, а дядя Толик, чуть ли не пританцовывая, вынес из гостиной гитару.

– Вот, – объявил он торжественно, – дорогая моя соседка, которая готовится поступать на филфак, ты что-нибудь слышала о поэте Веневитинове?

Я покачала головой. О таком поэте в свои 16 лет я не только не слышала, но даже выговорить бы его фамилию не смогла.

– А говоришь, собираешься на филфак, – укоризненно хохотнул дядя Толик. – Садись и слушай! Такого ты нигде не услышишь! – в голосе его звучала детская победная радость.

Тетя Валя при этих словах иронично усмехнулась. И усмешка ее означала: «Слушай, детка, внимательно, такого ты точно нигде не услышишь!»

Дядя Толик взял для приличия несколько аккордов вразнобой, и вдруг лицо его побледнело, глаза расширились. Пушкин назвал бы это состояние приближением Бога. Но привычнее назвать это одухотворенностью.

Некрасивый сутулый человек в смешных круглых очках на глазах становился утонченным, благородным, возвышенным. Семиструнная гитара звучала как средневековая лютня. В тихом голосе звучал шелест моря:

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,
Эдема лучшие цветы.
Одна под небом Кашемира
Цветет близ светлого ручья;
Она любовница зефира
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянет,
И если кто ее сорвет,
Лишь только утра луч проглянет,
Свежее роза расцветет.
Еще прелестнее другая:
Она, румяною зарей
На раннем небе расцветая,
Пленяет яркой красотой.
Свежей от этой розы веет
И веселей ее встречать:
На миг один она алеет,
Но с каждым днем цветет опять.
Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;
Ее для жарких уст лелеет
Любовь на девственных щеках.
Но эта роза скоро вянет:
Она пуглива и нежна,
И тщетно утра луч проглянет –
Не расцветет опять она.

– Ну, как? – тихо спросил дядя Толик, когда замер последний звук. – Понравилось?

Лицо его постепенно принимало обычное выражение.

Я опустила веки. Ни на слова, ни на кивок у меня просто не было сил. Чудо только что соткалось в горьковатом воздухе старой квартиры и теперь медленно растворялось в нем. Нежно тикали стенные часы, отстукивали время. За окном летел редкий снег.

«Так вот что значила его беготня, непоседливость, беспорядочное бренчание на гитаре. И мы еще подсмеивались над ним и называли недотепой! Волшебник!»

Кажется, в эту минуту мое шестнадцатилетнее сердце прикоснулось к той великой тайне, которую люди называют любовью. А как же иначе объяснить ту нежность, с которой взирала кроткая тетя Валя на своего мужа? И я поняла, что ее взор все еще очарован им.

К дяде Толику вернулась его привычная суетливость. Он похлопывал себя по ляжкам, потирал руки, шутливо покрикивал: «Чаю, чаю нам! Полжизни за стакан чаю!» По всему видно было, что он доволен произведенным эффектом.

Но чудеса продолжались. Он сделал большой глоток и произнес таинственно:

– Знаешь, что у меня в портфеле? Ноты к песне, которую ты только что слышала! Я сам их написал! – в голосе его дрожала такая искренняя радость, что я невольно поежилась.

Почему-то мне всегда становилось немного боязно при проявлениях открытой человеческой радости и горя. В первом случае мне хотелось произнести как мантру: не сглазьте, не сглазьте; а во-втором: это пройдет, не мучьте себя.

– Хочешь, я расскажу о нем? О Дмитрии Владимировиче. Коль уж ты собралась на филфак, тебе это будет интересно.

Он произнес: «О Дмитрии Владимировиче» так, как будто бы речь шла о давнем и очень дорогом знакомом. И, не дожидаясь моего согласия, нетерпеливо и даже как-то захлебываясь, начал:

– В четырнадцать лет он переводил Вергилия и Горация. В шестнадцать написал первое из дошедших до нас стихотворений. В семнадцать увлекался живописью и сочинял музыку. В восемнадцать успешно сдал выпускные экзамены в Московский университет и вместе с друзьями основал философское общество любомудрия. Оно так и называлось! В двадцать впервые выступил в печати как литературный критик. И в двадцать один – трагически ушел из жизни... Вдумайся только – в двадцать один! Так мало прожить и так много успеть!

Глаза за круглыми стеклами очков пылали. Лучше было не перебивать, не произносить ни звука. Да и можно ли прервать живое чудо рассказа?

– В семье Владимира Веневитинова и Анны Оболенской – только вслушайся в музыку этих древних дворянских фамилий! – было трое детей: Алексей, Софья и Дмитрий. Но Дмитрий был всеобщим любимцем. Он был необыкновенно хорош собой, изумительно сложен, умен, тактичен и очень располагал к себе людей. Внешность греческого бога: беломраморное лицо, тонкие черты лица – благородный красавец!

В 17 лет он увлекся философией, да так, что получил прозвище «поэт мысли» – настолько огромен был его талант. Откуда бралась в нем эта глубина? Он, юный, почти мальчик, писал так, будто знал о жизни нечто, порой неведомое и старикам! Его переводы Гете были самыми лучшими, а научные статьи вызывали восхищение и немного зависть. Кстати, по поводу критической статьи, написанной им на «Евгения Онегина», Александр Сергеевич сказал так: «Это единственная статья, которую я прочел с любовью и вниманием». Пушкин захотел познакомиться с Дмитрием и был очарован его умом и образованностью. И еще… Они ведь были дальними родственниками. Веневитинов был четвероюродным братом Пушкина. Именно с него писал Пушкин своего Ленского.

Я сидела, не шелохнувшись. И так же замерла в дверях комнаты тетя Валя. Лицо ее было немного усталым и нежным. Леночка тоже стояла в дверях своей комнаты и тихо грызла яблоко. Дядя Толик рассказывал о своем кумире, и лицо его светилось. Он сыпал фактами, будто боялся не успеть, потерять нить внимания:

– За два года до смерти Веневитинов поступил на службу в архив Коллегии иностранных дел. Это про его работников Пушкин говорил с иронией: «архивны юноши». Дмитрий Владимирович считал, что поэзия неразлучна с философией, а философия – есть внешняя поэзия. В 1825 году, после восстания декабристов, «Общество любомудрия» было распущено и все его документы сожжены. В 1826 году Веневитинов переехал из Москвы в Санкт-Петербург и стал работать в министерстве иностранных дел. А помогла ему с отъездом княгиня Зинаида Волконская. Слышала про нее?

Про красавицу Зинаиду Волконскую я читала когда-то в книге Марии Марич «Северное сияние». Книга была посвящена декабристам, и я, словно нарочно, читала ее в декабре. С тех пор образ декабристов был овеян для меня не только романтическим ореолом, но и ожиданием Нового Года. Я полуутвердительно кивнула, но дядя Толик не особо и нуждался в моем ответе:

– Роковая княгиня! Красавица, умница! Ею восхищался Пушкин, она была избалована вниманием мужчин и вовсе не планировала очаровывать Дмитрия Владимировича. Но разве сердцу прикажешь?! Она была на пятнадцать лет старше, но он не видел этого. С первой встречи его сердце принадлежало Волконской. Он ей признался. Льстило ли это Зинаиде Александровне? Конечно. Однако чувств к нему она не питала. Но она была женщиной умной и очень проницательной. Быстро поняла,

что страсть погубит юношу, и сделала все, чтобы спасти его от... самой себя. Они гуляли по Симонову монастырю, беседовали. Она улыбалась ему, он был счастлив. Для счастья порой хватает и улыбки…

Она упросила его покинуть Москву и отправиться в северную столицу. И в знак вечной дружбы подарила Дмитрию кольцо. Простой металлический перстень, Его нашли в пепле при раскопках Геркуланума – древнего города, разрушенного, как и Помпеи, извержением Везувия.

Друзья говорили, что Веневитинов никогда не расставался с перстнем Зинаиды и обещал надеть его только в двух случаях: или идя под венец, или умирая.

И та же Зинаида Волконская упросила Дмитрия взять с собой в путь француза по фамилии Воше. Он провожал в Сибирь, к мужу-декабристу, княгиню Трубецкую. И вот вместе с этим французом их арестовали при въезде в Петербург. Тогда арестовывали всех, кто имел хоть какое-то отношение к восстанию декабристов. Просто по подозрению, иногда безосновательно. Посадили в холодный карцер, скоро выпустили, но Дмитрий был и без того слабым и простудился.

Дядя Толик на мгновение умолк и залпом отпил остывший чай. Голос его дрогнул и зазвучал чуть глуше:

– Княгиня снилась ему. На одном из балов у друзей ему вдруг почудился ее силуэт... Знаешь, раньше, когда бал близился к концу, то лакеи постепенно гасили свечи. Это был целый ритуал: они важно вышагивали вдоль стен и дотрагивались до пламени гасильниками – такими длинными палками с наконечниками в виде наперстков. И комнаты окутывались легким полумраком – каждый силуэт в нем был исполнен тайны. Помнишь лермонтовское «Исполнены тайны слова ее уст ароматных»? Вот так и здесь. Много ли этому влюбленному мальчику было надо?! Любая женщина, промелькнувшая в полумраке свечей, чуть блеснувшая глазами – может, это она, его мечта, его счастье?

Он выскочил на крыльцо. Нет, это была не Волконская, но Веневитинов долго простоял на ветру. Повалил снег, он продолжал стоять. А вдруг чудо все же возможно?

На следующий день он не смог встать. Начался сильный жар, воспаление легких. Друзья не оставляли его. Незадолго до смерти один из них надел на руку Дмитрия тот самый перстень. И тот пришел в себя на миг, спросил: «Я женюсь?» И снова впал в забытье. Через час его не стало. Лицо его было спокойным и очень красивым. И перстень из Геркуланума был на его руке.

Дядя Толик перевел взгляд на гитару. Та сиротливо лежала на диванчике и словно тоже слушала.

– Его похоронили при московском Симоновом монастыре, – продолжил дядя Толик уже медленно и каким-то бесцветным голосом. – И вот жестокость судьбы – именно Зинаиде Волконской пришлось сообщать матери Дмитрия о его смерти. В свете поползли слухи о том, что он покончил с собой. И тогда Волконская уехала в Рим, чтобы быть подальше от разговоров.

Но однажды, вернувшись ненадолго в Москву, она отправилась пешком в гости и заплутала в переулках. Дорога сама вывела ее к дому Дмитрия Владимировича. И тогда она стала молиться у его стен и плакать о юноше, который любил ее всем сердцем.

А спустя много лет сбылось предсказание о перстне-талисмане, написанное Дмитрием в одном из стихотворений.

Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя откроет вновь...

В 1930 году старое кладбище решили уничтожить и перенести прах поэта на Новодевичье. Могилу Веневитинова вскрыли, перстень из Геркуланума передали в музей. Но вот тогда и обратили внимание, что руки Дмитрия лежали не на груди, как положено, а вдоль тела, как у самоубийцы. Но решили эту тему закрыть. Так и ушла последняя тайна Дмитрия Владимировича вместе с ним.

За 21 год он успел написать всего 50 стихотворений, несколько критических и философских статей. А словно бы огромную жизнь прожил, все высказал, все знал про себя:

…Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе всё чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

– Вот ты можешь мне объяснить, как это? – дядя Толик впивался в меня взглядом, а стекла его очков сверкали как звезды. – Как мальчик мог это все предвидеть? Он ведь меньше Лермонтова прожил. Что за дар был у него?

– Не предвидел бы, может, и не сгорел так рано, – тихо отозвалась тетя Валя. И голос ее упал в тишину комнаты. – Светлый дар был у него. Но мучительный. Свет ведь тоже убивает, если его много.

Муж взвился было к ней, и вдруг как-то обмяк.

– Права ты, наверно... Может, и вправду – чем проще, тем лучше. – И умолк, задумавшись. Жена неслышно подошла к нему, пригладила взлохмаченные волосы и мягко, по-матерински, поцеловала. Леночка давно скрылась в своей комнате. Видно, рассказы отца она слышала часто и уже привыкла к ним.

Я тихо спустилась к себе на третий этаж.

– Ну, что? – встретили меня родители. – Интересно было? Толик – человек занятный, только чудаковатый. Но ты его слушай, он много знает. Тебе это может пригодиться при поступлении.

При поступлении это мне не пригодилось. Но уже на третьем курсе, изучая язык Библии, я прочла горькое изречение из Экклезиаста: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»

В этот же день совершенно неожиданно я наткнулась в газете на странную английскую фразу. Авторство ее приписывали Джону Леннону: «Living is easy with eyes closed», что примерно означало: «Жизнь легка для тех, кто закрывает глаза».

И сравнив эти два изречения, вспомнила Анатолия Ильича Новгородцева, незабвенного нашего дядю Толика, впервые рассказавшего мне о Дмитрии Веневитинове. Юноше-поэте, сумевшем за 21 год прожить огромную жизнь.

Блажен, блажен, кто в полдень жизни
И на закате ясных лет,
Как в недрах радостной отчизны,
Еще в фантазии живет.
Кому небесное – родное,
Кто сочетает с сединой
Воображенье молодое
И разум с пламенной душой.

ЛЕЙЛА БЕГИМ

Как реагируют на «корону» в Чехии?

В понедельник во второй половине дня у меня поднялась высокая температура.

Во вторник утром я позвонила участковому врачу. Рассказала, что до поднятия температуры у меня несколько дней сильно болела голова.

– Максимальная отметка? – спросила она.

– 39.2.

– Какие ещё симптомы?

– У меня сейчас болит все. И голова, и каждая мышца, и глаза, и грудная клетка. Кашель странный. Напоминает, как мне кажется, чахоточный, хотя у меня такой впервые.

Доктор, слушая, всё заносила в компьютер. Почувствовав, что я выдохлась и говорить не могу, попросила кого-нибудь из домашних к телефону.

Я передала трубку старшей дочери, и она вместе с врачом заполнила он-лайн регистрацию на тест. Затем Ая вернула мне трубку.

– Завтра вы идёте на тест.

– Но я не могу вставать.

– Придётся. До получения ответа на тест, всем членам семьи выходить из дома не рекомендуется. Если результат вашего теста окажется позитивным, выход из дома вас и членов вашей семьи будет караться законом. При температуре выше 38 пейте паралeн (парацетамол). Будете задыхаться, зовите скорую.

На этих обнадёживающих словах она повесила трубку.

Весь оставшийся день и ночь прошли ужасно. Особенно для Юсифа, который всячески старался облегчить мое состояние.

Температура скакала, и меня трясло так, что мне казалось, что я разлетаюсь в щепки. Но к утру и температура опустилась, и я собралась, и мы с Юсифом поехали на тест.

Тест проводили в обособленном от больницы небольшом каменном здании. От парковки к нему вела тропинка, по которой можно было идти только подозреваемым в ковиде. Соответственно, я поплелась одна. Очереди не было, видимо, за счёт хорошего планирования.

Когда я вошла в кабинет, меня встретила молодая женщина в космическом костюме. Томно поведя своими васильковыми глазами, она одобрительно оглядела меня с ног до головы и усадила в кресло.

«Ей явно понравились мои лиловые...» – но продолжить мысль о сапожках она не дала мне. Правая ноздря, в которую она ввела длинную палочку, стала гореть так, что я вскочила с места и поспешила распрощаться с этой оперативной и явно не страдающей отсутствием вкуса лаборанткой.

Через полчаса мы с Юсифом были дома.

На следующий день после 12 мне уже вынесли приговор с инструкцией как можно быстрей связаться с участковым врачом.

Но врач в этот день работал до 12.

Ничего не оставалось делать, как ждать следующего дня.

Ожидание было тягостным. Лихорадка не отпускала меня, голова и тело раскалывались так, что хотелось уже одним разом – разбить кувалдой!

О чем я горячо просила Юсифа. Но он вместо этого щедро поливал меня уксусом. Что в результате, как мне кажется, и сбило температуру.

Утром, совершенно обессиленная, я позвонила врачу.

– У меня позитивный тест.

– Я так и думала. Какая у вас температура?

– Вчера была 39.5. Сегодня час назад была 37.5...

– Звоните мне сразу после замера температуры. Я не могу ждать, пока вы это сделаете.

– Так я и не прошу вас об этом!

– Вам уже звонили из «гигиены»?

– Нет.

– Хм... Видимо, не успевают. Позвонят. Нужно срочно записать на тест вашего мужа и детей. Старшего сына и мужа запишу я. Насчёт детей позвоните педиатру. У вас температура поднялась 14-го? Значит, они должны пойти на тест 22-го. Я позвоню вашему старшему сыну и все объясню...

– Подождите. А как я? Вы мне назначите лечение?

– От ковида нет лечения.

– Как нет? Никаких лекарств?

– Нет. Пейте жаропонижающее и болеутоляющее – то, что вам всегда помогает от головной боли. Вам нужен рецепт на суматриптан?

– Да.

– Я вышлю е-рецепт смс-кой. Но кто заберёт?

– Не знаю.

– Попросите соседей. Пусть заберут в аптеке и оставят в почтовом ящике.

– Простите, а вы мне не назначите препараты, разжижающие кровь? Мне говорили, что надо пить кардиоаспирин, гепарин...

– Эти препараты даются только в больничных условиях при соответствующих показаниях. В вашем случае они не нужны.

– А КТ? Я вчера вечером задыхалась, и утром задыхалась...

– Я не могу вас записать на КТ. У вас ковид! Вы же не будете стоять в одной очереди с другими пациентами.

– А если у меня поражены лёгкие?

– Степень поражения все равно меняется. Этот анализ сегодня ничего не даст. Следите за своим состоянием. Будете задыхаться, зовите скорую.

– А витамины? Мы купили Д3, цинк , витамин С 1000 мг, бальзам на травах... Я принимаю...

– Это все можете принимать наряду с обильным питьем.

На этих словах она со мной попрощалась.

«Корона» все больше и больше давила на голову. Голова трещала. Оставалось только одно – выпить таблетку от боли и провалиться в сон...

На следующий день раздался телефонный звонок.

– Привееееет! Послушай! – из телефонной трубки доносился знакомый автомобильный сигнал. – А теперь отложи телефон и слушай, – продолжал греметь родной голос. Я отложила телефон и услышала этот же сигнал прямо за окном.

– Вы у нас??

– Да! Мы на чай приехали! Выпьем по кружке «Мехмери» и уедем!

– Но у меня «корона»...

– Снимай ее и подходи к окну!

За мигающим праздничными огнями окном, у белого автомобиля, с кружкой чая в руках стоял, улыбаясь, Эмиль. А из окон машины, размахивая стебельками, вверх тянулись ещё две родные руки. Вафы и Айдан.

60 км ехали, чтоб выпить с нами у дома чай из термоса!

И привезти нам гостинцы, которые они, по-рождественски, оставили у порога.

ГЮНЕЛЬ ЭМИНЛИ

Красивые и смелые

Одноактная пьеса

Комната, напоминающая студию. Кровать и зеркальный шкаф в левом углу. В правом углу раковина, газовая плита, холодильник. Журнальный столик и небольшой диванчик рядом с холодильником.

Входит полная девушка и плачет. Она сидит на своей кровати, закрыв лицо. Она рыдает, обращаясь к самой себе:

ДЕВУШКА. Идиот, предатель, бесчестный. Иди и грызи кости, как собака. Чтоб зуб тебе сломать. Разве любовь зависит от размера? S – это хорошо, а XL не годится? Он еще считает себя правым. *(Она встает. Наливает воды из графина на столе. Успокаивает себя.)* Как будто я не знаю, что я толстуха, если я и не слониха, то на слоненка похожа уж точно. Какое это отношение имеет к любви? Ты любишь меня или мой размер? Ему не стыдно, он мне еще говорит, что худые девушки привлекательнее. Ты это только сейчас понял, идиот? Когда ты со мной познакомился, не видел, что я не балерина. А теперь что? *(Раздраженно ходит по комнате из угла в угол.)* Как мне жить без него? Я думала, мы поженимся. У нас будет свадьба. Будем жить счастливо. А он... Он бросил меня. Как ненужную вещь. А еще так решительно сказал: «Ты толстуха, я не люблю тебя, не могу полюбить!». Означает ли это, что полные девушки не имеют права на любовь? Куда же тогда делась настоящая любовь? Любовь тех, кто любит, исходя из размера, тоже мала. Проблема не в худобе или избыточном весе. Проблема в узости сердца, в широте чувств. Их сердца маленькие, узкие и слабые. Их соблазняют привлекательные тела худых моделей и актрис с телевидения. Разве они счастливы в жизни? Нашли свою любовь? *(нерешительно.)* Может, и нашли. Они так ярко улыбаются в камеры. Но у каждой красивой женщины свои проблемы. Красивые женщины тоже переживают трагедии. Но полные женщины страдают, как в аду. Вкус продиктован рекламой, в наше время парни хотят дружить и любить девушек, которые выглядят как рекламные модели. Никто на меня и смотреть не хочет. Эх, что сказать... Как мне дальше жить? Чему доверять? Нет, я все равно не собираюсь жить. Жизнь все равно бессмысленная, серая, будущее туманно… Я хочу его, я люблю его. Я убью себя. Это лучший выход. Пусть поймет, какую красивую, преданную, бескорыстную девушку он потерял... Я так сильно его любила... Я должна-подумать. Должна найти способ самоубийства, который причинил бы ему боль. *(Подходит к газовой плите.)* Может, открыть газ? Нет, нет. Это не самая лучшая идея. Вдруг случится взрыв и пострадают соседи. Погоди-ка, ведь Сильвия Платт, известная поэтесса, покончила с собой, засунув голову в газовую плиту. Может, и мне сделать так же... Но как это сделать, у меня плита не газовая, она электрическая. Меня это не убьет, но лицо станет красным, как кожица жареной индейки. Нет, я даже мертвой должна выглядеть привлекательно. *(Подходит к окну.)* Может, с балкона броситься? *(Смотрит вниз.)* Нет, я живу на третьем этаже. Я упаду, получу ушиб или даже ногу сломаю. Но ясно, что не умру. Я должна умереть. Один Бог знает, в какой позе я упаду на асфальт. Прохожие сначала сделают фото и выложат в Интернет, потом приедет скорая помощь, и разыграется комедия из моей трагедии. Мой любимый человек присоединится к ним и примется громко смеяться. «Упавшую из окна

толстуху прохожие с трудом подняли и поместили в скорую». Или... Я такая невезучая, наверное, на кого-нибудь упаду. Я-то не умру. Но если этот несчастный останется подо мной, то будет полностью раздавлен и превратится в запеченный в духовке голландский сыр. Нет, я не могу брать грех на душу. Нужна другая идея. *(Она расстроенно садится на кровать. Обнимает подушку и думает.)* Может, лечь и принять много снотворного? *(Ложится на кровать, откидывает волосы на подушку, поднимает руки к лицу, закрывает глаза, но быстро их открывает, а затем сразу же встает. Она поспешно красится, возвращается в постель и принимает ту же позу.)* Вот красивая смерть. Я умру комфортно и буду хорошо при этом выглядеть. *(Некоторое время она лежит в постели и думает.)* Нет, это не то, что я хочу. Они не поймут, что я покончила жизнь самоубийством. Подумают, легла и не встала. Конечно, позовут врача, и он скажет, что неудивительно, что человек с таким ожирением лег и не встал. Сердце не выдержало. Это совсем не будет похоже на самоубийство. Я должна превратить это в трагедию, которая заставит его страдать, испытывать угрызения совести. Может, оставить письмо? Что, если они не смогут найти письмо? Если оно исчезнет в переполохе, мой мотив снова останется темным. Или может быть хуже. Была известная голливудская актриса, как ее звали? Лупа, нет, Лупе Велес. На пике славы и красоты она решила закончить свою жизнь красивым самоубийством, но умерла самым нелепым и отвратительным образом. Лупе одела красивое платье, приняла много лекарств, выпила коньяку и легла на кровать, но через несколько минут ее начало беспрерывно рвать. Она встала, чтобы пройти в ванную, поскользнулась, ударилась головой об унитаз и задохнулась собственной рвотой. Фу!.. После этого самоубийство с помощью отравления стало считаться в Голливуде отвратительной формой ухода из жизни. Бедняжка. Вот и мне не хочется такого финала. Может, порезать запястья в ванной и лечь в воду? Нет, нет! Во-первых, я боюсь крови. Во-вторых, не знаю, лечь голой или в одежде. В-третьих, я настолько толстая, что сколько бы ни наполняла ванну, вся вода перельется, как только я в нее войду. И это не получится. Нет, нужно придумать что-то другое. Более действенный способ... Может, повеситься на веревке? (*Смотрит на потолок. Вдруг начинает смеяться.)* Боже мой, я, наверное, единственная толстуха в мире, которая может от души посмеяться, прежде чем совершить самоубийство. Какой крюк или потолок меня выдержит, какая веревка задушит? Либо крюк сорвется, либо веревка порвется, либо потолок упадет на меня, черт со мной, на соседей. Я буду проклята напоследок. Мне это нужно? Даже в фильмах, которые я смотрела, толстые люди никогда не совершают самоубийства при помощи веревки. Вешаются всегда худые. Действительно... Какая дискриминация. Люди делятся на хороших и плохих, красивых и некрасивых, честных и нечестных. Но для меня всегда было две категории: толстые и худые. Чтоб этим худым неладно было. Как будто они совсем ничего не едят. Живут на одной воде. А толстых повсюду притесняют. Когда заходишь в магазин, чувствуешь раскаяние, протягивая руку к понравившемуся платью. В глазах продавца можно прочитать: «Убери руку, слоненок», «Обжора, не видишь, это не для тебя», «Это платье на тебе будет смотреться как носовой платок, уродина, не можешь стать хозяйкой своего живота». Он еще может вызвать службу безопасности и насильно тебя выгнать. Как будто ты своим присутствием портишь облик этого гламурного магазина. Или когда твои худые друзья заказывают что-то в ресторане, официант всегда саркастически улыбается тебе. Он думает про себя: «Может, немного притормозишь, скоро вместо платья будешь надевать брезентовый чехол от танка. Нет, ты не ешь! Лучше проглоти весь ресторан вместе со всеми нами». О боже!.. Ни в одном фильме нет героини – толстой женщины, никогда. Ни один здравомыслящий мужчина не станет героем для толстой женщины и не станет сходить с ума по ней. Ни один мужчина не возжелает ее, если ты толстая, то не можешь быть женщиной чьей-либо мечты. Ничего более ужасного не могу себе представить. На эту тему есть известный фильм, «Дневник Бриджит

Джонс». Там бедная толстая девочка тоже изо всех сил пытается завоевать любовь. Мне очень нравится этот фильм, иногда длинными зимними ночами я укрываюсь одеялом и пересматриваю его снова и снова. *(Подходит к шкафу. Открывает его и берет оттуда небольшого размера платье.)* Носить такие было моей самой большой мечтой. Увы, не повезло. *(Берет большое платье.)* Боже, платье такого размера? В дождь дети со всего детского сада могут использовать его как зонтик и укрыться под ним. *(Берет одно из маленьких платьев, прижимает к себе и ходит по комнате.)* Как красиво я выглядела бы в этом платье. Нарядной и красивой, как балерина. Как я люблю смотреть балет... *(Пытается встать на цыпочки. Как бы она ни старалась, не может поднять руку и принять позу балерины.)* Эх, я балерина-тяжеловес. Ха-ха. На мою ногу никаких пуант не найти. *(Она с трудом садится на пол. Этот процесс занимает некоторое время. Затем поворачивается лицом к зрителям и спрашивает.)* Как я могу убить себя? Я рассмотрела все способы. Ни один из них мне не подходит. *(Вдруг она наклоняется к животу.)* У меня урчит живот. Хочу есть. *(Встает и подходит к шкафу. Достает еду из шкафа и холодильника и начинает быстро есть. Запивает время от времени чаем.)* Да не стану я себя убивать. По крайней мере, нормально поем. Я хочу есть. Вот почему в голову приходили дурные мысли. Зачем убивать себя?! Ради него? Будь он проклят! Надо ли кончать с собойиз-за того, что ушел любимый? Нет, наоборот, надо сделать так, чтобы это он наложил на себя руки. Вот и все. Когда человек ест, он счастлив и улыбается. Кроме того, в голову приходят интересные и красивые идеи. *(Наевшись, она встает из-за стола, ходит из угла в угол. Подходит к зеркалу и смотрит на себя.)* Боже, с этим телом я могу есть со спокойной совестью! Иногда мне кажется, что дети в Африке голодают из-за меня. Настроение хорошее – ем, плохое – опять ем, для моего аппетита неважно, плохой ли это или удачный день! Вы можете найти еду на любой вкус и под любое настроение. Например, кофейный латте, когда я счастлива, банановый блин, американо и чизкейк, когда мне плохо, когда совсем хорошо – долма с рассолом, когда мне плохо – борщ с майонезом… и так далее. Среднее настроение еще хуже. Мне хочется острого и сладкого, кислого и соленого одновременно. Наверное, тогда-то он меня и испугался. Он сказал, как можно жить с человеком, который не знает, что он хочет съесть? *(Крутится перед зеркалом и кладет руку себе на живот.)* Когда я смотрю на себя, мне кажется, что я не только съела килограммы еды, но и проглотила свои мечты, желания и цели. *(Подходит к холодильнику.)* Я почти убедила Орхана в том, что есть богини полноты, которые ночью зовут меня к холодильнику. *(Смеется и одновременно печалится.)* Бедняжка делал вид, что верит мне. Я свела и его с ума. Он смотрел со мной все передачи о толстых. Мы вместе смеялись над новостями авиакомпании. Компания, которая присоединилась к борьбе с лишним весом, отказалась пускать в свой самолет толстых людей. «Ну и ну!» – сказали мы оба. Но теперь я думаю, что если авиакомпания отказалась пускать толстых людей в салон, Орхан выгнал меня из салона своей жизни. Еда – первая форма любви. Если ешь, значит, любишь, если много ешь, значит, нуждаешься в том, чтобы любить и быть любимым. Это говорю не я. Психологи говорят. Возможно, мои проблемы начались с детства в неполной семье. Я жила с мамой. Виделась с отцом раз в неделю. Он приходил с работы уставшим и отводил меня в маленькое кафе возле метро. Он покупал много сладостей, горячее какао и кормил меня досыта. Запах и вкус этого какао до сих пор напоминают мне моего отца. Когда я его пью, мне кажется, что он сидит рядом и смотрит на меня. Так появилась моя любовь и пристрастие к сладкому. Когда мне скучно, когда я в нем нуждаюсь, у меня разгорается дикий аппетит. Я почти нападаю на сладкое, сладкий чай, какао. Их сладость уменьшает горечь моей жизни. Слишком много есть – говорит об отсутствии любви, если ты ешь слишком много, значит, у тебя много проблем. Представьте, сколько проблем было у Мануэля. Я имею в виду Мануэля Урибе, самого толстого человека в мире. Он умер недавно. В 40 лет... Самый толстый и одинокий

мужчина в мире. Мне было его жалко, но еще жальче себя. *(Подходит к чулану, роется в вещах на верхней полке, тут падает один из ящиков. Фотографии сыплются на пол. Она поднимает их и начинает смотреть одну за другой.)* Боже, я забыла это фото. Отец, мама и я. Какая красивая картина. Как крепко обнимает меня отец. А мама обнимает отца. Какими счастливыми мы выглядим. Мы были счастливой семьей. Фото искрится любовью. Но потом что-то пошло не так. Мы рассыпались. Но все же это фото... Это фото говорит о многом. У меня есть силы построить и сберечь такую прекрасную семью. Должны быть. Нет, я должна решиться. Должна что-то сделать. Так нельзя.Мануэль мертв. А я должна жить. Я хочу жить. Я хочу вернуть Орхана. Хочу доказать всем и себе, что могу быть другой. Но хотя бы в последний раз хочу попробовать свою любимую пиццу «Маргарита». *(Подходит к столу, берет сотовый и звонит.)* Алло, привет. Да, ага, это я. Пожалуйста, как всегда. Ага, нужно напомнить адрес? Все, жду. *(Заходит за шкаф. Возвращается в спортивной одежде. У нее кроссовки на ногах, а в руках скакалка и мяч. Выглядывает во двор. Снаружи идет дождь.)* Боже, женщина в спортивном костюме готовится к тренировке и ждет пиццу. Какая ирония. Это еще цветочки, в тот раз я видела человека, занимающегося быстрой ходьбой, который закурил сигарету, присев на скамейку. Люблю Баку. Да и людей тоже. У нас ко всему особенное отношение. Мы шутим даже со спортом.

Раздается звонок в дверь. Она подходит к двери и открывает ее. Толстяк ждет с коробкой пиццы в руках.

ДЕВУШКА. Давай проходи. Сколько я должна?

ПАРЕНЬ. 8 манатов 50 копеек.

ДЕВУШКА. Как? Почему так мало? Ведь Маргарита всегда стоила 17 манатов.

ПАРЕНЬ (*отвечает, сглатывая слюну*). Потому что половину я съел по дороге.

ДЕВУШКА. Что ты сделал?

ПАРЕНЬ. Съел.

ДЕВУШКА (*сначала смотрит на парня сердито, но вдруг начинает смеяться*). Заходи и раздевайся.

ПАРЕНЬ. Что сделать?

ДЕВУШКА. Раздевайся. Я принесу тебе одежду.

ПАРЕНЬ. Какую одежду? На мне есть одежда.

ДЕВУШКА. Давай, братец, то есть, жратец, заходи. Погоди, давай угадаю, кажется, ты, как и я, с детства дружишь с едой, ты устал от работы, от стресса, Бог знает, сколько раз тебя увольняли, девушки на тебя не смотрят, друзья не берут тебя на вечеринки, они вообще не считают тебя «крутым», твое имя записано у них в телефоне как «Жирдяй», ты устал от оскорблений, вот и мстишь,поедая пиццу клиентов. Видишь, я все знаю. Так что заходи и разденься.

Парень послушно заходит внутрь и раздевается. Остается в майке и нижнем белье. Женщина приносит из комнаты спортивную одежду и передает ему.

ДЕВУШКА. Одевайся, мы уходим.

ПАРЕНЬ. Куда?

ДЕВУШКА. На спорт. В поход. Худеть, к новой жизни. Называй, как хочешь. Из нас двоих останется один. Мы похудеем на одного человека. Станем другими людьми.

ПАРЕНЬ. Другими, то есть, какими?

ДЕВУШКА. Красивыми и смелыми!

Перевод Ниджата МАМЕДОВА